
2013

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 24

Chisinau

September - 2013

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of “C” scientific journal (Decision no. 146 of 27 Jun 2013).

The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF EUROPEAN INTEGRATION AND POLITICAL SCIENCES OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kainal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

The journal is being issued since 2007

Address: Kishineu,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «С» (решение № 146 от 27 июня 2013 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве — сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Имамов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Журнал выходит с 2007 года

Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

12.00.00 LEGAL SCIENCES

Gheorghe COSTACHI

LEGAL NIHILISM: ESSENCE, CAUSES AND CURE 6

Amir ALIYEV, Farid GULIYEV

MAIN PRINCIPLES OF INTERNATIONAL REGULATION ON THE RIGHT TO FREE
ENTERPRISE AND HUMAN RIGHTS 12

Shachrijar ALIYEV, Lala FARZALIEVA

THE MECHANISM OF CONTROL OF FINANCE AND CURRENCY OF THE
INTERNATIONAL MONETARY FUND 21

Petru RAILEAN

DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT REPUBLIC OF MOLDOVA:
ANALYSIS AND ASPECTS 27

23.00.00 POLITICAL SCIENCES

Ali HASANOV, Aitekin ZEYNALOVA

THE ATTITUDE OF THE NATIONAL PRESS TO THE PROBLEM OF THE ROLE OF
COOPERATION WITH THE COUNCIL OF EUROPE IN THE DEVELOPMENT OF
RELATIONS WITH WESTERN COUNTRIES 31

Natalia PROBEIGOLOV

POLITICAL MYTH AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A DEMOCRATIC
POLITICAL CULTURE 37

Anatoly VASILIEV, Tuli HAIDER

PUBLIC POLICY IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN UKRAINE AND IRAK 43

Victor JUC

STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM
AFTER THE END OF THE COLD WAR: THE ORETICAL - METHODOLOGICAL
AND EPISTEMOLOGICAL HIGHLIGHTS OF INVESTIGATIONS 49

Seymur TALIBOV

POWER POLITICS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN AND
LEGISLATIVE FRAMEWORK 58

Oksana MAZUR

POLITICAL CONFLICT AND CONSENSUS AS A CHARACTERISTICS
OF POLITICAL REGIME 65

Ruslan SHEVCHENKO

ARMENIA-AZERBAIJAN CONFLICT: PHASE OF FRUITLESS
NEGOTIATIONS (1994-2013) 71

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00 ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Георге КОСТАКИ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ 6

Амир АЛИЕВ, Фарид ГУЛИЕВ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 12

Шахрияр АЛИЕВ, Лала ФАРЗАЛИЕВА

МЕХАНИЗМ КОНТРОЛЯ ФИНАНСОВ И ВАЛЮТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
ВАЛЮТНОГО ФОНДА 21

Петру РАЙЛЯН

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ
МОЛДОВА: АНАЛИЗ И АСПЕКТЫ 27

23.00.00 ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Али ГАСАНОВ, Айтекин ЗЕЙНАЛОВА

ПУТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДО
ЧЛЕНСТВА В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ В ОТРАЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ 31

Наталья ПРОБЕЙГОЛОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА 37

Анатолий ВАСИЛЬЕВ, Тули ХАЙДЕР

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В
УКРАИНЕ И ИРАКЕ 43

Виктор ЖУК

СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 49

Сеймур ТАЛЫБОВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И
ЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА 58

Оксана МАЗУР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА 65

Руслан ШЕВЧЕНКО

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ: ЭТАП БЕСПЛОДНЫХ
ПЕРЕГОВОРОВ (1994-2013) 71

Георге КОСТАКИ,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института истории,
государства и права Академии наук Молдовы

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В философии принято считать, что *нигилизм* происходит от латинского *nihil* (ничто, ничего) – позиции абсолютного отрицания [12; с. 43].

По мнению Н.И. Матузова, *нигилизм* вообще (в переводе с лат. – «отрицание») выражает негативное отношение субъекта (группы, класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, отдельным, а подчас и всем сторонам человеческого бытия. Это – одна из форм мироощущения и социального поведения [6; с. 376].

Как течение общественной мысли *нигилизм* зародился давно, но наибольшее распространение получил в прошлом столетии, главным образом в Западной Европе. *Нигилизм* как понятие было связано с такими философами леворадикального направления, как Якоби, Прудон, Ницше, Штирнер, Хайдеггер, Бакунин, Кропоткин и др. *Нигилизм* многолик, он может быть нравственным, правовым, политическим, идеологическим, религиозным и т.д., в зависимости оттого, какие ценности отрицаются, о какой сфере знаний и социальной практике идет речь – культуре, науке, искусстве, этике, политике, экономике. Между ними много оттенков, нюансов, взаимопереходов. Каждая из разновидностей этого течения имеет свою историю [6; с. 376].

Как социальное явление *нигилизм* характеризуется [4; с. 333]:

- а) резко критическим, крайне негативным отношением к общепринятым, объективным (абсолютным) ценностям;
- б) максималистским подходом, интенсивностью, бескомпромиссностью отрицания;
- в) отсутствием позитивной программы;
- г) деструктивным, разрушительным началом.

Правовой *нигилизм* – разновидность социального *нигилизма* как родового понятия. Сущность его – в общем, негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин – в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения. Речь

идет о не востребованности права обществом [1; с. 14].

Если рассматривать субъективную (личностную) структуру, то правовой *нигилизм* – это не просто отрицание. Например, В.Г. Сафонов выделяет совокупность трех его составляющих [13; с. 66]:

- внутреннего понимания (лично мотивированного), либо признания (интуитивно или опытно подтвержденного) несостоятельности права (его норм, институтов, отраслей) как объективной ценности;
- личного отношения к праву или право оценивающей позиции (активной либо пассивной), которая зависит от уровня развития и качеств личности и является поведенческим стимулом;
- мотивированного поведения (правомерного или неправомерного) субъекта, направленного на достижение своей цели наиболее выгодным путем.

Проблема правового *нигилизма* стала предметом изучения целого комплекса наук, каждая из которых, исследуя различные аспекты, дополняет понимание этого социального явления. Следует говорить о многоаспектности теоретических подходов к изучению правового *нигилизма* в обществе. Классифицируя данные подходы, можно выделить следующие: 1) в аспекте философии, 2) в аспекте теории государства и права, 3) в аспекте истории, 4) в аспекте культурологии, 5) в аспекте социологии [7; с. 59].

Важный научный подход к исследованию правового *нигилизма* выявляется в работах ученых-правоведов, исследующих проблематику теории государства и права. Особенно хотелось бы отметить вклад профессора Н. И. Матузова, а также профессора В.А. Туманова в определение понятия, форм проявления этого социального феномена [15; 16]. Профессор Н. И. Матузов дает определение правового (или юридического) *нигилизма*. Правовой *нигилизм* – это непризнание права как социальной ценности, которое проявляется в негативно-отрицательном отношении к праву, законам, правопорядку, в неверии в необходимость права, его возможности, общественную полезность. Профессор В.А. Туманов указывает, что

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

правовой нигилизм – это патология сознания, которая вызывается определенным состоянием общества. На современном этапе именно эти определения, чаще всего используются в научной литературе и публицистике, когда речь идет о правовом нигилизме.

Н. И. Матузов выделяет следующие формы правового нигилизма [6; с. 383-390]:

а) умышленное нарушение законов и иных нормативно-правовых актов (злостный, корыстный уголовный криминал – наиболее грубый и опасный вид правового нигилизма, наносящий неисчислимый, не поддающийся точному определению вред обществу – физический, материальный, моральный);

б) массовое несоблюдение и неисполнение юридических предписаний, когда субъекты (граждане, должностные лица, государственные органы, общественные организации) попросту не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм, а стремятся жить и действовать по «своим правилам». Неисполнимость же законов – признак бессилия власти.

в) издание противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих правовых актов, которые нейтрализуют друг друга, растрачивая бесполезно свою силу. Нередко подзаконные акты становятся «надзаконными». Принимаемые в большом количестве юридические нормы не стыкуются, плохо синхронизированы. В результате возникают острейшие коллизии;

г) подмена законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью, выходы различных официальных должностных лиц и органов, общественных групп и сил на не правовое поле деятельности, стремление реализовать свои интересы вне рамок Конституции или в «разреженном правовом пространстве»;

д) конфронтация представительских и исполнительских структур власти. Это своего рода «номенклатурный» или «элитарный» нигилизм, связанный с параличом власти, а любой паралич власти означает паралич права, закона. Здесь соединяются воедино государственный и правовой нигилизм, который дезорганизует сложившиеся нормы управления обществом;

е) серьезным источником и формой выражения политико-юридического нигилизма являются нарушения прав человека, особенно таких, как право на жизнь, честь, достоинство, жилище, имущество, безопасность. Слабая правовая защищенность личности подрывает веру в закон, в способность государства обеспечить порядок и спокойствие в обществе, оградить людей от преступных посягательств. Бессилие же права не может породить позитивного отношения к нему, а вызывает лишь раздражение, недовольство, протест;

ж) теоретическая форма правового нигилизма (в научной сфере, в работах юристов, философов и др.).

В. А. Туманов пишет о «пассивной» и «активной» формах правового нигилизма, объясняя, что для «пассивной» формы характерно безразличное отношение к праву, недооценка его роли и значения, для «активной» же характерно осознанно враждебное отношение к праву.

В некоторых источниках утверждается, что правовой нигилизм может выступать в двух разновидностях или формах – *теоретической* (идеологической) и *практической*. В первом случае имеет место теоретическое, концептуальное обоснование правового нигилизма, когда ученые, философы, политологи доказывают (думается, вполне искренне), что есть гораздо более важные ценности (например, мировая пролетарская революция), чем право вообще, а тем более право отдельного человека. Во втором случае происходит реализация указанных взглядов и учений на практике, что часто выливается в террор государства против своего народа, в многомиллионные жертвы среди населения, в превращение правящей элиты, в конечном счете, в преступную клику (вот почему становится закономерной опора государственных органов и должностных лиц, например, органов безопасности, тюремной администрации и т.д., в проведении государственной политики на уголовные элементы) [15; с. 313].

По мнению наших ученых, правовой нигилизм является антиподом правовой культуры и проявляется в многообразных формах – от недооценки и неуважительного отношения к праву до его полного игнорирования и отрицания [17; с. 185-186].

Итак, формы проявления данного феномена весьма многообразны и многочисленны: от доктринальных теоретических постулатов до фактических правонарушающих действий. Характерным признаком рассматриваемого феномена являются степень, т.е. интенсивность, категоричность и бескомпромиссность этого явления. Отражая не столько количественную, сколько качественную характеристику, названное свойство объективно проявляет себя через форму выражения правового нигилизма, позволяя судить о границах (пределах) деформации правосознания [11; с. 17].

К сожалению, на сегодняшний день правовой нигилизм приобрел массовый характер, широко распространяясь не только среди граждан, но и среди должностных лиц в официальных государственных структурах. Время настоятельно требует более глубокого осмысления причин правового нигилизма и выработки механизмов и средств борьбы с этим явлением.

Причины правового нигилизма присутствуют в социуме постоянно и для каждого периода его развития имеют свой специфический характер. Правовой нигилизм имеет множество оснований. Он возникает, в частности, как следствие несовершенства правовых норм и правоприменительной деятельности органов государственной власти. Это означает, что для конкретного субъекта правовая норма не выполняет той задачи, которая в нее заложена. Правовой нигилизм проникает в сознание и сферу мироощущения отдельных граждан, групп, общностей людей. Поэтому причиняемый им социальный вред носит многосторонний характер, является катализатором практически всех нарушений законности. Помимо этого, формируется комплекс негативных установок в сознании и практике работы правоохранительных органов и самих граждан

Георге КОСТАКИ

(механизм виктимности, равнодушие или даже моральные оправдания некоторых видов правонарушений) [8; с. 363].

По нашему мнению, вполне оправдано считается, что в современных условиях нашего общества правовой нигилизм поддерживается рядом негативных факторов [17; с. 186]:

- недостатки проводимых социально-экономических реформ,
- незавершенность правовой реформы,
- неэффективная работа всего аппарата государственной власти,
- массовое и повсеместное нарушение законодательства,
- неспособность государства справиться с бурно растущей преступностью.

Рассматривая более подробно проблему причин и источников правового нигилизма, исследователь Л.А. Петручак подчеркивает самых главных из них: *кризисное состояние современного общества, несформированность государственной идеологии в правовой сфере, криминальный характер перераспределения собственности, происхождение крупных капиталов, несовершенство правовой системы, противоречивость и нестабильность современного законодательства, перераспределение законодательных полномочий в пользу органов исполнительной власти, коррумпированность чиновников, деградация ценности суда в общественном сознании, повсеместное массовое несоблюдение и неисполнение юридических предписаний*. Рассмотрим их более детально.

Первая из причин этого социального зла, по мнению многих исследователей, связана с *кризисным состоянием современного общества*. С данным явлением сталкивается всякое общество в период перехода от авторитарного к демократическому устройству. О глубоком всестороннем кризисе свидетельствует снижение уровня жизни широких масс населения, рост социальной напряженности, достигшая критических размеров коррупция, рост преступности [11; с. 18].

Социальная напряженность, экономические неурядицы, распад некогда единого жизненного пространства, региональный сепаратизм, дезинтеграция, конфронтация властей, морально-психологическая неустойчивость общества и многое другое не только не способствуют проявлению правового нигилизма, но постоянно воспроизводят и приумножают его.

Сложились идеальные условия для тех, кто не в ладах с законом, у кого на первом плане эгоистический интерес. Произвол, своеволие, игнорирование правовых и иных социальных норм достигли критической точки, за которой начинаются стихия, хаос, разлад. Потеря же управляемости, выход ситуации из-под контроля создает тягу к «сильной руке», когда право вообще отодвигается в сторону. Люди испытывают страх, растерянность, отчаяние. Именно поэтому страна нуждается не только в социально-экономической и политической стабилизации, но и в *право-*

вой. Более того, правовая стабилизация может в немалой степени способствовать упрочению положения дел во всех других областях [6; с. 381].

В связи с этим, следует отметить, что одним из препятствий на пути построения правового государства является *несформированность государственной идеологии в правовой сфере*. Разрушившаяся идеологическая система не оставила после себя принципов, целей, стимулов для дальнейшего развития общества. В настоящее время идеологический комплекс функционирует вхолостую, воспринимается, преимущественно, как декларативный, не связанный с реальной жизнью. Поэтому можно говорить о том, что в условиях современной правовой реформы нет эффективной государственной идеологии, призванной обеспечить динамику правовой реформы и государственного развития в целом.

Пока государственная идеология будет сформирована, ее место в правосознании граждан могут занять иные установки, навязанные другими государствами или группами людей. То есть, в этой ситуации государство должно уделить особое внимание защите своих граждан от деструктивного информационного воздействия [11; с. 18].

Еще одной из немаловажных причин правового нигилизма является *криминальный характер перераспределения собственности, происхождение крупных капиталов*. Несправедливость передела собственности имеет долгосрочные деструктивные последствия, и одно из главных – отчуждение большинства граждан от новой правовой системы. Но главным мотивом общественной жизнедеятельности стало материальное обогащение, стране навязан культ денег, ведущий к криминализации правового сознания.

Данные многочисленных социологических опросов показывают, что власть и общество переживают системный кризис взаимного доверия и, что даже опаснее, кризис «взаимного безразличия». Многие граждане избегают участия в выборах, и главная причина этого – неверие в свою способность повлиять на власть или нежелание быть инструментом в политической игре. Массовое сознание не воспринимает выборы как форму выражения народного суверенитета.

К числу факторов, порождающих правовой нигилизм, можно отнести и действующее право в сочетании с законодательными иллюзиями, т.е. представлениями о том, что достаточно принять хороший закон и тотчас в регламентируемой им сфере будет все налажено. Однако в реальной жизни дело обстоит несколько сложнее, и закон не может охватить весь пласт общественных отношений. Тогда законодательная иллюзия в обыденном сознании зачастую сменяется неоправданным разочарованием в отношении права вообще, что вызывает неверие ни в один нормативный правовой акт [11; с. 20].

Несовершенство правовой системы по-прежнему остается одним из основных источников правового нигилизма. В общественном сознании

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

прочно утвердилось мнение: преступник не тот, кто совершил преступление, а тот, кто попался и не сумел оправдаться. Попадают же в первую очередь те, кто совершил примитивное и очевидное деяние; кто не способен квалифицированно защищаться; кто не прикрыт депутатской или должностной неприкосновенностью; у кого нет средств на талантливо-циничного адвоката; и т. д. Такая практика серьезно подрывает принцип «все равны перед законом и судом» и способствует формированию у граждан склонности к противоправному поведению [11; с. 21].

Не способствует формированию правомерного поведения *противоречивость и нестабильность современного законодательства*, которое ставит в тупик при правоприменении даже юристов, не говоря о простом гражданине

Следует задуматься об опасности *перераспределения законодательных полномочий в пользу органов исполнительной власти*, что подпитывает правовой нигилизм. У людей вырабатывается четкий стереотип недоверия к праву, к закону, так как в своей повседневной жизни они на каждом шагу сталкиваются с отсутствием правового регулирования и заменой его актами «власть предрежащих».

Не менее острая проблема сегодня – *коррупционность чиновников*. Нельзя серьезно воспринимать разговоры о построении правового государства, гражданского общества, если произвол «слуг государевых» растет, а взятка остается надежным способом решения любого вопроса. Ситуация усугубляется тем, что общество не верит в возможность победы над взяточничеством и считает борьбу с коррупцией бесперспективной [11; с. 21-22].

Усиление нигилистических тенденций в сфере правосознания обусловлено также деятельностью судов. По существу своей деятельности судебная власть ближе всего расположена к народу и поэтому формирует то или иное отношение к праву и закону. Но в современном обществе нарастает *деградация ценности суда в общественном сознании*. Причины этого явления кроются в нарушении норм процессуального права, волоките, коррупционности судебного корпуса, подконтрольности органам исполнительной власти. Опасность состоит в укрепившемся неверии граждан в способность судебной системы стать реальным защитником гражданских прав и свобод.

Слабая правовая защищенность личности подрывает веру в закон, способность государства обеспечить порядок и спокойствие в обществе. «Бессилие права не может породить позитивного отношения к нему, а вызывает лишь раздражение, недовольство, протест» [9; с. 16]. Человек перестает уважать государство, когда он не видит в нем надежного гаранта и опоры. В таких условиях даже у законопослушных граждан вырабатываются нигилистические стереотипы недоверия к государству, правоохранительным органам, праву, к существующим социально-правовым институтам [11; с. 22].

Еще одной причиной правового нигилизма следует назвать *повсеместное массовое несоблюдение и неисполнение юридических предписаний*. Нарушение закона становится обычным делом, не вызывающим осуждения в обществе. Соотнося свое поведение с поведением других людей, человек не стремится подчиняться требованиям правовых норм. Для множества граждан фактически не существует границы между правомерным и противоправным поведением.

В то же время, крайне пагубно отражается в сознании людей безнаказанность за противоправные деяния. Безнаказанность вдохновляет, вселяет уверенность либо просто провоцирует новые средства и пути «обхода» права. Отсюда проистекает социальная и правовая дезориентация граждан. В этих условиях правовой нигилизм выступает «мотивирующим фактором криминогенной обстановки, ее оправдательным тоном» [3; с. 59].

Принимая во внимание вышеназванные причины современного правового нигилизма, следует согласиться с авторами, которые считают, что борьбу с правовым нигилизмом невозможно вести только с помощью воздействия на поведение людей такими средствами, как веление, запрет или дозволение. Необходима решительная реформа всего механизма правоприменения, чтобы принятые законы реально действовали в полном объеме. Здесь пока мало сделано, и не случайно объем коррупционных и должностных нарушений не уменьшается, а количество юридических коллизий возрастает. Поэтому нужно, чтобы реализация закона была первостепенной задачей всех граждан, всех государственных и муниципальных органов, коммерческих и общественных организаций. Для решения этой задачи в первую очередь необходимо предусмотреть вопросы персонификации ответственности органов государственной власти за несвоевременность и ненадлежащее качество законодательного обеспечения государственной политики, неисполнение законов, недобросовестное правоприменение [10; с. 40-41].

Более того, для преодоления правового нигилизма граждан необходим целый комплекс мониторинговых, контрольных и надзорных правовых средств, государственных мер, общественных усилий, среди которых нужно отметить [10; с. 41]:

1. Единую, последовательную правовую политику государства, необходимую для создания у граждан и должностных лиц определенного правового тонуса.

2. Повышение авторитета закона, который должен иметь надлежащее организационное и материальное обеспечение, отвечать международным стандартам, действовать стабильно.

3. Создание высококачественной системы правового обслуживания.

4. Обеспечение верховенства права, в частности, работоспособности всех механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина.

5. Формирование непрерывной и стабильной системы правового образования и просвещения в области прав человека.

Георге КОСТАКИ

С другой стороны, считаем, что правы и те исследователи, которые к основным причинам и условиям распространения правового нигилизма (в особенности в молодежной среде), относят недостаточный и низкий уровень правового образования и воспитания в семье, в учебных заведениях, кризис семьи, нестабильная экономическая ситуация, низкий социально-экономический уровень жизни значительной части населения, отсутствие правового просвещения средствами массовой информации, нежелание самих граждан стремиться к правовому самовоспитанию (при отсутствии веры в общеобязательность закона, отсутствии мотивации) и др. Все это, очевидно, способствует развитию и сохранению низкой правовой культуры, неуважительного отношения к праву в обществе, правового нигилизма. Отсутствие должного и необходимого правового воспитания считается одной из главных причин распространения правового нигилизма [2; с. 13].

Соответственно, следует признать, что необходимость оказания эффективного противодействия нигилистическим тенденциям актуализирует проблему правового воспитания, которое должно заключаться в развитии и повышении уровня правового сознания граждан. В первую очередь, право-воспитательная деятельность призвана содействовать формированию духовного фундамента в сознании людей, который предопределил бы необходимое и четкое соблюдение правовых норм в обществе, обеспечил бы основу сознательной реализации права.

В свою очередь, правовое воспитание должно опираться на правовое обучение, т.е. педагогический процесс передачи и усвоения правовых знаний, а также умений и навыков правильно использовать эти знания.

Правовое обучение является необходимым условием выработки у граждан уважения к закону, правовой убежденности. Конечно, нельзя требовать, чтобы правовое обучение обеспечило знание и усвоение каждым гражданином положений всех

действующих законов. Однако основные законы, регулирующие поведение людей, их отношения, необходимо знать всем. В этой связи, безусловно, актуализируется вопрос о роли средств массовой информации в формировании правового сознания, правовой культуры, уважения к закону и профилактике правонарушений. Так, занимаясь целенаправленной просветительской деятельностью в сфере прав человека, собирая, обрабатывая и анализируя различного рода информацию, имеющую отношение к правовому положению личности, средства массовой информации могут способствовать сокращению уровня преступности, выработке сознательно правомерного поведения [5; с. 40].

Правовое воспитание должно быть направлено и на формирование в обществе особой атмосферы нравственности и гуманизма. Нравственная ответственность за формирование новой ментальности лежит на ученых-гуманитариях, политиках, педагогах, которые должны заняться концептуальным изучением проблем становления новой ментальности, определением ее содержательных парадигм, разработкой направлений государственной политики в области общественного сознания и поведения, воспитанием и формированием должной гражданской идентичности.

Таким образом, можно сказать, что правовой нигилизм – это наследие прошлого, его преодоление в настоящем возможно только при повышении уровня общей и правовой культуры населения, формировании у каждого члена общества уважительного отношения к закону. Во многом этому могут способствовать средства массовой информации, активность позиции личности в противодействии произволу и беззаконию, продуманность внутренней политики, ее направленность на всемерную защиту прав и свобод человека и гражданина, профилактику правонарушений, совершенствование законодательства, подготовку высококвалифицированных кадров юристов.

Литература:

1. Донченко Р. Н. Правовой нигилизм как устоявшееся обще социальное явление. - Юрист (Москва, Российская Федерация), 2005, № 6.
2. Кабакович Г. А., Хамитова Г. Ш. Влияние правового образования и воспитания молодежи в учебных заведениях на предупреждение правового нигилизма в обществе. - Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований (Москва, Российская Федерация), 2010, №11.
3. Каландаришвили З. Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: монография. - Санкт-Петербург, 2005.
4. Костина К. А. Правовой нигилизм как черта российской правовой культуры. - Вестник ТГУ (Омск, Российская Федерация), 2012, выпуск 10 (114).
5. Лайтер А. В. Правовой нигилизм как фактор деформации правовой культуры России. - Вопросы культурологии (Москва, Российская Федерация), 2009, №2.
6. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм. - Теория государства и права: Курс лекций. Под

ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юрист, 2001, с. 381.

7. Монаков В. В. Теоретические подходы и предметные рамки изучения правового нигилизма в российском обществе. - Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2011, № 1 (21).

8. Назарова Н. Л. Правовой нигилизм как особенность правового сознания в современной России. - Вестник ННГУ (Нижний Новгород, Российская Федерация), Серия Право, 2003, № 2.

9. Павельев Р. Н. Нигилизм как специфическая форма деструктивности: социально-философский анализ. Автореф. дис. к. ф. н. - Воронеж, 1998.

10. Паремузов А. Н. Социальные стратегии преодоления правового нигилизма в современной России. - Теория и практика общественного развития. - Краснодар, Российская Федерация, 2012, № 5.

11. Петручак Л. А. Причины правового нигилизма в

**ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ:
СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

современной России. - Актуальные проблемы российского права (Москва, Российская Федерация), 2008, №4.

12. Полищук Н. И. К вопросу о влиянии правового нигилизма на эволюцию права. - Современное право (Москва, Российская Федерация), 2007, №2.

13. Сафонов В. Г. Понятие правового нигилизма. - Государство и право (Москва, Российская Федерация), 2004, №12.

14. Теория государства и права: Курс лекций. Под ред.

Н. И. Матузова и А. В. Малько, 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юристъ, 2001. - 766 с.

15. Теория государства и права: Учебник. Под ред. В. К. Бабаева. - Москва: Юристъ, 2003. - 395 с.

16. Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе. - Государство и право (Москва, Российская Федерация), 1993, № 8.

17. Балтаг Д., Балтаг Е. Общая теория права: Курс лекций. - Кишинев: Centrul editorial ULIM, 2009, с. 186.

Summary

This article deals with the problem of legal nihilism. Relevance of the topic is identified by the not-gained strategic object: creating a new, legal state in Republic of Moldova. Deep-rooted legal nihilism in the legal consciousness of the citizens is one of the reasons for the crisis in our society. That is why the country needs both social-economic and political stability, and legal. In the article author defines the essence of the legal nihilism, its structure, identifies the origins and causes of the legal nihilism, presents the general way of overcoming this problem.

Keywords: The right, legal consciousness, legal culture, legal nihilism, legal education, state of rights.

Амир АЛИЕВ,

доктор юридических наук, профессор,
Декан юридического факультета Бакинского
государственного Университета

Фарид ГУЛИЕВ,

диссертант Бакинского государственного университета

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Обязанность каждого государства уважать и соблюдать права человека непосредственно вытекает из принципа уважения прав человека, являющегося одним из основных принципов современного международного права. Суть принципа уважения прав человека, в первую очередь, состоит из обязательства государств уважать и соблюдать эти права в отношении всех лиц, находящихся в сфере их юрисдикции, без какой-либо дискриминации. Таким образом, на государства возлагаются важные обязательства в сфере прав человека, и осуществляется контроль за выполнением этих обязательств. Кроме того, развитие современного международного права характеризуется закреплением этих норм в сфере внутрисударственных отношений на основе принципа уважения международного права.

В Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой в 2000 году, выражено согласие государств на укрепление принципа уважения прав человека как в международных, так и в национальных вопросах [1]. В соответствии со статьей 1 Устава ООН, одна из целей Организации заключается в осуществлении международного сотрудничества, поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Статья 55 Устава также устанавливает другие аспекты принципа уважения прав человека. Согласно этой статье, с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, ООН содействует: повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития; разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования; всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

В настоящее время существуют многочисленные

международно-правовые документы по вопросам защиты прав человека и основных свобод. Государство может быть участником несколько соглашений по регулированию одного и того же вопроса. В этой связи, может возникнуть вопрос, какое из этих соглашений должно применяться в данном случае? Исходя из общего понимания целей и задач регулирования защиты прав человека и основных свобод, можно выдвинуть вполне обоснованную идею о том, что, в данном случае следует отдать предпочтение той норме, которая обеспечивает наиболее широкую и эффективную защиту индивида. Такой же вывод может быть сделан на основании анализа пункта 2 статьи 6 Пактов 1966 года. Это позволяет утверждать, что ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых или существующих в какой-либо стране в силу закона, конвенций, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в соответствующих документах не признаются такие права, или что в нем они признаются в меньшем объеме.

В свою очередь, нормы, установленные исходя из приведенных выше положений, открывают государствам, желающим обеспечить больше свободы для лиц, проживающих в территориях этих государств, большие возможности для защиты прав человека в региональных, субрегиональных и других уровнях в эффективных правовых рамках [2].

Всеобщая декларация прав человека выступает из позиций единства и неделимости гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав человека. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что нормативное закрепление принципа неделимости гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод человека и применение данного принципа в разных направлениях имеет очень важное значение как специфический принцип международно-правовой защиты прав человека.

Об этом особо наглядно свидетельствует анализ Международного пакта 1966 года об экономических,

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

социальных и культурных правах. Как отмечается в научной литературе, Пактом устанавливаются лишь те стандарты, к достижению которых государства должны стремиться. Д. Трубек считает целесообразным осуществлять социальные и экономические права человека путем принятия долгосрочных программ действия [3].

Основные принципы международно-правового регулирования. Основные принципы в сфере международно-правового регулирования права на свободное предпринимательство в аспекте прав человека, как правило, делятся на три группы: 1) обязанность государства защищать права человека, 2) ответственность предприятий за соблюдение прав человека, 3) доступ к средствам правовой защиты. Каждый из этих принципов, в свою очередь, сочетает в себе соответствующие отраслевые принципы. Нормативной основой этих принципов является Резолюция комитета ООН по правам человека от 16 июня 2011 года. Указанные принципы должны применяться ко всем государствам, всем транснациональным и другим предприятиям, независимо от их сфер деятельности, структуры, формы собственности и местоположения. Руководящие принципы должны рассматриваться как единое целое, излагаться как индивидуально, так и коллективно. Цель этих принципов состоит в развитии норм и практики свободного предпринимательства в аспекте прав человека.

Обязанность государства по защите прав человека. В структуре этого принципа выделяют базовые и функциональные принципы. Такое разделение, вообще говоря, относится и к другим принципам. Базовые принципы охватывают следующие положения:

Государства обязаны обеспечивать защиту прав человека от нарушения третьими лицами, в том числе предприятиями, находящимися в территории или под юрисдикцией данного государства. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость принятия мер, направленных на предупреждение и расследование этих нарушений, наказание за допущенные правонарушения и компенсацию причиненного ущерба. Обязательства государств в соответствии с международным правом в области прав человека требуют соблюдения прав человека, их защиту и реализацию в рамках юрисдикции или в пределах территориальных границ данного государства. Обязанность государств по обеспечению защиты прав человека является нормой их поведения. Государства должны принимать превентивные меры, соблюдая и расширяя сферу действия принципа верховенства закона. Государства должны четко определить, что они ожидают от предприятий, находящихся в их территории, или подпадающих под их юрисдикции. В соответствии с международным правом прав человека, в настоящее время от государств не требуется принимать меры по регулированию экстерриториальной деятельности предприятий, находящихся в их территории, или подпадающих под их юрисдикции. В то же время, при

наличии известных юрисдикционных основ подобное регулирование не запрещено. В этом случае, некоторые из договорных органов по правам человека дают государству происхождения рекомендации по принятию мер против нарушения прав человека, совершенного за рубежом предприятиями, находящимися под их юрисдикцией. Если государство принимает участие в деятельности соответствующего лица или способствует осуществлению такой деятельности, соблюдение данным предприятием прав человека за пределами соответствующего государства должно представлять интерес также для данного государства. В то же время, государства должны также стремиться создать благоприятные условия для уважения и соблюдения прав человека со стороны этих предприятий.

Существуют различные подходы, характеризующие позиции государств по данному вопросу. Ряд подходов связан с принятием национальных мер, имеющих экстерриториальные последствия. К числу таких мер можно отнести, например, отчеты о глобальной производственной деятельности «материнских» компаний; многосторонние документы рекомендательного характера, в частности, руководящие принципы для многонациональных предприятий, принятые Организацией экономического сотрудничества и развития; нормы производственной эффективности, поддерживаемые иностранными инвестициями. Другие подходы напрямую связаны с принятием экстерриториальных мер и законодательства прикладного характера. К ним относятся, в частности, уголовные режимы, позволяющие привлекать к уголовной ответственности.

К числу принципов действия можно отнести следующие:

Общие функции государств в сфере нормативного регулирования и политики. При выполнении своих обязательств по обеспечению защиты прав человека государства должны реализовать следующие меры: а) обеспечить соблюдение законов, цель которых - требовать от предприятий соблюдения прав человека; периодически оценивать адекватность таких законов, и устранять любые недостатки; б) привести нормы корпоративного права в соответствие с требованиями о содействии соблюдению предприятиями прав человека; в) дать предприятиям эффективные руководящие указания о методах соблюдения прав человека в рамках своей деятельности; г) требовать от предприятий, при необходимости, информацию о применяемых способах устранения негативного воздействия на права человека [4].

Отношения между предприятиями и государствам. Государство должно принять дополнительные меры по защите прав человека на предприятиях, находящихся в его собственности или под его контролем. Например, кредитование экспорта, государственное страхование, гарантирование инвестиций.

В соответствии с международным правом прав человека, каждое отдельно взятое государство яв-

Амир АЛИЕВ, Фарид ГУЛИЕВ

ляется носителем обязательств по защите прав человека, все государства в совокупности являются гарантами международного режима соблюдения прав человека.

В случаях нарушения прав человека со стороны предприятия, находящегося под контролем государства, действуют международно-правовые обязательства соответствующего государства. Чем теснее связь между предприятием и государством, тем больше будет число мер, осуществляемых государством для обеспечения соблюдения прав человека в соответствующем предприятии.

Государства обязаны осуществлять ряд необходимых мер контроля в целях выполнения своих международных обязательств в области прав человека при заключении договоров и принятии нормативных актов. Приватизация сферы обслуживания не освобождает государство от выполнения соответствующих международных обязательств в области прав человека. В договорах, заключаемых с предприятиями, должны быть отражены положения о конкретных мерах по обеспечению соблюдения прав человека, например, меры по контролю, учету и т.д. Государства должны расширять меры по соблюдению прав человека предприятиями, осуществляющими коммерческие операции. В рамках процесса государственных закупок осуществляются коммерческие сделки между государством и предприятиями. Подобные сделки обеспечивают государствам широкий доступ к информации о соблюдении в данном предприятии прав человека на индивидуальном и коллективном уровне.

Соблюдения прав человека на предприятиях в зонах конфликта. Государства должны содействовать недопущению случаев нарушения прав человека предприятиями, осуществляющими свою деятельность в зоне конфликта. Такая помощь осуществляется в следующем порядке: а) снижение и предотвращение рисков, связанных с правами человека в деловых отношениях на начальном этапе сотрудничества; б) оказание необходимой помощи предприятиям по вопросам оценки и устранения рисков нарушения прав человека, уделяя особое внимание случаям гендерного и сексуального насилия; в) отказ от государственной поддержки предприятиям, которые допустили грубое нарушение прав человека и не приняли или даже не пытались принять меры по устранению подобного нарушения; г) обеспечение эффективности мер, принятых по устранению риска участия предприятия в грубых нарушениях прав человека.

Обеспечение согласованной политики. Государственные органы, занимающиеся практической предпринимательской деятельностью, должны привлечь во внимание правоохранительную деятельность государства в соответствующей сфере. В общем случае, коллизий между правоохранительными полномочиями государства и предпринимательской практикой, почти не бывает, но в некоторых случаях государству приходится принимать сложные решения во имя общественных интересов. Иными словами,

государство должно определить предпринимательскую практику таким образом, чтобы она не противоречила правоохранительной деятельности, направленной на защиту прав человека, то есть развитие предпринимательства и его интенсивность не должны рассматриваться односторонне.

Для выполнения своих обязательств в правоохранительной сфере, в контексте достижения политических целей, связанных с другими государствами и предприятиями, государства должны обладать свободой маневрирования в сфере внутренней политики, в частности, в рамках инвестиционных соглашений и контрактов. Государства, выступающие в качестве членов многосторонних учреждений, должны прилагать усилия для решения следующих вопросов: а) прилагать усилия для того, чтобы деятельность этих институтов не привела к ограничению деятельности государств по обеспечению соблюдения и защиты прав человека; б) в рамках своих соответствующих мандатов содействовать расширению этих институтов, повышению возможностей предприятий по обеспечению соблюдения прав человека, на основе обращений других государств оказать им помощь в выполнении своих обязательств по предотвращению нарушений прав человека; в) развивать международное сотрудничество в решении проблем свободного предпринимательства в аспекте прав человека.

Ответственность предприятий за соблюдение прав человека. В отличие от предыдущего, суть данного принципа заключается в ответственности предприятий за соблюдение и защиту прав человека. Эти принципы разделены на две группы: базовые принципы и принципы работы.

Начнем с базовых принципов. Предприятия должны соблюдать права человека. Это означает, что любое предприятие, независимо от рода своей деятельности, обязано не допускать нарушения прав человека и прилагать усилия для устранения нежелательных результатов таких нарушений в курируемых ими сферах. Ответственность предприятий за соблюдение прав человека распространяется на права и свободы человека, признанные международными нормами. Эти права и свободы закреплены в Международном билле и Декларации Международной организацией труда об основных принципах и правах в сфере труда. Предприятия должны учитывать, что на практике некоторые права человека могут быть подвержены риску нарушения больше, чем другие. Например, в некоторых случаях лица, принадлежащие к определенным группам и сообществам, нуждаются в защите своих прав более чем когда-либо. Для обеспечения защиты прав женщин, этнических и национальных меньшинств, детей, а также для защиты прав во время вооруженных конфликтов предприятия должны учитывать нормы международного гуманитарного права.

Обязательство соблюдать права человека требует от предприятий принять следующие меры: а) не допускать, в рамках своей деятельности, нарушений

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

прав человека, или косвенно не содействовать созданию условий, приводящих к таким нарушениям; б) предотвращение негативного воздействия на права человека и снижение нежелательных результатов такого воздействия. Негативное влияние на права человека может быть прямо либо косвенно связано с предпринимательской деятельностью.

Ответственность предприятий за соблюдение прав человека распространяется на все предприятия - независимо от их организационной формы, сферы деятельности, формы собственности, структуры. Однако в зависимости от способов и масштабов реализации этого обязательства, результаты могут быть разными.

Предприятия реализуют свои обязательства посредством методов соблюдения прав человека. Методы могут зависеть от размеров предприятия, т.е. реализуемое крупными предприятиями обязательство и их потенциал в соответствующей сфере не идентичны с малыми и средними предприятиями.

Учитывая объем и условия деятельности, предприятия обязаны определить процедуру и свою политику для выполнения обязательств по соблюдению прав человека, принимая во внимание и следующие вопросы: а) программные обязательства по выполнению обязательств по соблюдению прав человека; б) процедура обеспечения необходимой заботы о правах человека; в) разработка процедур компенсации правонарушений, произошедшего в результате прямого или косвенного участия предприятий [5].

Принципами деятельности принципа ответственности предприятий по соблюдению прав человека являются следующие.

Программное обязательство. В качестве первого шага определения своих обязательств по соблюдению прав человека предприятия должны взять на себя обязательства программного характера. Такие обязательства: а) утверждаются на уровне высшего органа управления предприятия; б) разрабатывается проект на основе отзывов внутренних и внешних экспертов; в) являются открытыми и распространяются внутри предприятия и за его пределами; г) отражаются в процедурах и программах предприятия.

Необходимая забота о правах человека. Предприятия обязаны выявлять негативные действия в отношении реализации прав человека, пресекать и устранять их, проявлять необходимую заботу о реализации прав человека. Этот процесс должен отражать в себе фактическую и потенциальную оценку воздействия на права человека. Проявление необходимой заботы предприятием к правам человека: а) должно быть связано с негативным воздействием на права человека; б) обладает разной степенью сложности, в зависимости от объема предприятия; в) в зависимости от изменений в форме деятельности, предприятия могут изменять риски по правам человека - с учетом этого, вопрос должен приобрести постоянный характер.

Вообще, данный принцип определяет параметры

заботы, проявляемой предприятиями в отношении прав человека. Говоря риск для прав человека, подразумевается потенциальное нежелательное влияние предприятия на права человека.

С целью оценки рисков по правам человека, предприятия обязаны выявить и оценить любое нежелательное фактическое и потенциальное воздействие на права человека. Это воздействие может возникнуть непосредственно из деятельности самого предприятия, а также косвенно - из его предпринимательской деятельности. Этот процесс: а) должен основываться на внутренних экспертных сведениях предприятия или на сведениях независимых внешних экспертов; б) отражать в себе конструктивные консультации между заинтересованными сторонами, с учетом объема и характера деятельности предприятия.

С целью облегчения и предотвращения нежелательного воздействия на права человека, предприятия должны интегрировать результаты проведенной оценки и принять необходимые решения в этом направлении [6]. Для эффективной интеграции требуется возложить ответственность по устранению соответствующего нежелательного воздействия на функциональное подразделение предприятия. Другой важный момент состоит в том, что внутренние процессы принятия решения, выделение финансовых средств и меры контроля должны способствовать принятию эффективных решений. Проверка устранения негативных воздействий на права человека зависит от эффективности принятых предприятиями в данном направлении решений. Контроль над этим процессом должен основываться на количественных и качественных показателях, а также полученных из внутренних и внешних источников сведений.

Возмещение ущерба. В случае установления предприятием своего негативного влияния на права человека или способствования подобному обстоятельству, данный ущерб должен быть возмещен на законных основаниях. Неожиданные случаи нарушения встречаются даже при осуществлении оптимальной деятельности или практики. При выявлении подобного факта, предприятия обязаны активно предпринять реальные шаги в направлении возмещения данного нарушения или осуществлять сотрудничество с другими субъектами в этом направлении. Если нарушение не связано непосредственно с активными действиями предприятия, т.е. возникло косвенным путем в результате его деятельности, предприятие может в данном случае не возмещать нанесенный ущерб. Таким образом, важным фактором при возмещении ущерба является непосредственное или косвенное участие предприятия.

Относящиеся к требованиям вопросы. В любой ситуации, предприятия обязаны выполнить следующие требования: а) исполнять все существующие законы и соблюдать права человека на международно-признанном уровне, вне зависимости от места деятельности; б) столкнувшись с противоречивыми

Амир АЛИЕВ, Фарид ГУЛИЕВ

требованиями, найти способы исполнения признанных на международном уровне прав человека; в) подходить к риску грубого нарушения прав человека и или к риску способствования такому нарушению на основе соблюдения норм права [7].

Конкретное государство и местные условия оказывают большое влияние на нарушение прав человека. На территориях, где грубо нарушаются права человека, даже если предприятия осуществляют максимально оптимальную деятельность, возможно возникновение определенных проблем при получении положительных результатов. В таких случаях, изменение возложенных на предприятия обязанностей воспринимается нормально.

На территориях с высоким риском для прав человека предприятия, в первую очередь, должны стремиться к устранению важнейших нарушений. Параллельная деятельность или попытка одновременного устранения всех случаев нарушения может не привести к эффективным результатам. Поэтому необходимо учитывать условия территории, на которой произошло нарушение, а также степень опасности нарушения.

Выход на средства правовой защиты. Как и в предыдущих принципах, этот принцип также сосредотачивает в себе базовый принцип и принцип деятельности. Базовый принцип состоит в том, что в рамках обязательств по защите прав человека по предпринимательской деятельности, государство, посредством судебных, административных, законодательных и других механизмов принимает соответствующие решения, связанные с обеспечением выхода заинтересованных сторон к эффективным средствам правовой защиты, в случае нарушения прав человека на своей территории и в пределах своей юрисдикции [8].

Если при нарушении прав человека государство не предпринимает связанных с изучением данного нарушения наказания виновного и возмещения ущерба реальных шагов, то это государство не реализует свое обязательство по защите прав человека. Если лицу, права которого нарушены, не обеспечен выход к средствам правовой защиты или такой выход достаточно сложен, неэффективен или безрезультатен, подобные случаи также являются случаями несоблюдения государством своего международно-правового обязательства. Государства обязаны создавать лицам на своей территории и под своей юрисдикцией возможности для восстановления нарушенных прав и являться непосредственно гарантом составляющих основу этой возможности средств правовой защиты.

Государственные судебные механизмы. Национальные суды играют важную роль в предотвращении произошедших в процессе предпринимательской деятельности нарушений прав человека, в восстановлении нарушенных прав. Государства обязаны устранять препятствия на пути выхода в суд лица, права которого нарушены, пытаться упростить соответствующие процедуры.

Государство обязано не допускать негативных случаев, когда финансовая и политическая зависимость судов приводит к негативным последствиям для лица, обратившегося к ним. Говоря конкретнее, рассматривающий дело судья обязан самостоятельно вынести справедливый приговор, не допуская случаев политического давления и коррупции. В противном случае, возникает двукратное или многократное правонарушение, т.е. лицо, права которого нарушены, вновь сталкивается с правонарушением и оказывается в безвыходной ситуации.

Государственные внесудебные механизмы. Наряду с судебными механизмами, государство обязано гарантировать рациональную деятельность и внесудебных механизмов рассмотрения жалоб. Административные, законодательные и другие средства правовой защиты входят в комплекс внесудебных механизмов. Потребность в деятельности внесудебных механизмов существует даже в странах с наиболее эффективным судебным механизмом. Отметим и то, что отнесение в том или ином государстве восстановления нарушенных прав к сфере деятельности только судебных механизмов, выглядит нереально. В любом случае, избыточное количество может привести к снижению качества.

Негосударственные механизмы. Такие механизмы могут быть закреплены предприятиями самостоятельно или совместно с заинтересованными сторонами. Это механизмы несудебного характера и главной их целью является достижение примирения и консенсуса. Деятельность негосударственных механизмов считается целесообразным в целях оперативного рассмотрения жалоб и скорейшего возмещения ущерба.

Другой вид негосударственных механизмов – создаваемые на региональной и универсальной основе правоохранительные органы. Эти органы рассматривают предполагаемые нарушения обязательств государств по правам человека. Основанные на соблюдении норм прав человека отраслевые, многосторонние и другие инициативы должны предусматривать эффективные механизмы рассмотрения жалоб.

Критерии эффективности внесудебных механизмов. В целях обеспечения эффективности государственных и негосударственных внесудебных механизмов по рассмотрению жалоб необходимо обеспечить следующее:

- Легитимность: создание заинтересованными сторонами рассматриваемого дела атмосферы доверия и благожелательности. Справедливость и правильность предоставленных этими лицами в связи с делом сведений и отчетов;
- Доступность: обеспечение информирования заинтересованных лиц;
- Возможность: обеспечение точной и прозрачной процедуры с указанием сроков хода процесса и вынесения решения;
- Справедливость: обеспечение выхода пострада-

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

давших лиц к информации, консультации и экспертным знаниям;

- Прозрачность: информирование участников процесса о его ходе;

- Соответствие: соответствие заключительного решения международно-правовым нормам в сфере защиты прав человека и национальному законодательству.

Надо особо отметить один из принципов международно-правовой защиты прав человека – появившийся в связи с особенностями развития последнего периода – это принцип развития. Данный принцип нашел свое нормативное подтверждение в ряде международных документов. Так, в п.1 ст. 29 Всемирной декларации прав человека 1948 года указывается, что каждый человек имеет обязанности перед обществом, где есть возможности для свободного и полного развития каждой человеческой личности.

Одним из важнейших направлений в формировании принципа развития считается принятая Генеральной ассамблеей ООН Декларация о праве на развитие от 1986 года. Так, в Преамбуле Декларации указывается, что развитие является всесторонним экономическим, социальным, культурным и политическим процессом, направленным на непрерывное повышение благосостояния населения и всех лиц на основе их активного, свободного и конструктивного участия в справедливом разделе созданных развитием и в его ходе благ. В п. 1 ч. 1 упомянутого документа указывается, что право на развитие является неотъемлемым правом человека. Поэтому каждый человек и каждый народ имеет право участвовать в способном на полное развитие прав человека и его основных свобод экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, а также способствовать ему и пользоваться его благами. Согласно требованию п. 2 ч. 1 Декларации, человек является главным субъектом процесса развития и должен быть активным участником права на развитие. Кроме того, в Венской декларации и Программе деятельности, принятых 25 июня 1993 года на Всемирной конференции прав человека, указывается, что Конференция утверждает установленное Декларацией право на развитие в универсальном виде в качестве неотъемлемой части основных прав человека.

Являющееся важным элементом права свободного предпринимательства право личности на свободное использование своих возможностей и способностей, а также свободное материальное и моральное развитие путем выбора вида деятельности или профессии на основе свободного выбора, косвенно связано с отмеченным выше принципом развития.

Основные принципы в сфере международно-правового регулирования права свободного предпринимательства. Важную значимость в сфере международно-правового регулирования свободной предпринимательской деятельности приобретают нормы международной торговли, особенно, правила и принципы Всемирной торговой организации (ВТО).

Рассмотрим основные положения этих принципов, исходя из данной точки-зрения. Принципы международного торгового права являются главными руководящими исходными, на которых основывается ВТО в своей деятельности. Они состоят из нижеперечисленных: принцип беспристрастности; принцип наибольшего благоприятствования; принцип национального режима; принцип предпочтения тарифных методов в регулировании торговли; принцип защиты внутренних рынков на основе правил ВТО; принцип устранения количественных ограничений в торговле; принцип ясности и прозрачности торговой политики; принцип взаимности; принцип преференциальности.

Важную значимость в деятельности ВТО приобретают общепринятые (принцип наибольшего благоприятствования, не допущение пристрастности, национальный режим, преференции), но сохранившие свою специфику (предпочтение тарифных методов в регулировании торговли, последовательность тарифных льгот, ясность и прозрачность торговой политики) фундаментальные договорно-правовые принципы. Эти принципы, сначала, были включены в текст ГАТТ, а затем закреплены в других важных документах ВТО.

Принцип недискриминации. Этот принцип реализуется принципами наибольшего благоприятствования и национального режима. Принцип беспристрастности – это более важный и универсальный принцип, исходящий из необходимости создания максимально равных условий для свободной конкуренции товаров и услуг, независимо от государства их происхождения. Полностью реализоваться на практике принцип беспристрастности не может. Иногда не удается избежать применения альтернативных ограничений. Наряду с этим, под влиянием развивающихся стран, различия в экономическом развитии государств приводит к применению более выгодных условий в отношении этих государств, что в свою очередь, формально создало состояние дискриминации [9].

В международной торговле принцип беспристрастности имеет характер общего обязательства и традиционно-правовой нормы. Он утвержден в Принципах Конференции ООН по торговле и развитию (YUNKTAD) 1964 года, в Хартии об экономических правах и обязанностях государств 1974 года, в Хельсинкском заключительном акте СБСЕ.

Чтобы яснее понять суть соответствующего принципа, необходимо обратить внимание на следующее: право государств не подвергаться дискриминации, право вхождения товаров на внешние рынки, в т.ч. право физических и юридических лиц пользоваться всеми общими режимами в отношении условий деятельности на внешних рынках; применение в отношении иностранных товаров, физических и юридических лиц режима благоприятствования в объеме не ниже применяемого к товарам, физическим и юридическим лицам третьих стран; не делать различий между другим государством или государствами на почве нанесения ущерба какому-либо

Амир АЛИЕВ, Фарид ГУЛИЕВ

государству; обязательства государств не прибегать к дискриминации при применении ограничений в соответствии с правом; право применять к товарам, физическим и юридическим лицам того или иного государства-партнера более благоприятные в сравнении общим беспристрастным общим режимом условия; право защитить национальный рынок от наносящего ущерб импорта путем принятия законных мер ограничения в отношении товаров, физических и юридических лиц любого государства без всякого различия; не склонять развитые страны к дискриминации независимо от характера экономики развивающихся стран.

Применение средств торговой политики в рамках системы международных торговых отношений без дискриминации обеспечивается на основе двух важных принципов: принцип наиболее благоприятного режима и принцип национального режима.

Принцип режима наибольшего благоприятствования. Наиболее часто применяемым при регулировании международных торговых отношений принципом является принцип режима наибольшего благоприятствования и представляемый посредством его режим более благоприятной нации. Принцип режима наибольшего благоприятствования закреплен в существующей системе двусторонних договоров между государствами, в тексте ГАТТ, в системе соглашений ВТО. Соответствующий принцип утвержден в Принципах YUNKTAD 1964 года, в Хартии об экономических правах и обязанностях государств 1974 года, в Заключительном акте СБСЕ 1975 года. Рекомендации о взаимном применении режима наибольшего благоприятствования предусмотрены и в постановлениях международных конференций, проведенных под эгидой Содружества Наций в 1922-1927гг. Принцип режима наибольшего благоприятствования определяется и в многосторонних, и в двусторонних соглашениях. В качестве примера многосторонних соглашений в этой области можно назвать ГАТТ, где указывается, что в международной торговой деятельности и в таможенной сфере страны-участницы обязаны создавать друг для друга наиболее благоприятные условия. Впоследствии этот принцип продолжил существовать в качестве главного принципа деятельности созданной на Уругвайском раунде на основе Марокканского соглашения от 15 апреля 1994 года ВТО. Так, принцип режима наибольшего благоприятствования обладает безусловным характером, и входящие в ВТО страны обязаны применять его в полном объеме. В двусторонние соглашения между государствами, особенно, в прочие соглашения торгового, мореходного и экономического характера, включаются положения, предусматривающие представление режима наибольшего благоприятствования. Согласно п. 1 ГАТТ, принцип режима наибольшего благоприятствования применяется к следующим сферам: операциям по экспорту, импорту и транзитной торговле; междуна-

родным оплатам по импортно-экспортным операциям; в отношении внешнеторговых операций, в т.ч. в отношении всех правил и формальностей, применяемых в связи с ними при любом обороте; к регулирующим куплю-продажу товаров на территории стран-участниц внутренним законам и правилам [10].

Применение принципа режима наибольшего благоприятствования с точки-зрения интересов, являющихся субъектами международных экономических отношений, является одним из основных факторов формирования среды более благоприятной конкуренции. Предприятия получают возможность оптимального выбора источников сырья на базе их реальных конкурентных преимуществ. При этом повышается уровень стабильности конкуренции на рынке. Одновременно, с применением соответствующего принципа, обостряется и конкуренция. В подобном случае, уровень превалирования конкурентов из разных государств не может уравниваться за счет селективных импортных ограничений. Поэтому на рынке условия для товаров любой категории, в первую очередь, ценовые условия определяет более конкурентоспособный изготовитель. Это положение выступает в качестве опоры развития специализации на основе формирования единой шкалы абсолютных и сравнительных преимуществ и конкурентоспособности.

Принцип национального режима. Еще одним руководящим началом деятельности ВТО является принцип национального режима. Принцип национального режима непосредственно закреплен в ст. 3 «ГАТТ-47» и «ГАТТ-94». В этой статье отмечается, что к поступающим с территории той или другой пришедших к соглашению сторон и перевозимым на территорию другой пришедшей к соглашению стороны товаров должен применяться режим, не менее благоприятный, чем режим, применяемый в отношении всех законов, правил и требований в отношении аналогичных национальных товаров, их внутренней продажи, предложения к продаже, покупки, перевозки, раздела и использования. Кроме того, в ст. 3 отмечается, что внутренняя продажа товаров, организация для продажи, предложения к продаже, покупка, перевозка, деление и использование, налоги и прочие внутренние сборы, законы, правила и требования, а также требующие смешивания товаров в определенном количестве и паями, их повторную обработку и использование правила внутреннего количественного регулирования, не должны применяться к внутренним и национальным товарам в форме защиты национального производства. Из толкования данной статьи можно сделать вывод о том, что принцип национального режима приводит к предоставлению различных льгот иностранным товарам и создает условия для фактической дискриминации в отношении местных товаров. По мнению Д. Карро и П. Жуара, при реализации являющегося важнейшим принципом международной торговли принципа запрета дискриминаций, нацио-

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

нальный режим выступает в качестве вершины режима более благоприятной нации [11]. А Дж. Джексон отмечает, что после принципа режима более благоприятной нации, национальный режим является вторым принципом, запрещающим дискриминацию, и он впервые отражен в ст. 3 ГАТТ [12].

Главная цель в применении принципа национального режима – устранение посредством внутренних мер регулирования (внутренние налоги, правила продажи, учреждение предприятий, прием сотрудников на работу) дискриминации зарубежных товаров и услуг в качестве протекционистских мер.

Принцип предпочтения в регулировании торговли тарифных методов. В регулировании торговых отношений между государствами, как правило, отдается предпочтение тарифным средствам и методам. Из соответствующих вопросов сформировался одноименный принцип. Наряду с этим, при защите национального производства и внутреннего рынка также отдается предпочтение методам тарифного регулирования. В принципе, для подобной защиты могут быть использованы только таможенные тарифы и рыночные механизмы. Кроме тарифов, любые сборы должны ограничиваться стоимостью оказанных услуг. Требование к происхождению товара не должно иметь дискриминационный характер. Позволяющее определить тарифные и нетарифные препятствия примечание (*escape clause*) ГАТТ ограничивает такое определение в связи с неожиданным развитием импорта в наносящем ущерб или создающем серьезную угрозу в связи с нанесением ущерба объеме. Определение препятствий должно быть ограничено необходимыми для компенсации и предотвращения ущерба объемом и временем. Исключения могут быть в отношении вопросов национальной безопасности, общественных правил, национальной стабилизации цен, угрозы здоровью и прочих подобных вопросов, порожденных внутренней социальной политикой.

Принцип защиты внутренних рынков только на основе правил ГАТТ. Являющийся одним из основных принципов права международной торговли принцип защиты национального или внутреннего рынка связан с отмеченным выше принципом. Так, один из определяющих принцип защиты национального рынка положений раскрывает именно суть принципа регулирования торговых отношений посредством тарифных методов. В соответствии с данным положением государства должны защищать свои экономики только посредством таможенной и тарифной политики, а также нетарифных мер (запреты, лицензии, контингент).

Вообще, согласно требованиям ВТО, защита национального рынка должна основываться на нормах и правилах соответствующей организации. К определяющим принцип защиты национального рынка положениям можно также отнести: право государства применять меры, защищающие национальную экономику и национальных производителей от ущерба, который может быть нанесен в результате избыточного им-

порта, экспорта и субсидируемого странами-экспортерами экспорта; право государств применять антидемпинговые меры и компенсационные пошлины; не применение антидемпинговых, компенсационных и защитных мер самовольно; обязательство не осуществлять целенаправленного субсидирования экспорта.

Принцип устранения количественных ограничений в торговле. Одним из основных руководящих начал в деятельности ВТО является принцип устранения количественных ограничений или ограничения запретов. Этот принцип закреплен в статьях 9-11 ГАТТ. Ограничение запретов предусматривает, что помимо таможенных пошлин, налогов и других сборов, ни одно государство-участник не устанавливает для завозимых с территории другого государства-участника товаров никакие иные запреты и ограничения в виде квот, экспортных и импортных лицензий. Наряду с этим, иногда соответствующий принцип может установить запреты на импорт и экспорт. Примером подобных случаев могут быть введение ограничения на экспорт тех или иных товаров в связи с их дефицитом на внутреннем рынке, а также экспортные и импортные запреты, необходимые в связи с применением в международной торговле правил или стандартов по реализации, сортировке или классификации товаров.

Принцип ясности и прозрачности торговой политики. Одним из главных руководящих начал в деятельности ГАТТ является принцип прозрачности. Этот принцип предусматривает прозрачное и открытое осуществление торговой политики. Прозрачность является одним из важных принципов, составляющих основу системы многостороннего международного регулирования внешней торговли. Говоря прозрачность, подразумевается обеспечение прозрачности системы регулирования внешней торговли. В широком смысле слова, это предусматривает получение информации и по нормам, и по мерам их регулирования их применения, а также однозначность и понятность этих норм. Принцип прозрачности установлен, практически, всеми многосторонними торговыми соглашениями. Хотя в некоторых из этих соглашений и закреплены связанные с соответствующим принципом конкретные положения, часто соответствующие положения отражаются в правилах применения мер регулирования. Связанные с принципом прозрачности положения закреплены в ст. 10 ГАТТ о применении и издании правил торговли. В соответствии с этой статьей любые меры регулирования должны применяться только после того, как они будут напечатаны.

Предусматривая обеспечение ясности норм и правил осуществления торговли, принцип прозрачности охватывает все процессы, протекающие и в рамках ВТО, и во всех государствах-участниках. В силу того, что формирует стабильную и ожидаемую бизнес-среду, обеспечивает предпринимателей сведениями о характере и качестве потребляемых товаров и услуг, прозрачность приобретает большую значимость для потребителей. Все происходящие в

Амир АЛИЕВ, Фарид ГУЛИЕВ

нормативной базе торговой политики государства изменения должны быть напечатаны и стать доступными для любого заинтересованного участника внешнеэкономической деятельности. Наряду со всем этим, обнародование для государств-участниц сведений конфиденциального характера необязательно.

Нарушение принципа прозрачности происходит, как правило, в следующих случаях: вместо закрепления конкретных средств и правил их применения – достаточно расплывчатые законодательные нормы более общего и декларационного характера, наличие не обладающих прямым действием многочисленных норм (косвенные нормы), частое изменение норм и правил регулирования, отсутствие в законодательстве точных объективных критериев для принятия тех или иных мер, принятие законодательных актов обратной силы воздействия.

Принцип взаимности. Согласно сути принципа взаимности, предусматриваются применяемые государствами-участниками в отношении друг друга льготы и правила, а также сохранение объема этих льгот. Хотя этот принцип и не закреплен напрямую в соглашениях системы ВТО, он приобретает важную значимость в ее деятельности. На основе принципа взаимности государства применяют друг к другу аналогичные льготы посредством снижения способных создать препятствия для ввоза в страну экспортных товаров тарифы. Этот процесс приводит к формированию баланса льгот. Надо отметить, что применяемые государствами друг к другу в результате переговоров льготы должны распределяться между всеми государствами-членами ВТО на основе принципа режима наибольшего благоприятствования.

Принцип преференциальности. Одним из основных принципов деятельности ВТО является принцип преференциальности. Принцип преференциальности закреплен в «Принципах» YUNKTAD 1964 года, в Хартии «Об экономических правах и обязанностях государств» 1974 года, в тексте ГАТТ, в соглашениях и решениях ВТО, в Белградском договоре «О системе торговых преференций» 1988 года и в других документах.

Согласно сути данного принципа, в международных торговых отношениях развивающимся странам предоставляются определенные преимущества и привилегии. В ст.1 ГАТТ, в порядке исключения из принципа наибольшего благоприятствования, предусмотрена возможность использования развивающимися странами на постоянной основе 4 категорий льгот: тарифы; преференции по системе общих преференций; действующие между развивающимися странами тарифные преференции; более льготные дифференцированные условия.

Принцип преференциальности тесно связан с предоставляемым иностранцам и выделяемым в правовой литературе особым режимом. О.И.Тиунов считает, что особый режим (преференциальный режим) связан с предоставлением иностранцам определенных преимуществ и льгот [13]. Говоря о преференциальности, необходимо особо отметить Систему общих преференций (СОП). В соответствии с СОП к импортируемым из развивающихся стран определенным товарам применяются сниженная или чисто таможенная пошлина. Наименее развитые страны получают особый и преференциальный режим и более низкие таможенные пошлины для более обширного круга товаров.

Литература:

1. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. - Москва: Волтерс Клувер, 2005, с. 255.
2. Алиев А. И. Международная защита прав человека. Учебник. - Баку, 2009, с. 56.
3. Trubek D. Economic, Social and Cultural Rights in the Third World: Human Rights and Human Needs Programs. Human Rights in International Law: Legal and Policy Issues. – Oxford: Clarendon Press, 1984, vol. 1, p. 205-271.
4. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Осуществление рамок Организации Объединенных Наций в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». - Нью-Йорк и Женева: ООН, 2011.
5. www.ohchr.org/Documents/.../GuidingPrinciplesBusiness HR_RU.pdf.
6. www.perc.ituc-csi.org/IMG/pdf/_OON.pdf.
7. www.global-business-initiative.org/русский.
8. www.ohchr.org.
9. Сутырина С. Ф. ВТО: механизм взаимодействия национальных экономик. Угрозы и возможности в условиях выхода на международный рынок. - Москва: Эксмо, 2008, с. 31.
10. Рубинштейн Т. Б. ВТО: практический аспект. - Москва: Гелиос АРВ, 2004, с. 13.
11. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. Науч. ред. В. М. Шумилов. - Москва, 2002, с. 195-196.
12. Jackson J. H. The World Trading System: Law and Policy of International Economic Relations. - London: 2-nd ed., 1999, p. 213.
13. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право. Учебник для вузов. - Москва: НОРМА-ИНФРА, 1999, с. 178.

Summary

This article is about the principle of respect for human rights, which is one of the fundamental principles of contemporary international law. The essence of the principle of respect for human rights, first and foremost, is the obligation of States to respect and preserve these rights to all persons within their jurisdiction without discrimination of any kind.

Currently, there are numerous international legal instruments for the protection of human rights and fundamental freedoms. The state may be a party to several agreements to regulate the same subject. Which is an important element of the right of free enterprise a person's right to the free use of their opportunities and abilities, as well as the free material and moral development by selecting the type of activity or profession on the basis of free choice, is indirectly related to the above principle of development.

Keywords: Main principles, human rights, international regulation, fundamental freedoms, development, free enterprise.

Шахрияр АЛИЕВ,

доцент кафедры "Международного публичного права" Бакинского государственного университета, кандидат юридических наук

Лала ФАРЗАЛИЕВА,

преподаватель кафедры "Международное частное право и Европейское право" Бакинского государственного университета

МЕХАНИЗМ КОНТРОЛЯ ФИНАНСОВ И ВАЛЮТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

В эпоху золотого стандарта, вплоть до 1914 г., свобода движения капитала была священной. Но неспокойные времена между двумя мировыми войнами убедили многих, в том числе Джона Мейнарда Кейнса, в том, что открытость границ для движения капитала несовместима с макроэкономической стабильностью. Новый вывод нашел свое отражение в Бреттон-Вудском соглашении 1944 г., где контроль за движением капитала был прописан в статьях соглашения МВФ. Как сказал Кейнс, "то, что было ересью, теперь стало общепринятым".

Однако уже в конце 1980-х гг. политиков снова увлекла мысль о мобильности капитала. В 1992 г. Евросоюз признал нелегальным контроль за движением капитала, а ОЭСР стала требовать от своих новых членов свободы капитала, что и спровоцировало финансовый кризис в Мексике и Южной Корее в 1994 и 1997 гг. соответственно.

Однако от мировых финансовых потоков страдали только развивающиеся страны, говорили, что жертвы сами виноваты. МВФ и западные экономисты доказывали, что правительства Мексики, Южной Кореи, Бразилии, Турции и так далее не сумели выстроить необходимую политику разумного регулирования, бюджетных ограничений, кредитно-денежного контроля. По их мнению, такие меры помогли бы странам извлечь выгоду из свободного перемещения капитала и предотвратить кризисы. Проблемы приписывались внутренней политике, а не финансовой глобализации, поэтому решение искали во внутренних реформах, а не в контроле за трансграничным движением капитала.

Однако как только в 2008 г. жертвами финансовой глобализации стали развитые страны, придерживаться данных выводов стало сложнее. Стало ясно, что корень проблем кроется в нестабильности самой мировой финансовой системы, ведь периоды эйфории и "пузырей" сменялись неожиданными остановками и резкими поворотами, свойственными неконтролируемым и нерегулируемым финансовым рынкам. В результате МВФ сделал хорошее признание в том, что страны имеют право защищать себя от подобного развития событий.

Но не стоит преувеличивать масштабы смены точки зрения МВФ. Фонд по-прежнему считает свободное движение капитала идеалом, к которому в результате придут все страны. Для этого нужно только, чтобы в этих странах были достигнуты определенные условия достаточного "финансового и институционального развития".

Статьи соглашения МВФ предусматривают контроль за международной валютной системой, в том числе посредством строгого «надзора» (то есть контроля) за курсовой политикой государств-членов. Согласно статьям соглашения каждое государство-участник обязуется сотрудничать с МВФ в области обеспечения упорядоченности валютных режимов и содействия стабильности системы обменных курсов.

В частности, государства-члены обязуются проводить политику, направленную на стимулирование упорядоченного экономического роста в условиях разумной стабильности цен в сочетании с упорядоченными базисными экономическими и финансовыми условиями, и избегать манипулирования обменными курсами для получения несправедливого преимущества в конкуренции. Кроме того, каждая страна обязуется предоставлять МВФ информацию, необходимую для ведения действенного надзора. Государства-члены договорились о том, что надзор МВФ за курсовой политикой каждого государства члена должен осуществляться в рамках всестороннего анализа общей экономической ситуации и экономической стратегии данного государства-члена.

Как МВФ оказывает содействие своим государствам-членам. Регулярный мониторинг экономики стран и связанное с ним предоставление рекомендаций по экономической политике в рамках надзора МВФ могут помочь государствам-членам предвидеть предстоящие опасности и принять своевременные меры, во избежание затруднений.

МВФ осуществляет надзор в трех формах:

надзор страной осуществляется в форме регулярных (обычно ежегодных) всесторонних консультаций с отдельными государствами-членами по их экономической политике, с проведением, при

Шахрияр АЛИЕВ, Лала ФАРЗАЛИЕВА

необходимости, промежуточных обсуждений. Эти консультации именуются «консультациями в соответствии со статьей IV», поскольку они предписаны статьей IV Устава МВФ. (Они также называются «двусторонними» консультациями, но это, строго говоря, неверно: когда МВФ проводит консультации с государством-членом, он представляет все государства-члены, поэтому консультации в действительности всегда являются многосторонними.)

Как проходят консультации в соответствии со статьей IV? Сначала группа экономистов МВФ посещает страну для сбора экономических и финансовых данных и обсуждения с должностными лицами правительства и центрального банка экономической политики страны в контексте последних изменений. Сотрудники МВФ анализируют макроэкономическую (налогово-бюджетную, денежно-кредитную и курсовую) политику государства, оценивают надежность финансовой системы и рассматривают вопросы политики в отношении промышленности, социальной сферы, труда, государственного управления, охраны окружающей среды и в других областях, которые могут влиять на макроэкономические показатели и политику. Затем эта группа сотрудников представляет основанный на полученной информации доклад, утвержденный руководством МВФ, в Исполнительный совет, который проводит обсуждение выполненного персоналом анализа. Мнения членов Совета, подытоженные его Председателем, доводятся до сведения правительства страны. Это позволяет учитывать мнения мирового сообщества и уроки международного опыта в экономической политике, проводимой соответствующей страной.

В связи с повышением за последние годы степени прозрачности МВФ и его работы итоги обсуждений на заседаниях Совета по многим консультациям в соответствии со статьей IV вместе с резюме анализа, подготовленного персоналом МВФ, может помочь государствам-членам предвидеть предстоящие опасности и принять своевременные меры, чтобы избежать затруднений. Итоги Совета по многим консультациям в соответствии со статьей IV вместе с резюме анализа, подготовленного персоналом МВФ, публикуются в информационных сообщениях для общественности. Во многих случаях публикуются даже полные тексты докладов персонала, подготовленные для этих консультаций. Как и информационные сообщения, они помещаются на веб-сайте МВФ.

В дополнение к консультациям со странами, проводимым обычно один раз в год, МВФ, при необходимости, направляет своих сотрудников в государства-члены. Исполнительный совет также проводит частые неофициальные заседания для обсуждения изменений в экономической и финансовой ситуации в отдельных странах и регионах.

Глобальный надзор включает рассмотрение Исполнительным советом МВФ обзоров глобальных экономических тенденций и изменений. Основные

обзоры такого рода проводятся по материалам докладов «Перспективы развития мировой экономики», подготовливаемых персоналом МВФ обычно два раза в год, перед полугодовыми совещаниями Международного валютно-финансового комитета. Полные тексты этих докладов публикуются перед совещаниями МВФК вместе с итогами, подведенными Председателем, по завершении обсуждения на Исполнительном совете. Другим элементом глобального надзора МВФ является проводимое Советом, обычно ежегодно, обсуждение изменений, перспектив и вопросов политики на международных рынках капитала, доклады персонала по которым также публикуются. Кроме того, Исполнительный совет проводит более частые неофициальные обсуждения изменений в мировой экономике и ситуации на рынках. Региональный надзор, в ходе которого МВФ рассматривает политику, проводимую в рамках региональных соглашений, включает, например, обсуждение Советом ситуации в Европейском союзе, зоне евро, Западноафриканском экономическом и валютном союзе, Центральноеафриканском экономическом и валютном сообществе и Восточном Карибском валютном союзе. Руководство и персонал МВФ также участвуют в обсуждениях вопросов надзора, проводимых такими группами стран, как Группа семи (крупнейших стран с развитой промышленностью) и Совет азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) [3; с.19-21].

Международный контроль МВФ служит гарантией конвертируемости валют, поскольку в силу статьи VIII Устава Фонда государство-член не может без согласия Фонда ограничить конвертируемость валюты в отношении текущих платежей. Созданный специфический механизм содействия стабилизации валютных курсов и обеспечения конвертабельности рассмотрен выше. К успехам МВФ относят и проведение концептуальной политики кодекса добросовестного валютного поведения [13].

В ноябре 2004-ого года Азербайджан принял 2,3 и 4 требования статьи VIII и этим взял на себя обязательства международных операций в ходе реализации ограничений на платежи и переводы денег по обменному курсу. Наконец, 22 декабря 2004 года Совет директоров МВФ завершил четвертый и последний анализ по программе сокращения бедности [2; с. 26-27].

Надлежащее руководство созданной в Бреттон-Вудсе международной валютной системой предполагает, что организация, отвечающая за его осуществление, получает широкие контрольные полномочия [см. 4; стр. 488]. Компетенция Фонда в этой области обширна. Более того, он постоянно расширял ее как *ratione personae*, так и *ratione materiae*. Из года в год он осуществляет всеобъемлющий постоянный контроль за всеми своими членами. Здесь идет речь об основе Бреттон-Вудской системы, какой она стала в результате своего развития. МВФ придает этому

МЕХАНИЗМ КОНТРОЛЯ ФИНАНСОВ И ВАЛЮТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

большое значение, наглядным подтверждением чему является следующая выдержка из ежегодного доклада за 1973 год:

«Такие периодические обмены мнениями, являясь исключительно полезными для международного валютного сотрудничества, важны как для Фонда, так и для государств-членов. Они дают Фонду возможность обстоятельно рассмотреть экономические и финансовые проблемы, а также экономическую политику его членов, позволяя ему быстрее откликаться на просьбы о финансовой помощи государств-членов или на предложения по изменению обменного курса и принятию других мер. Следовательно, власти государств-членов не только получают независимую оценку своей экономической политики, но сверх того совместно с Фондом могут обсудить любые затруднения, вытекающие из особых мер, принятых другими членами, или проводимой ими политики. Чтобы экономическая и финансовая политика государств-членов наилучшим образом соответствовала целям международного сообщества, Фонд во время таких консультаций придает все больше значения международным последствиям этой политики» [6].

В соответствии со статьей IV Международный фонд валюты осуществляет свои контрольные функции в регулярно-обычном виде ежегодных двусторонних консультаций и многостороннего обсуждения. Таким образом, судебные перспективы развития общей мировой экономики, выходит два раза в год. (в виде социальных бюллетеней).

МВФ путем регулярных консультаций со своими членами собирает информацию о различных странах и отдельных лицах, об экономических ситуациях в каждой стране, об определении условий купли-продажи валюты. Эти консультации также помогают устранить любые ограничения в процессе обмена национальной валюты на иностранную в государствах-членах. Раньше эти консультации были обязательны только для тех государств, в которых были преграды для обмена валюты. Но начиная с 1978 года, МВФ ведет эти консультации со всеми государствами-членами.

Обычно консультации проводятся раз в год, но директор по управлению имеет право назначать дополнительные консультации, если государство находится в экономическом затруднении или же использует методы, которые ущемляют интересы других государств-членов. Каждый год группа экспертов из 4 или 5 человек посещает столицу этого государства, и в течение двух недель с должностными лицами проводят переговоры об экономической политике данной страны и собирают информацию.

Первый этап консультаций связан с импортом и экспортом, уровнем зарплаты, занятостью населения, с размером денежных взносов в уставный капитал, с налоговыми поступлениями и экономической жизнью, а также с другими областями бюджетной статистики.

Второй этап состоит из рассмотрения и обсуждения высокопоставленных чиновников в области экономической политики страны в целом, эффективность любых изменений, связанных с устранением ограничений по обмену валюты. После группы возвращаются в Вашингтон и подготавливают подробный доклад для обсуждения на Исполнительном совете. Исполнительный директор проверяемой страны тоже участвует в этих дискуссиях, дает отчеты об экономических условиях и слушает мнения о своей стране исполнительных директоров других государств. В ходе обсуждения многие решения принятых предложений по совершенствованию экономики обсуждаются с правительством [2; с. 68-70].

Кроме того, по отдельным вопросам Фонд получил более широкие полномочия, например, в области обменного курса и ограничений валютного курса¹ МВФ обладал понимаемым в широком смысле слова подлинно «полицейским полномочием». Отметим также, что уже сейчас увеличены контрольные полномочия Фонда в рамках процедур по оказанию помощи нуждающимся в его денежных средствах государствам-членам.

Средства осуществления контроля. Набор таких средств внушителен. Некоторыми из них Фонд располагал *a posteriori*, другие получил *a priori*. Первые представляют собой совокупность информационных данных, которые МВФ собирает на своих членов либо в силу их обязательств передавать ему определенные сведения, либо в результате отправки специальных миссий экспертов, или, главным образом, благодаря существованию целой консультативной сети. Почти ежегодно «страны, подпадающие под статью 14», как и «страны, к которым имеет отношение статья 8», проводят консультации с Фондом. Последний посылает в страны, являющиеся объектом изучения, группу специалистов, занимающихся вместе с местными ответственными лицами всесторонним исследованием проводимой этими странами экономической политики. Затем составляется доклад, который обсуждается административным советом Фонда в присутствии представителей заинтересованной страны с учетом их замечаний. Совет сообщает официальное мнение МВФ о положении консультируемого члена посредством вынесения решения, которое, несмотря на свое название, является всего лишь рекомендацией, не подлежит разглашению и не имеет обязательной юридической силы [4; с. 488]. Однако это официальное экономическое заключение МВФ имеет значение для заинтересованной страны: она может не учитывать предложения, представленные Фондом, но в ее интересах к ним прислушаться, так как рано или поздно она обратится к Фонду за помощью (именно в таком положении находится большинство развивающихся стран).

Кроме того, в рамках своей задачи по осуществ-

¹ По меньшей мере, в качественном плане эти контрольные полномочия МВФ заметно уменьшены в новых положениях, касающихся обменного курса, которые содержатся во второй поправке к уставу (см. выше, 1398-1399, 1403).

Шахрияр АЛИЕВ, Лала ФАРЗАЛИЕВА

влению контроля за выполнением принятых его членами положений, касающихся валютных курсов, Фонд создал особую сеть двусторонних консультаций, обычно называемых «консультациями в рамках статьи IV» [5]. Они касаются микроэкономической политики государств-членов, рассматриваемой в докладе экспортеров Фонда, являющемся предметом обсуждения административного совета, председатель которого сообщает положительные и отрицательные мнения. Если эта процедура в принципе остается конфиденциальной, то ежегодный доклад МВФ делает достоянием общественного мнения все элементы, необходимые для того, чтобы понять, как административный совет оценивает управление экономической политикой государств-членов².

Вторые средства контроля могут принимать форму или консультаций, или предварительного согласия МВФ. В первом случае на государства-члены возлагается не создающее особых ограничений и по своей природе весьма формальное обязательство. Напротив, во втором случае право на принятие решений переходит от контролируемого государства к осуществляющей контроль организации-МВФ. Так, предварительное согласие Фонда обязательно при принятии решений в ряде важных областей: раньше перед любым значительным изменением паритета, в настоящее время – перед введением каких-либо ограничений на текущие платежи или перед применением любых дискриминационных валютных комбинаций и практики множественных обменных курсов, исходящих из «стран, подпадающих под статью 8» и в меньшей степени «стран статьи XIV». Во всех этих случаях это влечет за собой дополнительное ограничение суверенитета государств-членов.

Если применение средств контроля не дало нужного результата, МВФ может прибегнуть к целой серии классических, применяемых в определенной последовательности, санкций. Прежде всего он имеет возможность (ни одна из санкций не является автоматической) использовать простое моральное давление, публикуя специальные доклады [7] или делая внушение своим строптивым членам [5]. Ни одна из этих двух мер до настоящего времени не применялась.

Фонд может также прибегнуть к финансовому средству, которое выступает в качестве наказания, применяемого в рамках общего права в случае уклонения государств-членов от выполнения какого-либо из своих обязательств в отношении МВФ: [8]. В таком случае может быть объявлено, что страна, о которой идет речь не допускается к использованию денежных средств Фонда [4; с. 489]. К числу таких мер можно отнести особые санкции, применяемые в случае ненадлежащего использования денежных средств МВФ [6]. Страна, к которой применяются такие санкции, оказывается *de facto*, если не *de jure*, не в состоянии

получить доступ к частным источникам международного финансирования.

Финансовые санкции, несмотря на их кажущуюся значимость, оказались неспособными сдержать феномен задолженностей по платежам, который в конце 80-ых годов создал проблемы в деятельности Фонда и принял угрожающие размеры, достигнув в 1990 году почти 4 млрд. долл. Так, Гайана, Либерия, Судан, Перу, Замбия, Сьерра-Леоне, Сомали, Ирак, Заир были подвергнуты этим финансовым санкциям, которые возымели действие лишь на некоторых из них.

Это объясняет введение в третьей поправке к уставу МВФ в 1991 году нового вида санкций дисциплинарного характера, допускающих приостановку права участия в голосовании [11]. Так, Судан и Заир были временно лишены своего права участвовать в голосовании в МВФ.

Наконец, если государство-член упорно отказывается какого-либо сотрудничества с МВФ, оно может быть исключено из Организации; [9] такие дисциплинарные санкции были применены только однажды, в 1954 году, к Чехословакии. В 1997 году эта процедура была начата в отношении Судана, но в конце концов прекращена в результате проявления этой страной доброй воли к сотрудничеству.

Очевидно, что предусмотренные уставом МВФ санкции применялись очень редко (не более 15 раз). Однако это не означает, что требования, предъявляемые Бреттон-Вудской системой, всегда scrupulously соблюдались членами Фонда. Отнюдь не всегда. Однако здесь мы встречаемся с одной из характерных черт политики международных экономических организаций, которые не прибегают к судебному разрешению спорных вопросов, возникающих в результате несоблюдения государствами-членами предписаний их уставов. Линия их поведения целиком определяется прагматизмом. Сталкиваясь с довольно частыми случаями серьезных нарушений устава, МВФ всегда старается придерживаться конструктивной политики: для него важно, чтобы государства-члены, столкнувшиеся с трудностями в отношении соблюдения кодекса добропорядочного валютного поведения, как можно скорее встали на правильный путь и главное, продолжали с ним сотрудничать для того, чтобы найти средства для выхода из сложившейся ситуации, пусть даже таким средством явится предоставление им его помощи. Такая гибкая позиция МВФ позволяла ему успешно находить выход из многочисленных валютных кризисов, затрагивавших государства-члены *ut singuli*. Совершенно очевидно, что в случае тяжелого общего кризиса международной валютной системы, каким является кризис, который разразился в 1971 году и все еще далек от завершения, угрозы применения санкций МВФ не являются надлежащим средством его преодоления. Перед лицом такой ситуации,

² См, например ежегодный доклад за 1997г, в котором приводится интересная информация, касающаяся около 40 государств-членов, правда, эти «консультации в рамках статьи 4» в тот год должны были коснуться 150 членов с. 46-112

МЕХАНИЗМ КОНТРОЛЯ ФИНАНСОВ И ВАЛЮТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

когда участники игры больше не в состоянии соблюдать ее правила, должны быть изменены ее правила. Впрочем, именно это и произошло с принятием второй поправки к уставу МВФ, которая придала международному режиму обменных курсов гораздо большую гибкость: таким образом, контрольные полномочия Фонда были значительно ограничены и соответственно была сильно ослаблена валютная дисциплина, которую должны соблюдать его члены [4; с. 490].

Связи Азербайджанской Республики с Международным валютным фондом тоже основываются на принципе связи и претворения в жизнь отношений, как и других членов-государств. Все эти страны в МВФ предоставляют сведения в одинаковых параметрах и обладают равными правами голосования. Но несмотря на это, влияние каждого государства на фонд различное. Это зависит от экономического развития каждой страны, от политической стабильности и в зависимости от цены акций, вложенных в фонд. И из-за этого исполнительный совет фонда строит сотрудничество с государствами индивидуально, учитывая национальные интересы страны, а также экономическое и политическое положение. Именно с этой точки зрения Исполнительный совет заявил о некоторых недостатках в сведениях ряда стран и потребовал, чтобы все государства сдали свои статистические сведения вовремя и на высшем уровне. Для Азербайджана со стороны исполнительных директоров были приняты сведения, состоящие из 12 статей категорий. Сюда входят валютный курс, баланс Центрального банка (Национального банка), резервы международного резерве, широкие денежные массы показателей системы (агрегаты), тарифы процентов, цены на потребительские товары, внешняя торговля, внешняя задолженность (управление внешним долгом, бюджетный избыток, валовой национальный продукт, валовой внутренний продукт и т. д). С помощью этих сведений Международный валютный фонд имеет возможность следить за экономикой страны и определять ее способности в выполнении своих обязанностей. Власти органов валютного контроля Азербайджанской Республики – это Центральный банк и Государственный таможенный комитет [1]. Агенты валютного контроля – это банки, подотчетные Центральному банку Азербайджанской Республики. Органы контроля валюты и его агенты определяют лицензии, законодательства по валюте, условия разрешений, а также учеты, формы и правила составления документов [12].

Влияние Бреттон Вудского университета на мировую экономику, в частности, во времена холодной войны долго обсуждалось. Утверждалось что, МВФ преднамеренно устанавливает хорошие отношения с Америкой и европейскими компаниями, основанными якобы на военных диктатурах [13]. Даже некоторые критики утверждают, что МВФ отрицательно влияет на демократии, права человека и придерживается агрессивной позиции. Эти идеи привели к быстрому развитию в мире антиглобалистского

движения. Сторонники же МВФ утверждали, что сила Фонда не в демократии, а в экономической стабильности, и что экономическая стабильность является фундаментом демократии.

МВФ рассматривает контроль за движением капитала как последнюю возможность при ограниченных обстоятельствах, когда другие макроэкономические и финансовые меры не способны сдержать притоки капитала, курс валюты определенно завышен, а экономика перегрета. Таким образом, хоть фонд и заявляет об "интегрированном подходе к либерализации движения капитала" и детально описывает реформы, в этом нет ничего даже отдаленно напоминающего контроль за капиталом и увеличением его эффективности.

Это отражает чрезмерный оптимизм фонда по двум вопросам. Во-первых, осторожность в реализации политики для эффективной борьбы с первопричинами финансовой нестабильности. Во-вторых, это степень совпадения национального финансового регулирования, для того чтобы не было необходимости в контроле над финансовыми потоками между ними.

Аналогией для первого пункта является контроль над оружием. Оно, как и капитал, имеет своих законных хозяев, но попав в неправильные руки, может вызвать катастрофические последствия. Спротивление МВФ контролю за капиталом напоминает противников контроля над оружием, якобы полиция должна бороться с антиобщественным поведением, а не ограничивать личную свободу. Как любят повторять американские сторонники оружия, "не оружие убивает людей; людей убивают люди".

Другими словами, нужно наказывать отдельных преступников, а не запрещать свободную продажу оружия. Так же и политики должны обеспечить то, чтобы участники финансового рынка полностью отдавали себе отчет в принимаемых рисках, а не облагать их налогами или запрещать некоторые типы операций.

Еще одна трудность заключается в том, что заемщики и кредиторы могут прибегнуть к трансграничным финансовым потокам, для того чтобы избежать внутреннего контроля и таким образом нарушить целостность регулирующих стандартов. В результате национальные регуляторы могут быть вынуждены предпринять меры против финансовых транзакций [12].

В 2011-ом году МВФ была организована миссия в целях укрепления нормативно-правовой базы для разработки правил банковского надзора и для рекомендации по совершенствованию требований ликвидности для анализа ликвидности, требованиям борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, а также опыт в этой области для оказания консультационных услуг по укреплению банковского надзора.

На данный момент со стороны МВФ было принято решение о денежно-кредитной политике и улучшении среднесрочных, реальных и внешних секторов центрального банка, макроэкономической статистики, а также для количественных и качественных крите-

Шахрияр АЛИЕВ, Лала ФАРЗАЛИЕВА

риев для формирования статистического процесса и оказания технической помощи для улучшения миссии.

Один из важных программ Международного валютного фонда называется PL/TMM. PL/TMM – это программа, по которой узакониваются деньги, заработанные преступным путем, а также программа, по которой ведется борьба с финансированием терроризма. Отметим, что между Азербайджаном и МВФ благодаря PL/TMM образовалось сотрудничество. Таким образом, с 31 августа по 4 сентября 2009 года МВФ по PL/TMM, состоящий из экспертов, нанес первый визит в Азербайджан. В рамках этого визита велись переговоры по развитию PL/TMM в Азербайджане, а также обсуждались вопросы соответствующей поддержки для развития вновь созданных финансовых служб мониторинга [14].

Когда страны сталкиваются с проблемой невозможности погашения долгов, то пытаются преодолеть проблему путем введение ограничений и регулирование торговой структуры, МВФ для преодоления проблемы погашения долгов в таких странах дает долг, также требует снятие ограничений и независимости торговли.

Разъяснение этой политики приведет к увеличению благосостояния всех стран. Тем не менее, такого типа свободы в торговле дает результат того, что в условиях конкуренции стран, национальная экономика становится неуправляемой. Либерализация торговли между странами с различными условиями экономики, в конкуренции бывает безжалостной, и в конечном счете выигрывают транснациональные корпорации и развитые страны. Средства, выданные для поглощения долгов, ставит страны в зависимое положение от МВФ, а также от организаций, давших долг. В 1992 году Азербайджан стал 170-ым членом МВФ.

Квота Азербайджана составляла 160.9 млн SDR [15]. МВФ оказал финансовую помощь для реализации пяти проектов в Азербайджане. Азербайджан был принят в члены МВФ после реформы, проводимой в стране для поддержания некоторых программ, осуществленных организацией. Механизм представления кредитов МВФ Азербайджану действует с 1995 года. Цель состоит в помощи странам с переходной рыночной экономикой. Этот кредит выдается на срок до 10 лет. Процентная ставка, применяемая к кредиту, составляет 3-4,5%.

Литература:

1. Закон Азербайджанской Республики «О валютном регулировании», 21 октября 1994 года, статья 14.
2. N. R. Quliyev, M. M. Mahmudov, "Beynəlxalq maliyyə təhlilələri", Bakı 2011. - səh. 127.
3. Джереми Клиф. Что такое Международный Валютный Фонд? – Вашингтон: округ Колумбия, 2004 год, с. 19-21, об. с. 52. - <http://www.un.org/ru/ecosoc/imf/whatr.pdf>.
4. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. Научный редактор В. М. Шумилов. – Москва: Международные отношения, 2002, с. 608.
5. Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (Устав), раздел 3, статья IV.
6. Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (Устав), раздел 5, статья V.
7. Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (Устав), раздел 8, статья IV.
8. Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (Устав), раздел 2а, статья XXVI.
9. Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (Устав), раздел 2b, статья XXVI
10. Годовой отчет 1973, с. 59.
11. См. новую ст. XXVI, раздел 2, и приложение L, а также вышеупомянутые D. Carreau, а I'AFDI, 1990, p. 656 et. s. et. G. Burdeau au Clunet, 1991, p. 71 et s.
12. <http://ramilnamazov.org/oxuduqlarim/beyn%C9%99lxalq-valyuta-munasib%C9%99tl%C9%99ri-v%C9%99-valyuta-sistemi>, (21.04.2013).
13. <http://www.fondad.org/publications/helpingpoor/contents.htm>, (25.04.2013).
14. <http://dejure.az/mqallr/3128-azrbaycan-respublkasinin-beynlxalq-valyuta-fondu-l-mkdaliinin-sas-stqamtlr-mmmmdi-sbin-bak-2012>, (01.05.2013).
15. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2167938 (20.04.2013).
16. <http://www.vestifinance.ru/articles/21416>, (21.05.2013)
17. <http://buklib.net/books/27854>, (21.05.2013).
18. <http://www.imf.org/external/index.htm>, (21.05.2013).

Summary

In this paper the IMF exchange rate policy on issues such as the organization of the global financial system, the stock market, exchange rates, control of scheduled payments, as well as turning out the technical and financial support. Currently, there is need to increase the IMF's mandate to assist in the procedures the participating countries.

Keywords: exchange rates, the world economy, credit, balance of payments, quotas.

Петру РАЙЛЯН,
судья Конституционного Суда
Республики Молдова

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВЫ: АНАЛИЗ И АСПЕКТЫ

Решения Конституционного Суда имеют особый статус, которые, вне всякого сомнения, являются источником права. В настоящее время эффективность исполнения решений Конституционного Суда приобретает все большую значимость. Это связано с местом и ролью Конституционного Суда в формировании правовой системы, его деятельностью по осуществлению контроля соответствия нормативно-правовых актов Конституции. В определенной мере от решений Конституционного Суда зависит качество действующего законодательства, насколько последовательно и полно будут воплощаться в жизнь конституционные принципы [6; с. 5].

Конституционный Суд Республики Молдова по рассматриваемым обращениям принимает постановления, выносит определения и дает заключения. Постановления и заключения провозглашаются от имени Республики Молдова в пленарном заседании Конституционного Суда и после провозглашения в течение 10 дней публикуются в *Официальном мониторе*. Постановления Конституционного Суда действуют на будущее.

Статья 28 *Закона о Конституционном Суде* [3] устанавливает, что акты Конституционного Суда являются официальными документами, обязательными для исполнения на всей территории страны всеми органами публичной власти и всеми физическими и юридическими лицами. Нормативные акты или их части, признанные неконституционными, становятся недействительными и не применяются со дня принятия Судом соответствующего постановления.

Согласно ст. 28¹ данного закона, Правительство не более чем в 3-месячный срок со дня опубликования постановления Конституционного Суда представляет Парламенту проект закона о внесении изменений и дополнений в нормативный акт или в его части, признанные неконституционными, или о признании их утратившими силу. Парламент обязан рассмотреть проект в первоочередном порядке.

Президент Республики Молдова или Прави-

тельство в двухмесячный срок со дня опубликования постановления Конституционного Суда вносит изменения и дополнения в акт или его части, признанные неконституционными, либо признает его утратившим силу, а в случае необходимости, издает или принимает новый акт. Акты, изданные во исполнение нормативных актов или их частей, признанных неконституционными, становятся недействительными и признаются утратившими силу.

Принятые Конституционным Судом акты отражают последовательный и объективный характер конституционной юрисдикции по обеспечению верховенства Высшего закона, соблюдению прав и основных свобод человека, выявляя вместе с тем идею конституционности и роль Суда как стабилизирующего и уравнивающего фактора в обществе. Непредвзятое исполнение Судом своих полномочий свидетельствует о его роли как одной из важных составляющих правового государства.

Проанализировав вынесенные Судом решения, можно сделать вывод, что они в основном касаются конституционных принципов, прав и основных свобод, закрепленных Высшим законом, разделения властей в государстве, свободного доступа к правосудию, права на защиту лица, ущемленного публичной властью, права собственности, права местной публичной автономии, защиты добросовестной конкуренции [7; с. 15-16].

Согласно ст. 4 *Закона о Конституционном Суде*, Конституционный Суд осуществляет контроль конституционности законов, регламентов и постановлений Парламента; указов Президента Республики Молдова; постановлений и распоряжений Правительства; международных договоров, стороной которых является Республика Молдова; дает толкование Конституции; высказывается по предложениям о пересмотре Конституции, подтверждает результаты проведения республиканских референдумов, выборов Парламента и Президента страны; констатирует обстоятельства, оправдывающие роспуск Парламента; отстранение от

Петру РАЙЛЯН

должности Президента Республики Молдова или временное исполнение его обязанностей; разрешает исключительные случаи неконституционности правовых актов, представленных Высшей судебной палатой, и принимает решения по вопросам, предметом которых является конституционность партии. Компетенция Конституционного Суда определена Конституцией и не может быть оспорена ни одним органом публичной власти.

В соответствии со ст. 31 данного Закона Конституционный Суд решает исключительно вопросы права и только те вопросы, которые относятся к его компетенции, а согласно ст. 6 Кодекса конституционной юрисдикции, Суд самостоятельно определяет пределы своей компетенции.

Рассматривая сложные вопросы юридического характера, Конституционный Суд своей деятельностью формулирует общие принципы права. Полагаем, что акты Конституционного Суда определенным образом влияют на деятельность публичных властей, а правовая позиция, сформулированная в его решениях, может стать основой для правотворческой деятельности и правоприменительной практики.

Часть 4 ст. 75 Кодекса конституционной юрисдикции [2] предусматривает ответственность за нарушение процедуры конституционного судопроизводства. Однако поскольку конкретные пути исполнения постановлений и заключений Конституционного Суда законодателем не предусмотрены, невозможно применить и меры воздействия на должностных лиц или соответствующие органы в случае их неисполнения. Любой нормативный акт, согласно ст. 7 Кодекса, считается конституционным до тех пор, пока его неконституционность не будет доказана в процессе конституционного судопроизводства с обеспечением всех гарантий, предусмотренных данным Кодексом.

Конституция (ст. 140) [1], Закон о Конституционном Суде (ст. 26) и Кодекс конституционной юрисдикции (ст. 71) четко устанавливают, что решения Конституционного Суда окончательны и обжалованию не подлежат.

Исходя из статьи 75 Кодекса, решения Конституционного Суда исполняются в установленные им сроки. Однако нигде не отражено, что эти решения обязательны для исполнения.

Отсутствие атрибута обязательности исполнения решений наводит на мысль, что законодатель оставил лазеечку, которой, к сожалению, в настоящее время пользуются. Для подтверждения этой мысли можно привести следующий пример. Статья 9 Закона о Конституционном Суде гласит, что органы публичной власти, иные юридические лица независимо от вида собственности и организационно-правовой формы обязаны в 15-дневный срок предоставлять информацию, документы и другие имеющиеся у них материалы, запрашиваемые Конституционным Судом для осуществления своих полномочий. Неисполнение или

неадекватное исполнение этих требований влечет за собой соответствующую ответственность. В данном случае законодатель считал необходимым предусмотреть обязательное исполнение требований Конституционного Суда с целью всестороннего, глубокого изучения затрагиваемого в обращении вопроса, то есть, для провозглашения впоследствии законного и обоснованного решения.

Что касается исполнения законных и обоснованных решений Конституционного Суда, то здесь законодатель ограничился лишь тем, что указал, кому адресовано решение, что оно исполняется в установленные Судом сроки (ст. 74 и 75 Кодекса конституционной юрисдикции) и что неисполнение влечет за собой ответственность, предусмотренную ст. 82 данного Кодекса. Однако нигде не предусмотрено кем и каким образом исполняются конкретные решения Конституционного Суда. Этот вопрос не нашел своего отражения и в нормативных актах, регулирующих деятельность Парламента, Президента страны, Правительства, органов центральной публичной власти [8; с. 47].

Теоретически, юридические последствия правового акта или нормы, признанных неконституционными, устраняются принявшим их органом. В практической деятельности Конституционного Суда имели место случаи, когда органы государственной власти это требование игнорировали, используя обходные пути, одним из которых является издание акта, ранее признанного неконституционным, или включение неконституционных положений в иной нормативный акт. Между тем Закон о Конституционном Суде, запрещая органам власти такого рода действия, не предоставляет Суду достаточных возможностей для противодействия им.

Так, чтобы прекратить действие повторно принятого неконституционного акта, Конституционный Суд вынужден был, соблюдая процедуру конституционного судопроизводства, принять к рассмотрению соответствующее обращение и вынести новое решение о неконституционности акта.

Приведем несколько примеров по исполнению постановлений Конституционного Суда. Во исполнение Постановления Суда № 21 от 2 сентября 2004 года 6 октября 2004 года Правительство приняло Постановление № 1093. В ходе рассмотрения дела о толковании конституционного положения, касающегося 4-летнего срока, на который назначаются председатели и заместители председателей судебных инстанций, Конституционный Суд отметил, что Закон о Высшей судебной палате [4] конкретно не устанавливает срок исполнения обязанностей председателя и заместителей председателя Высшей судебной палаты (Постановление Суда № 7 от 18 марта 2004 года о толковании ст. 116 ч. (3) Конституции) [5]. Законом № 159-XV от 20 мая 2004 года Парламент внес изменения в ст. 9 Закона о Высшей судебной палате.

Законом № 248-XVI от 21 октября 2005 года Парламент исполнил Постановление Конституцион-

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВЫ: АНАЛИЗ И АСПЕКТЫ

ного Суда № 16 от 19 июля 2005 года о неконституционности положения, согласно которому кассационная жалоба не может быть подана иным лицом, кроме прокурора или адвоката.

На данный момент не исполнено только одно постановление Конституционного Суда № 20 от 30.11.2006 года о контроле конституционности положений Закона о толковании некоторых законодательных актов № 245-XVI от 20 октября 2005 года.

В специальной литературе наряду с понятием "контроль конституционности закона" используется и понятие "конституционный надзор", и есть мнение, что эти понятия идентичны. Но это не так. Контроль конституционности законов предполагает установление соответствия законов Конституции и в качестве института конституционного права содержит правила, относящиеся к деятельности компетентных органов, осуществляющих данный контроль, процедуры и меры ее реализации. Конституционный надзор, в свою очередь, является организационной деятельностью, которая предусматривает дачу рекомендаций, привлечение внимания государственного органа, акт которого был подвергнут контролю, с целью устранения норм, противоречащих Конституции, приостановление действия нормативного акта. Право вносить изменения или аннулировать данный акт принадлежит принявшему его органу. Следовательно, по своему характеру специализированный контроль конституционности отличается от контроля конституционности в порядке надзора [9; с. 27].

Решения, вынесенные в порядке конституционного надзора, носят рекомендательный характер и адресованы разработавшим и принявшим этот акт государственным органам. Вместе с тем они могут содержать и представление о необходимости приведения акта в соответствие с Конституцией.

Констатация соответствия Конституции или признание неконституционности нормативных актов, подвергнутых конституционному контролю, толкование конституционных норм, порядок исполнения решений Суда и т. д. являются основными инструментами совершенствования законодательства. Представления, которые касаются исключительно правовых пробелов, также могут способствовать совершенствованию права.

В ходе рассмотрения обращения Конституционный Суд подвергает его глубокому и всестороннему анализу. В случае выявления пробелов в законодательном акте, связанных с нереализацией конституционных положений, Суд на основании ст. 28 ч. (4) Закона о Конституционном Суде и ст. 79 ч. (1) Кодекса конституционной юрисдикции направляет соответствующим органам представление, в котором обращает их внимание на необходимость устранения этих пробелов. Соответствующий орган публичной власти не позднее чем в трехмесячный срок должен проинформировать Конституционный Суд о результатах рассмотрения представления.

Согласно статистическим данным на период 1995–2007 гг., Конституционный суд направил 18 представлений в соответствующие государственные органы в целях устранения пробелов в законодательстве.

Так, например, в ходе рассмотрения обращений о контроле конституционности некоторых положений Закона № 726-XV от 7 декабря 2001 года о внесении изменений и дополнений в Закон об административном суде № 793-XIV от 10 февраля 2000 года Конституционный Суд установил, что Закон об административном суде содержит некоторые несоответствия, которые при применении положений закона могут привести к нарушению конституционных прав граждан.

Подчеркнув, что одним из полномочий Парламента является толкование законов и обеспечение единства законодательного регулирования на всей территории страны, Суд указал на необходимость дополнительного толкования положений пункта а) статьи 4 Закона № 793-XIV в смысле прямого определения официальных государственных лиц, представляющих особые общественные или политические интересы, целесообразность которого является исключительной компетенцией Парламента. На основании ст. 28 Закона о Конституционном Суде и ст. 79 Кодекса конституционной юрисдикции Суд обратился в Парламент с просьбой рассмотреть представление.

Из практической деятельности конституционных судов других стран очевидно, что исполнение принятых ими решений зависит в основном от того, насколько ветви власти заинтересованы в существовании правового государства. Для беспрекословного исполнения решений Конституционного Суда важен его авторитет, обоснованность решений, которые должны исполняться без применения силы, добровольно, а это достигается лишь при стабильном социально-экономическом и политическом положении в государстве, высоком уровне демократии, правового сознания и культуры.

Определенные сбои в исполнении решений Конституционного Суда будут существовать до тех пор, пока в стране не установится полная стабильность.

Параллельно должен быть найден такой механизм, который станет гарантом беспрекословного приведения в исполнение решений Конституционного Суда всеми органами публичной власти и официальными должностными лицами.

Проведенное исследование теоретических вопросов представляет, по нашему мнению, в известном смысле исходные позиции и условия для более глубокого анализа проблем эффективного исполнения решений Конституционного Суда.

В заключение необходимо отметить, что в течение своей деятельности Конституционный Суд Республики Молдова выполнял и продолжает выполнять важнейшую роль в становлении правового, демократического государства, укреплении конституционных гарантий защиты прав человека, разрешении принци-

Петру РАЙЛЯН

пиальных споров по конституционным полномочиям через непосредственное толкование Конституции, создавая тем самым определенные предпосылки для устойчивого развития общества.

Литература:

1. Конституция Республики Молдова от 29 июля, 1994 г. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 1 от 12 августа 1994 г.
2. Кодекс конституционной юрисдикции, №. 502 от 16 мая 1995. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 53-54 от 28 сентября 1995.
3. Закон о Конституционном Суде, №. 317 от 13 декабря 1994. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 8 от 7 февраля 1995.
4. Закон о Высшей судебной палате, №. 789 от 26 марта 1996. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 196-199 от 12. сентября 2003 г.
5. Постановление Конституционного Суда Респуб-
лики Молдова, № 7 от 18 марта 2004 года о толковании положений ст. 116 ч. (3) Конституции. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 53-55 от 2 апреля 2004 г.
6. Pușcaș V. În apărarea drepturilor și libertăților constituționale ale cetățenilor. - Dreptul (Chișinău, Moldova), 2002, nr. 26. p. 5.
7. Костаки Г., Штербец В. О конституционных судах в сравнительном праве. - Закон и жизнь (Кишинэу, Молдова), 2002, № 10, с. 15-16.
8. Иванов В. М. Конституционное право Республики Молдова. - Кишинэу, 1997, с. 47.
9. Витрук Н. В. Конституционное правосудие. - Москва: Юнити, 1998, с. 27.

Summary

Decisions of the Constitutional Court have a special status, they are no doubt a source of law. At present, the effective enforcement of decision of the Constitutional Court is becoming increasingly important. This is due to the place and role of the Constitutional Court in the formation of the legal system, his activities to monitor compliance regulations of the Constitution. To a certain extent the decisions of the Constitutional Court determines the quality of the current legislation, how consistently and fully will be put into effect the constitutional principles.

Keywords: Law, decisions of the Constitutional Court, legal system, constitutional principles.

Али ГАСАНОВ,
доктор политических наук, профессор

Айтекин ЗЕЙНАЛОВА,
диссертант кафедры "Международной журналистики"
Бакинского Государственного университета

ПУТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДО ЧЛЕНСТВА В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ В ОТРАЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Многовековая освободительная борьба азербайджанского народа была завершена 18 октября 1991 года восстановлением государственной независимости, и после этого начался период установления взаимоотношений с другими государствами, универсальными и региональными международными организациями [7; 1]. Это было продиктовано, прежде всего, желанием получить поддержку мировой общественности в разрешении таких запутанных проблем, как армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт, безосновательные территориальные претензии Армении к нашей стране. Независимой Азербайджанской Республике необходимо было эффективно использовать возможности международных организаций в процессе защиты и укрепления государственной независимости, занятия достойного места в рядах мирового сообщества, формирования положительного имиджа на международной арене, нейтрализации психологических натисков соседних стран, прежде всего, России и Ирана, урегулирования нагорно-карабахской проблемы путем дипломатических переговоров.

С этой целью она должна была привести в порядок систему средств массовой информации адаптировать ее к прогрессивным международным стандартам, обеспечить свободу слова и печати. Для этого 21 июля 1992 года был принят «Закон Азербайджанской Республики о средствах массовой информации», где наряду с другими положениями нашли свое отражение также основы свободы массовой информации, право СМИ на получение информации, антимонопольные меры, международное сотрудничество в области СМИ.

Именно при ближайшем участии прессы Азербайджан в кратчайший срок установил взаимовыгодные связи с такими международными формированиями, как организация Исламская конференция (нынешнее название: Организация Исламского сотрудничества), ОБСЕ, ООН, Совет Европы, Евросоюз,

НАТО, активно участвовала в создании СНГ, ГУАМ и организации Черноморского экономического сотрудничества [23].

Все эти процессы всегда находились в центре внимания национальной печати. Она и сегодня широко освещает деятельность международных, региональных и национальных организаций, среди которых особое место занимает Совет Европы (СЕ), играющий исключительную роль в защите прав человека во всем мире, развитии процесса демократизации в молодых государствах.

В первые годы независимости основное внимание уделялось раскрытию функций СЕ, возможным формам сотрудничества с ним. Приоритетными темами были возникновение взаимосвязей между Азербайджаном и СЕ, динамика их развития, исторические корни и правовые основы многостороннего сотрудничества. Журналисты стремились показать положительную роль этих связей во внешней политике и внутренней жизни страны, освещали процесс последовательного развития демократии, достижения в области защиты прав человека, продолжительный характер демократических реформ, осуществляемых под эгидой СЕ. В публикациях специалистов-политологов определялись перспективные направления сотрудничества с общеевропейскими организациями, анализировался контекст деятельности СЕ. В ряде материалов говорилось, что меры, принятые накануне 90-х годов XX века, дали возможность подготовить в 1989 году «check list» (контрольный лист), который послужит почвой для дискуссии с представителями стран-кандидатов в члены Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Авторы разъясняли: суть этого документа заключается в том, что после доклада экспертов права, представители, выделенные СЕ, несколько раз посещают страны, которым предстояло подготавливать доклад или отзыв о соответствующих вопросах. Во время процедуры принятия ПАСЕ был

Али ГАСАНОВ, Айтекин ЗЕЙНАЛОВА

разработан эффективный метод выдачи странам-кандидатам статуса «особо приглашенного гостя». В январе 1992 года Азербайджан официально обратился в СЕ с просьбой выдачи статуса «особо приглашенного гостя», который давал возможность принимать участие в пленарных заседаниях Ассамблеи и в работе её комиссий без права голоса [8; 1].

Печать разъясняла, что до получения этого статуса Азербайджан как просящая сторона должен принимать на себя ряд международных обязательств в области демократизации и защиты прав человека, имеющих политическое и юридическое значение, создавать необходимые условия докладчикам ПАСЕ, чтобы они могли свободно посещать страну и ознакомиться с ней. В этом смысле прием нового государства в СЕ считался результатом сотрудничества докладчиков Ассамблеи с Делегацией национального парламента этой страны, и эффективность такого сотрудничества во многих случаях обуславливала сроки приема в СЕ. После представления заключительного доклада Пленуму ПАСЕ принимался Отзыв, рекомендуемый Совету Министров пригласить данное государство в членство СЕ. Эта процедура контроля полностью была сформирована в 1993 году [8; 1], как видно, путь Азербайджана в систему международных отношений был труден и его включение в мир глобальной политики сопровождалось определенной сложностью. Серьезной базы для установления азербайджанской дипломатии не было, однако страна, находившаяся в водовороте многочисленных проблем, встретившаяся с опасностью изолироваться от внешнего мира, в результате напряженной и всесторонней деятельности общенационального лидера Гейдара Алиева и продолжателя его дела Ильхама Алиева в короткий срок смогла выйти из этой нелегкой ситуации. Выход центральной и восточной Европы из социалистической системы, и возникновение новых независимых государств на территории СССР привели к коренным переменам в политике СЕ, и тем самым эта организация как бы утвердила себя.

Во всех этих процессах активной помощницей политиков была национальная печать. Она, выступая с аналитическими публикациями о внешнеполитическом курсе азербайджанского государства, способствовала обеспечению независимости, безопасности, территориальной целостности страны, созданию выгодных условий для осуществления экономических реформ, расширению равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами, проведению в жизнь сбалансированной прагматической внешней политики. Таким образом, медленно, но целенаправленно была разрушена искусственно созданная соседними государствами информационная блокада вокруг нашей страны.

На страницах национальной прессы были также материалы, посвященные деятельности азербайджанской дипломатии, направленной на превращение Европы в демократическое и безопасное прос-

транство, ее участие в процессе расширения СЕ к востоку, интенсификацию сотрудничества с этой организацией, имеющей исключительные заслуги в установлении тесных связей между государствами, являющимися ее членами [6, 11-12]. Надо учитывать, что не только накануне 90-х годов XX века, но даже в 1993-1995 годах СЕ не был готов расшириться до южно-кавказского региона. С другой стороны, его отношение к нашей стране было негативным. 5 февраля 1992 года Комитетом по странам – не членам СЕ была принята антиазербайджанская резолюция, связанная с армяно-азербайджанским, нагорно-карабахским конфликтом [13; 85]. В такой ситуации крайне важно было сформировать объективный, правдивый имидж Азербайджана.

По Уставу СЕ статус его членства могут обрести европейские государства, которые «признают принцип верховенства Права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами». Азербайджанская Республика, обладающая всеми этими качествами, имеющая выгодные перспективы и реальные возможности, была намерена реализовать следующие свои планы:

- путем создания политической стабильности в стране, проведения политико-экономических реформ, направленных на строительство демократического, правового, светского государства, постепенного перехода на рыночную экономику, принятия мер по защите прав человека создать выгодную почву для ускоренного включения в процессы интеграции в Европе;

- учитывая то, что геополитическая позиция и богатые природные ресурсы нашей страны привлекают внимание Европы, стимулировать сотрудничество СЕ и Евросоюза с Азербайджаном;

- опираясь на связи с СЕ, добиваться достижения нижеприведенных политических целей:

- а) подтверждать и укреплять восстановленную государственную независимость;

- б) надежно обеспечивать человеческие и гражданские права;

- в) в рамках международной организации углублять на всесторонних основах дипломатические отношения с европейскими государствами;

- продемонстрировать, что внешняя политика нашей страны основывается на принципе мирного сосуществования государств и народов, сохранения мира и безопасности и на других международных правовых нормах;

- использовать трибуну СЕ для доведения до мировой общественности своих целей и позиций [17; 52].

На основе анализа материалов прессы и отношений политологов к данной проблеме установление и развитие связей СЕ с Азербайджаном условно можно разделить на три этапа:

- с начала 1992 до середины 1993 года;

- с середины 1993 до конца 2003 года;

ПУТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДО ЧЛЕНСТВА В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ В ОТРАЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

- с конца 2003 года по настоящее время.

На первом этапе желание Азербайджана включиться в европейские формирования возникало под влиянием разных экзогенных и эндогенных факторов. «Ласточки» независимой национальной печати – газеты «Azərbaycan», «Ауна» («Зеркало»), «Təgəqqi» («Прогресс»), «Vətən səsi» («Голос Родины»), «Nəyat» («Жизнь»), «Hürriyyət» («Свобода») «Azadlıq» («Свобода»), «Aydınlıq» («Ясность»), «Ydalət» («Справедливость»), «Millət» («Нация»), журнал «Gənclik» («Молодость») выдвигали на передний план конфликт вокруг Нагорного Карабаха широко обсуждали такие вопросы, как предвзятое отношение России к Азербайджану, ее необоснованное партнерство с Арменией. В этот период связи Азербайджана с СЕ носили бессистемный, хаотический характер. Главными темами азербайджанских масс-медиа того периода являлись неопределенность международных связей, агрессия Армении против нашей страны, наличие нестабильности во внутренней и внешней политике. В заметке газеты «Ауна» («Зеркало») под заголовком «Ожидается прибытие в Азербайджан представителей Совета Европы» становилось ясно, что впервые Азербайджан обратился в СЕ с желанием быть представленным в этой организации в статусе «специально приглашенного гостя» в январе 1992 года [4]. Однако в тот период вопрос об участии стран Южного Кавказа оставался открытым. С одной стороны, не существовал механизм деятельности, необходимый для расширения СЕ до южно-кавказского региона, а с другой – демократическое движение в республиках Закавказья не казалась безвозвратным.

С целью установления нормальных связей с европейскими организациями в июне и октябре 1992 года представители азербайджанского правительства и Парламента побывали в находящейся в Страсбурге штаб-квартире СЕ. Именно в то время была внесена ясность в такие вопросы как формы сотрудничества с этой организацией, значение демократических ценностей Запада, содержание и сущность миссии посредничества СЕ по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта [7; 1].

Отношение СЕ к Азербайджану было сформировано под влиянием пропаганды армянских шовинистов против нашей страны и по этой причине она жила в период военной, политической, экономической и информационной блокады. Это положение наблюдалось и в других международных организациях, за исключением ОИК. В таких условиях было необходимо заявить о том, что Азербайджан проводит внешнюю политику, соответствующую принципам СЕ, развивается по пути демократизации и защиты прав человека [1; 23]. Правда, дальнейшее расширение армянской агрессии против Азербайджана и принятие соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН в позиции СЕ наблюдались определенные изменения в лучшую сторону. Так, 12 марта 1992 года Ко-

митет министров этой организации выступил с заявлением, в котором выражалось чувство обеспокоенности по поводу насилия против мирного населения, говорилось, что международное сообщество не позволит применения силы в Нагорном Карабахе [3; 22]. 21 апреля 1992 года газета «Nəyat» («Жизнь») сообщила: «В Заявлении отмечалась необходимость соблюдения принципа неприкосновенности границ, разрешения конфликта на основе требований международного права, обращалось внимание на тяжелые последствия армянской агрессии. Захват Келбеджерского района вслед за Лачином усилил обеспокоенность западных стран. Усиление напряженности на фронте вынудило Комитет министров СЕ выступить 16 апреля 1993 года с новым Заявлением. В этом документе отмечалось, что Комитет министров СЕ поддерживает призыв Председателя Совета Безопасности ООН к немедленному прекращению всех боевых действий и выводу из Нагорного Карабаха всех вооруженных сил, представляющих опасность для мира и безопасности в регионе [24].

В этой же публикации отмечалось, что не очень понятное отношение СЕ к оккупационной политике Армении, убийству тысяч невинных азербайджанцев не выходило за рамки «двояких стандартов». Не только СЕ, но и другие международные и региональные организации, начиная с 1988 года, не разобравшись в истинных причинах и корнях конфликта, не определив, какая из сторон является агрессором, выражали свое беспокойство по поводу расширявшихся боевых действий в регионе, выступали с заявлениями, издавали решения и резолюции, отражавшие призыв к миру. Однако во всех этих документах в той или другой форме прослеживалось, что эти организации, по сути, являются покровителями оккупанта – христианской Армении. Именно по этой причине Резолюция ПАСЕ под номером 1047 от 10 ноября 1994 года, в которой требовалось от Турции и Азербайджана немедленно положить конец блокаде Армении, стала объектом серьезной критики азербайджанских СМИ [24].

Газета «Nəyat» для обоснования своих выводов опубликовала полный текст этой Резолюции:

1. ПАСЕ с удовлетворенностью отмечает, что в Нагорном Карабахе относительно хорошо соблюдается договоренность о прекращении огня, вступившая в силу 12 мая 1994 года, и выражает надежду, что она завершится заключением мирного договора между воюющими сторонами;

2. Этот конфликт, начатый в 1988 году, привел к смерти 20 тысяч человек и появлению более одного миллиона беженцев;

3. Для поощрения воюющих сторон к подписанию мирного соглашения Ассамблея поддерживает усилия Минской группы СБСЕ, правительства Российской Федерации, Совета Безопасности ООН, Межпарламентской ассамблеи СНГ и своего Комитета по связям со странами – не членами Европы;

4. Она (ПАСЕ-А.3.) приветствует обязательства

Али ГАСАНОВ, Айтекин ЗЕЙНАЛОВА

о соблюдении прекращения огня, подписанные 26 июля 1994 года министрами обороны Армении, Азербайджана и командующим армией Нагорного Карабаха, усилия, направленные на ускорение подписания политического соглашения, призывают воюющие стороны воздержаться от враждебных действий, которые могут создавать опасность прекращению огня, вступившего в силу 12 мая 1994 года;

5. Она заявляет о своей готовности помочь подписанию мирного соглашения в рамках своих возможностей, особенно путем поощрения диалога между парламентскими делегациями заинтересованных сторон;

6. Наконец, она призывает воюющие стороны организовать немедленное возвращение беженцев в свои дома, уважать права меньшинств, которые были поддержаны в ее Рекомендации за номером 1201, настойчиво призывает Азербайджан и Турцию немедленно снять блокаду средств коммуникаций с Арменией [24].

По мнению печати, Резолюция носила абстрактный характер. Нагорный Карабах представлялся как независимый партнер, не было указано, кто агрессор, а кто жертва агрессии, не известно о каких беженцах идет речь, этническая чистка и геноцид, совершенные армянами на территории Азербайджана обходились молчаливым. Именно в результате покровительства Армении со стороны СЕ в принятых им документах не было объективности и справедливости. Например, несмотря на то, что в марте 1992 года Арменией была оккупирована значительная часть азербайджанских территорий, и на глазах всего мира был совершен ходжалинский геноцид, в Декларации о Нагорном Карабахе, принятой Комитетом министров СЕ на 471-м заседании заместителей министров, говорилось: «Комитет министров глубоко обеспокоен последними сообщениями о безразличном убийстве людей и актах насилия, резко осуждает применение силы против гражданского населения на Нагорно-Карабахской территории Азербайджанской Республики и отмечает, что силовое решение проблемы не может одобряться международной общественностью» [12]. Газета «Аудэпнэф» писала: «В документе нет ни одного слова об оккупации Арменией азербайджанских территорий». Далее приводилось предложение о необходимости разрешения конфликта на основе норм международного права и констатировалось, что «Комитет министров поддерживает все посреднические усилия, направленные на достижение мирного разрешения спора. По достижении эффективного прекращения огня спор должен решаться посредством переговоров между заинтересованными сторонами, в том числе органами местного управления и представителями Нагорного Карабаха. Переговоры должны опираться на содержание и дух Хельсинкского заключительного акта и Парижской хартии, принятых в рамках СБСЕ, особенно на принципы уважения обязательства по урегулированию споров мирным путем» [10].

Армения, пользуясь покровительством России и сильного армянского лобби, пренебрегала призывами не только СЕ, но и Совета Безопасности ООН, продолжала свою агрессорскую политику и, завершив захват Нагорного Карабаха, приступила к оккупации находящихся вокруг него районов Азербайджана.

В статье Р.Гулиева «Конфликт должен урегулироваться мирным путем», опубликованной в газете «Азербайджан», читаем: «15 апреля 1993 года Комитет министров СЕ вновь приступил к обсуждению нагорно-карабахского конфликта. После изучения ситуации в регионе противостояния, с целью не допускать повышения напряженности, им была принята очередная Резолюция, в которой выражалась серьезная обеспокоенность по поводу расширения боевых действий до Келбеджарского района Азербайджанской Республики. Комитет министров СЕ поддерживал требование Председателя Совета Безопасности ООН о немедленной остановке всех военных операций и призывал к выводу вооруженных сил из региона. Комитетом министров СЕ выдвигались следующие положения:

- расширение боевой территории до Келбеджарского района Азербайджана создает серьезную опасность демократическому будущему стабильности региона;

- утверждался тот факт, что возникшее положение грозит процессу политических переговоров в рамках СБСЕ;

- заявлялось, что международная общественность не может одобрить решение проблемы с применением силы;

- с целью облегчения страданий гражданского населения, содержался призыв к беспрепятственному пропуску международной гуманитарной помощи в регион, особенно на все территории, находившейся под влиянием конфликта;

- конфликтующим сторонам предлагалось воздержаться от любых действий, которые могли бы создавать опасность процессу мирного урегулирования. Требовалось, чтобы переговоры в рамках СБСЕ велись честно [27].

Редакционная статья газеты «Азадлыг» от 3 марта 1994 года была посвящена 2-й годовщине вступления Азербайджана в ООН, где приводились такие факты: «В результате агрессорской политики Армении против азербайджанских тюрков, проводившейся в 1988-1994 годах, Западный Азербайджан полностью был очищен от азербайджанцев. Были захвачены Шушинский, Лачинский, Келбеджарский, Агдамский, Физулинский, Губадлинский, Джабраильский и Зенгиланский районы. Тем самым, 16 тысяч кв. километров азербайджанской территории было оккупировано (Территория Нагорного Карабаха составляет всего 4 тысячи кв. километров), более одного миллиона наших соотечественников было превращено в беженцев и вынужденных переселенцев в своей родине (По мнению СЕ, количество азербайджанских беженцев якобы было преувеличено,

ПУТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДО ЧЛЕНСТВА В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ В ОТРАЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

как будто их было не более 650 тысяч человек) [21]. Организацией Исламская конференция, Евросоюзом, СЕ были подписаны десятки документов международного характера, Советом Безопасности ООН были приняты 4 резолюции (№№ 822, 853, 874 и 884), Председателем Совета Безопасности ООН было обнародовано 6 заявлений» [20].

14 марта 2008 года ГА ООН приняла специальное решение, где правое дело Азербайджана было поддержано, а агрессия Армении – осуждена [11]. В результате необъявленной войны Азербайджану был причинен материальный ущерб в размере 431,5 млрд. долларов США [2]. С первых же дней государственной независимости Азербайджан обратил свои взоры на Запад, избрал путь перестройки общества, характеризующийся демократическими ценностями, уважением прав человека и основных свобод. Это обусловило особый интерес национальной печати к процессу освещения деловых связей между СЕ и Азербайджаном. По сообщению прессы, эксперты СЕ во главе с директором Департамента по юридическим вопросам Генерального Секретариата, г-ном Э. Херремусом впервые посетили нашу страну 28-30 апреля 1993 года [25]. В ходе переговоров широко были обсуждены предложения экспертов, связанные с путями усовершенствования законодательства, вопросами включения Азербайджана в ряд конвенций, возможностями СЕ оказания гуманитарной помощи азербайджанским беженцам, были достигнуты первые соглашения о материально-техническом обеспечении, определены основные направления сотрудничества. В середине 1993 года азербайджанский народ, приглашая на власть общенационального лидера Гейдара Алиева, сделал свой выбор по развитию своей государственности, избрал путь строительства правового, демократического, светского государства, формирования гражданского общества на основе европейских ценностей, норм и стандартов [18].

Г-н Г.Алиев высоко оценивал роль СМИ в защите и укреплении государственности, расширении двух- и многосторонних связей Азербайджана, освещении достигнутых успехов. В марте 2002 года, выступая на церемонии, организованной Объединением журналистов «Ени несил», Комитетом защиты прав журналистов «Рух», Конфедерацией журналистов Азербайджана, Бакинским Пресс-клубом и Союзом Журналистов Азербайджана, Г.Алиев говорил: «Главное для меня как президента Азербайджана – государственные интересы Азербайджана» [19].

Обращаясь к журналистам, общенациональный лидер говорил: «Я как Президент – представитель властей – буду благодарен всем журналистам, если они выявят какую-то неизвестную мне, как президенту ошибку, то есть плохо выполненную работу, приносящие нам вред случаи. И мы, воспользовавшись этим, займемся устранением этих недостатков. Короче, я хочу, чтобы вы помогли властям» [15; с. 435; 26; с. 576].

За укрепление взаимосвязей между СМИ и

властными структурами, за создание плодородной почвы для открытого слова, свободного мышления Г.Алиев по инициативе большинства ведущих журналистов страны был удостоен Премии «Друг журналистов», учрежденной Комитетом защиты прав журналистов «Рух» [19].

Возвратившись к власти, Г.Алиев устранил разрыв между подходами к Западу и Востоку в азербайджанской дипломатии, обеспечил сбалансированность во внешней политике. Был взят приоритетный курс в отношении с СЕ, который был связан с новыми задачами этой организации, определенными на конференции государств-членов СЕ в 1993 году в Вене. Эта конференция была завершена принятием исторической Декларации о перспективах развития Европы и определением цели и задач СЕ в новых исторических условиях. Именно под руководством этого талантливого политика с середины 1993 года были приняты комплексные меры для поступления в членство СЕ и для изучения опыта европейских стран в области строительства светского, демократического государства. В результате образ тонкого и прагматического подхода и целенаправленной политики, проведенной Президентом Г.Алиевым, началась подготовка почвы для вступления Азербайджана в СЕ [28; с. 5-6]. Достигнутая в мае 1994 года договоренность открыла новые горизонты для сотрудничества с СЕ.

В связи с нарушением армянами условий прекращения огня в октябре 1993 года 9 ноября того же года СЕ выступил с новым заявлением, в котором говорилось: «Совет Европы осуждает нарушение соглашения от 24 октября 1993 года о прекращении огня в регионе Нагорного Карабаха и призывает к выводу всех сил из недавно оккупированных территорий. Совет Европы в соответствии с принципами СБСЕ подтверждает, что придает значение территориальной целостности и суверенитету Азербайджанской Республики.

Совет Европы особо озабочен судьбой десятков тысяч гражданских лиц, спасшихся бегством от вооруженных столкновений. Прием и защита этих беженцев должны быть приоритетной задачей международного сообщества. Кроме того, наличие этих беженцев нарушает стабильность региона и грозит опасностью перерастания конфликта в международный масштаб.

Совет Европы и далее окажет гуманитарную помощь пострадавшему населению. В связи с этим он призывает все государства региона способствовать доставке помощи. Совет Европы с целью поиска путей устранения армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта надежными политическими средствами, в очередной раз подтверждает, что поддерживает усилия Минской группы СБСЕ. Он призывает конфликтующие стороны восстановить положение прекращения огня, нарушенное 24 октября 1993 года» [9].

По завершении апрельской поездки экспертов, Комиссия ПАСЕ выступила с инициативой о проведении обсуждений по нагорно-карабахскому конфликту и прямым встреч, однако первая из них не состоялась. 24-

Али ГАСАНОВ, Айтекин ЗЕЙНАЛОВА

28 января 1994 года азербайджанская делегация в Страсбурге отказалась от участия во встрече с Комиссией под председательством Д. Аткинсона. Причиной было то, что наряду с представителями Армении как самостоятельного партнера были приглашены также представители армян Нагорного Карабаха. Несмотря на отказ азербайджанской стороны, Комиссия СЕ добилась проведения встречи. Твердое отстаивание Азербайджаном своей позиции привело к тому, что в отношении к проблеме СЕ был вынужден проводить более сбалансированный курс и искать более подходящие методы.

Установление и развитие демократических ценностей, успехи, достигнутые в области защиты прав человека и основных свобод, нашли свое отражение в

первой Конституции суверенной Азербайджанской Республики, принятой в 1995 году всенародным голосованием и отвечающей наилучшим международным нормам и стандартам. В 12-й статье Основного закона обеспечение человеческих, гражданских прав и основных свобод отмечено как высшая цель государства [5; 6] одним из высших требований СЕ.

С целью осуществления установленных в Конституции принципов в стране были начаты широкомасштабные реформы, и в результате сотрудничество между СЕ и Азербайджаном стало более тесным и интенсивным. Таким образом, 26 июня 1996 года Азербайджану был представлен статус «особо приглашенного гостя» в СЕ.

Литература:

1. Абдуллаев Э. Проблема Нагорного Карабаха в плоскости международного права. - Баку: Тяхсил, 2004. - 215 с.
2. Программа «Новости» телеканала ANS, 25 сентября 2012 года.
3. Декларация Комитета Министров Совета Европы. Газета «Respublika». - Республика Коми, 15 марта 1992 года.
4. Ожидается прибытие в Азербайджан представителей Совета Европы. - Аупа, 26 января 1992 года.
5. Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Республики. - Баку, 2012. - 64 с.
6. Азербайджанская Республика, 1991-2001. - Баку, 2001. - 360 с.
7. Архив МИД Азербайджанской Республики. Справка, 1998. - 4 с.
8. Архив МИД Азербайджанской Республики. Справка о связи с СЕ, 1997. - 6 с.
9. Джаббарлы Х. Армения и террор. Дьпуа гьндәми, 4 - 11 февраля 2007 года.
10. Нагорно - Карабахский конфликт должен найти свое решение в рамках мировых норм международных отношений. Газета «Aydinliq». - Баку, 20 марта 1992 года.
11. На повестке дня Нагорно - Карабахский конфликт. Газета «Ekspress», 14 марта 2008 года.
12. Обсуждается нападение Армении на Азербайджан. Газета «Həyat», 14 марта 1992 года.
13. Ахмедов Э. Нападение Армении на Азербайджан и международные организации. - Баку: Туна, 1998. - 137 с.
14. Роль нефти в геополитических отношениях. Düzəliş-XXI əsr, 2006, № 104-105, с. 192-201.
15. Гейдар Алиев и пресса. Составитель и автор

предисловия, проф. Р. Мехдиев, IV том, - Баку: Издательство «Нурлар», 2003. - 475 с.

16. Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. - Баку: Издательство «Азербайджан», 2005. - 762 с.

17. Гусейнова Х. Азербайджан в системе процессов интеграции Европы. - Баку: Военное издательство, 1998. - 280 с.

18. Человек счастлив, когда живет для народа. Газета «Naхçivan» 29 декабря, 1992 года.

19. Премия журналистов. Газета «Azərbaycan» 23 марта, 2002 года.

20. 2 марта - день вступления Азербайджана в ООН. Газета «Azadlıq» 3 марта, 1994 года.

21. Мамедли А. Европа устрашает Азербайджан. Газета «Hüriyyət», 18-19 марта, 1999 года.

22. Мамедов Г. Эпопея предательства истории. Газета «Вятян сяси», 21 декабря, 1992 года.

23. Хроника Независимого Азербайджана. Газета «Respublika», 30 марта, 1992 года.

24. Парламент опять обсуждает положение в Нагорном Карабахе. Газета «Həyat», 12 апреля, 1993 года.

25. Действительности Карабаха в окружении информации. Газета «Azadlıq» 8 августа, 1993 года.

26. Триумф решимости. Документальная хроника. Автор-составитель: Ш. Ягубов. - Баку: Səhər, 1995. - 848 с.

27. Гулиев Р. Конфликт должен урегулироваться мирным путем. Газета «Azərbaycan», 17 мая, 1994 года.

28. Азимов А. Проритеты внешней политики Азербайджана. Веунəlxalq həyat, 1998, №1, с. 5-6.

Summary

In contemporary world politics and the formation of public opinion all types of mass media are of great importance as the spreading information is directly connected with the operational degree of press.

In the activity centre of national Press in the field of Perfection of interstate relations which playing an important role in this process plays a significant role in broadcasting activities of international, regional and national organizations, among them enlargement of multilateral cooperation with the European Council and other organizations is one of the main directions of our national diplomacy.

In the article, according to the materials published in the types of mass media such as "Azerbaijan", "Ayna", "Taraggi", "Vatan sesi", "Hayat", "Huriyyat", "Azadlig", "Aydinlig", "Adalat", "Millat" newspapers, "Ganjlik" journal, development ways and genesis of Azerbaijan-European Council cooperation is broadcasted, activity of UC in the respect of Daklikh Karabakh is being analysed, approach to the problem with double standards is criticised, support of European countries to Armenia and biased attitude towards Azerbaijan for the first period is being seen as one of the Christian fundamentalism manifest forms and brings an enlightenment to nature and content of different approach and view to the problem.

Keywords: Council of Europe, national press, ethnic cleansing, genocide against Azerbaijanis, balance policy, multilateral cooperation, "special invited guest" status, double standards.

Наталья ПРОБЕЙГОЛОВ,

кандидат политических наук, доцент кафедры
"Политологии и международных отношений"
Восточноукраинского национального
университета им. В. Даля, г. Луганск

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА**

Постановка проблемы. В течение всех лет после установления независимости в Украине активно провозглашаются демократические принципы, прилагаются усилия для переустройства политической системы в соответствии с этими принципами. Между тем эффективность прогрессивных преобразований непосредственно связана еще и с установлением демократической политической культуры граждан. Развитие украинского общества на современном этапе привело к стремительному росту политической активности граждан, их сообществ и объединений, повышению роли различных общественно-политических институтов в жизни государства. Культура выступает своеобразным информационным фильтром общества. Изменения экономики, общественно-политического устройства должны сочетаться с изменениями в политической культуре. Современный ученый, Шайгородский Ю. замечает, что "формирование современной ценностной парадигмы происходит на фоне пересмотра многих прежних идеалов и определения нового мировоззренческого измерения с одновременным возрождением исторических традиций народа, обращению к его духовного наследия" [11; с. 128]. Мифология, по оценке ученого Гриценко В., обеспечивает процесс порождения действительности, поскольку миф как единство архетипа и ритуала есть также некоторое единство "слова" и "дела" [2; с. 84.]. Миф как порождающее устройство осуществляет перевод знаково-кодированного знания в реальные поступки людей через набор форм поведения. Например, любая избирательная кампания основывается на принципе состязательности программ кандидатов. Этот процесс становится толчком к формированию новых политических мифологем в общественном сознании, благодаря которым происходит изменение ценностно-политических ориентаций граждан. Поэтому является актуальным комплексный ценностный анализ программ политических партий, но уже сквозь призму политической мифологии и аксиологии, изучение политического мифа как движущей силы процесса развития демократической политической культуры общества.

Сложившаяся в странах постсоветского пространства политическая культура оказалась

непригодной к новым условиям существования. Проблемы, порожденные дезинтеграцией советской системы, распадом СССР и всего блока стран социалистического содружества и образованием новых независимых государств, является важным предметом современных исследований во всем мире. Проблема формирования новой политической культуры остается актуальной проблемой для обществ, независимо от их социально-экономического и культурного состояния, поскольку обеспечивает хранение и передачу политического опыта новым поколениям, преемственность политических институтов, норм и ценностей, и, таким образом, способствует формированию политической культуры и стабильности политической системы.

Социальная значимость политической культуры обусловила самое пристальное к ней внимание со стороны исследователей и вызвала к жизни комплекс политологических исследований. В рамках этих исследований произошло переосмысление феномена политической культуры новейшей эпохи, пересмотрены пути и средства ее формирования, и реализации в политической практике.

Анализ последних исследований и публикаций дает основания утверждать, что изучению политической мифологии посвящены труды таких известных зарубежных исследователей, как Кассирер Е., Сорель Ж., Винер А., Кессиди Ф., Гюбнер К., Барт Г., Леви-Стросс К., русского философа Лосева О. и других. В Украине этой проблематикой занимается ряд ученых-философов, социологов и политологов, таких как Телешун С., Бабкина О., Левенец Ю., Шайгородский Ю., Арабаджиев Д. и другие. Но все они посвятили свои исследования в основном архетиповому мифу, почти не касаясь роли политического мифа в создании новой политической культуры. Также следует отметить и нерешенный ранее вопрос о роли политического мифа в формировании демократической политической культуры. Именно этим обусловлена постановка задачи данной статьи как выяснение роли политического мифа в процессе формирования демократической политической культуры и определение основных направлений формирования демократической политической культуры украинского общества.

Исследователи считают, что для мифологичес-

Наталья ПРОБЕЙГОЛОВ

кого сознания существует некая "другая реальность", которая способна актуализироваться в "нашем" пространстве и оказывать на повседневную жизнь человека ощутимое влияние (либо благотворное, либо вредоносное – в зависимости от ситуации) [5; с. 9-26]. В мифах, по мнению Ш. Плаггенборга, "выражается нечто неизменное, нерушимый первичный опыт. Они содержат образы, служащие не для объяснения конкретной ситуации, – с их помощью подчеркивается её чрезвычайная важность. Мифы многозначны, и это качество позволяет применять их в политических целях. Прежде всего, мифы используются там, где не хватает легитимности" [7; с. 35-40].

Концепция мифа строится вокруг определённой базовой идеи. Эта идея подчиняет себе систему ритуалов, лозунгов, политических, этнических и социальных стереотипов. Трансляторами мифологической информации, по мнению Ю. Загвоздиной, являются не только вербальные тексты, но также изобразительные, монументальные, архитектурные, ландшафтные и др. Есть способы "мифологически означить" любой их элемент (сопутствующей надписью, иконической эмблемой, символом и т.д.) [3; с. 45]. Миф предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума.

Миф – это обобщённое представление о действительности, которое сочетает нравственные и эстетические установки, соединяющие реальность с мистикой, с вымышленным идеалом или антиподом [3; с. 46]. Оценивая влияние мифов на определённую эпоху, современный учёный Сухова О. подчёркивает, что человек всегда "априори живет в плену у своих мифов. Архаические ценности присутствуют в народной культуре, семантике родного языка. Однако своеобразие культурной идентичности каждого этноса в отдельности формирует соответствующий тип воспроизводства архаики, от чего во многом зависит содержание и иерархичность ментальных установок национального мировосприятия" [9; с. 3].

То есть, мы говорим о политическом мифе как об идеологическом образовании, созданном целенаправленно или стихийно. Сегодня в обществе можно видеть функционирование национальных, религиозных, социальных и других мифов. Каждый из этих мифов формирует установки определенной направленности. Очень часто эти мифы перекликаются, но не имеют согласованности, бывают совершенно противоположны. Мультиплюрализм, который образовался во многих государствах, идущих на пути становления демократии, не дает возможности сформировать демократическое государство. Демократическое государство предполагает наличие демократической политической культуры.

Государство, которое называет себя демократическим, стремится к формированию демократи-

ческой политической культуры. Возникает вопрос, как соотносятся политический миф и демократическая политическая культура, каково влияние политического мифа на формирование демократической политической культуры.

Нельзя согласиться с мнением современного ученого Ясинской В., что "переход к демократической политической культуре – это переход к многопартийности" [12; с. 57-59]. Потому что, по нашему мнению, если в государстве существует многопартийность, еще не означает наличия демократического политического режима в государстве, а соответственно, и демократической политической культуры. Демократическая политическая культура, по мнению современного ученого Щедровой Г., кроме многопартийности, плюрализма мыслей, "политическая культура демократии требует от каждого гражданина самостоятельности и ответственности, определения политической компетентности и развитого правосознания, но главное – относительно высокого морального уровня, духовной культуры. Демократическая политическая культура – это, прежде всего, содействие демократии, участие в ее развитии, в общественной жизни, особенно в экономической и социальной областях" [11; с. 255].

Возникает вопрос, каковы же особенности демократической политической культуры, каковы её характерные отличия.

В современной политологической литературе существует много характеристик понятия демократическая политическая культура. Так, например современный учёный Т. Пояркова пишет, что демократическая политическая культура получает целостность характеристики через функциональные качества, которые впитывают в себя потенцию интегрирования социальной жизни, и проявляется в развитом институте связи социума и власти, в существовании гражданского общества и институтов местного самоуправления.

Другими словами, институциональными субъектами формирования демократической политической культуры выступают: 1) государство (законодательные, исполнительные и судебные органы); 2) политические партии и общественные организации; 3) гражданское общество [8; с. 14-154].

Если взглянуть на демократическую политическую культуру через призму общественного сознания, то можно увидеть, что она вбирает в себя много элементов, которые не имеют непосредственного отношения к процессу функционирования в определенный момент времени или имеют потенциально деструктивное влияние (утопии, стереотипы, мифы, идеологические конструкции, религия, искусство).

Демократическая политическая культура как продукт ролевого взаимодействия между людьми имеет открытые аспекты (образцы поведения, что можно увидеть в обществе) и тайные аспекты (отношения и ценности, которыми обладают члены общества и которые они передают из поколения в поколение), где символическая структура в обществе

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

существует как набор кодов, которые предоставляют порядок и осмысленность информации. Трансляция политических ценностей через символы может быть определена как политическая связь. Знание символики политической связи обеспечивает аналитика конкретными, эмпирическими данными, позволяющими установить внутреннюю структуру культуры, которая имеет определенную зависимость от социальной структуры, а также от социальной психологии. В этом контексте демократическая политическая культура выступает качественной характеристикой творческой адаптированности личности в существующих политических отношениях, которая показывает, насколько политическая ориентация граждан адекватная и влияет на удовлетворение потребностей общества.

Другими словами, как культура политического сознания демократическая политическая культура вбирает в себя представление и политические ценности, традиции, обычаи, нормы, политические убеждения. Именно количество ценностей, которые поддерживают члены общества, создает основу жизнеспособности демократической системы. Демократическая политическая культура предполагает наличие в обществе, в сознании и поведении индивидуумов таких политико-культурологических принципов, как толерантность, плюрализм, компромисс и консенсус. Так, демократическую политическую культуру характеризует уважение к законам и институтам власти существующей системы, уважительное отношение к разногласиям, убеждениям и цивилизованные методы нахождения компромиссов.

То есть, демократическая политическая культура проявляется через функциональные качества, через институциональные субъекты (государство законодательные, исполнительные и судебные органы, политические партии и общественные организации, гражданское общество) формирования демократической политической культуры.

Сегодня в обществах государств, которые идут по пути демократизации, наблюдается процесс политизации и мифологизации сознания населения. Мифология, по оценке, ученого Гриценко В., обеспечивает процесс порождения действительности, поскольку миф как единство архетипа и ритуала есть также некоторое единство "слова" и "дела" [2; с. 84.]. Миф как порождающее устройство осуществляет перевод знаково-кодированного знания в реальные поступки людей через набор форм поведения. Исследователи считают, что для мифологического сознания существует некая "другая реальность", которая способна актуализироваться в "нашем" пространстве и оказывать на повседневную жизнь человека ощутимое влияние (либо благотворное, либо вредоносное – в зависимости от ситуации) [5; с. 9-26]. В мифах, по мнению Ш. Плаггенборга, "выражается нечто неизменное, нерушимый первичный опыт. Они содержат образы, служащие не для объяснения конкретной ситуации, – с их помощью подчеркивается её чрезвычайная

важность. Мифы многозначны, и это качество позволяет применять их в политических целях. Прежде всего, мифы используются там, где не хватает легитимности" [7; с. 142-146].

Для того чтобы выяснить роль политического мифа в процессе формирования демократической политической культуры, необходимо выделить основные элементы данного процесса. По нашему мнению, процесс мифологизации предполагает, прежде всего, наличие информационного потока, коммуникативного простора, рационализацию политического процесса, изменение парадигмы политического сознания и в итоге формирование целей общественного развития, поиск эффективных способов её реализации (см. Схема 1).

Рассмотрим более детально. По нашему мнению, политические мифы должны опираться на определенные архетипические образы, которые укоренились в сознании людей. Для украинцев, например, есть дом, земля, храм, мать, сердце и т.д. Не без основания можно утверждать, что эти архетипы положены в основу многих политических мифов украинской реальности. Не зря В. Ющенко изображали с золотым колосом как человека-хозяина, который может позаботиться не только о собственном доме, но и о стране, как близкого к родной земле. Ю. Тимошенко предстала перед глазами как мать-хранительница, с косою и символом сердца. Все эти технологии создают образ, проникнутый определенными архетипическими символами, благодаря чему и создаются политические мифы. Такие мифы на подсознательном уровне влияют на человека, ведь эти образы всегда укоренились и существовали в человеческом сознании на протяжении не одного поколения.

Таким образом, политический миф способен дойти до самых глубоких пластов человеческой психики и надвинуть свое восприятие реальности.

В мифологической реальности уже отсутствует рациональное восприятие мира, здесь полностью властвуют эмоционально-чувственные компоненты.

Поэтому влияние мифа является огромным, и если он будет правильно подан и приемлем для населения, будет отвечать актуальным потребностям того или иного общества, предлагая их решения, тогда он будет способным в корне изменить политическую ситуацию, сыграть роль в распределении и перераспределении властных портфелей и легитимизировать политические силы, которые пришли к власти, и новый политический порядок.

Большую роль во время избирательных гонок отводят СМИ, поэтому не удивительно, что последние выступают наиболее эффективным инструментом внедрения в сознание людей политических мифов. И, как отмечает украинский социолог А. Безаров, хотя они "не способны трансформировать саму реальность, но они вполне способны изменить о ней представление" [1].

Итак, политический миф является феноменом

Наталья ПРОБЕЙГОЛОВ

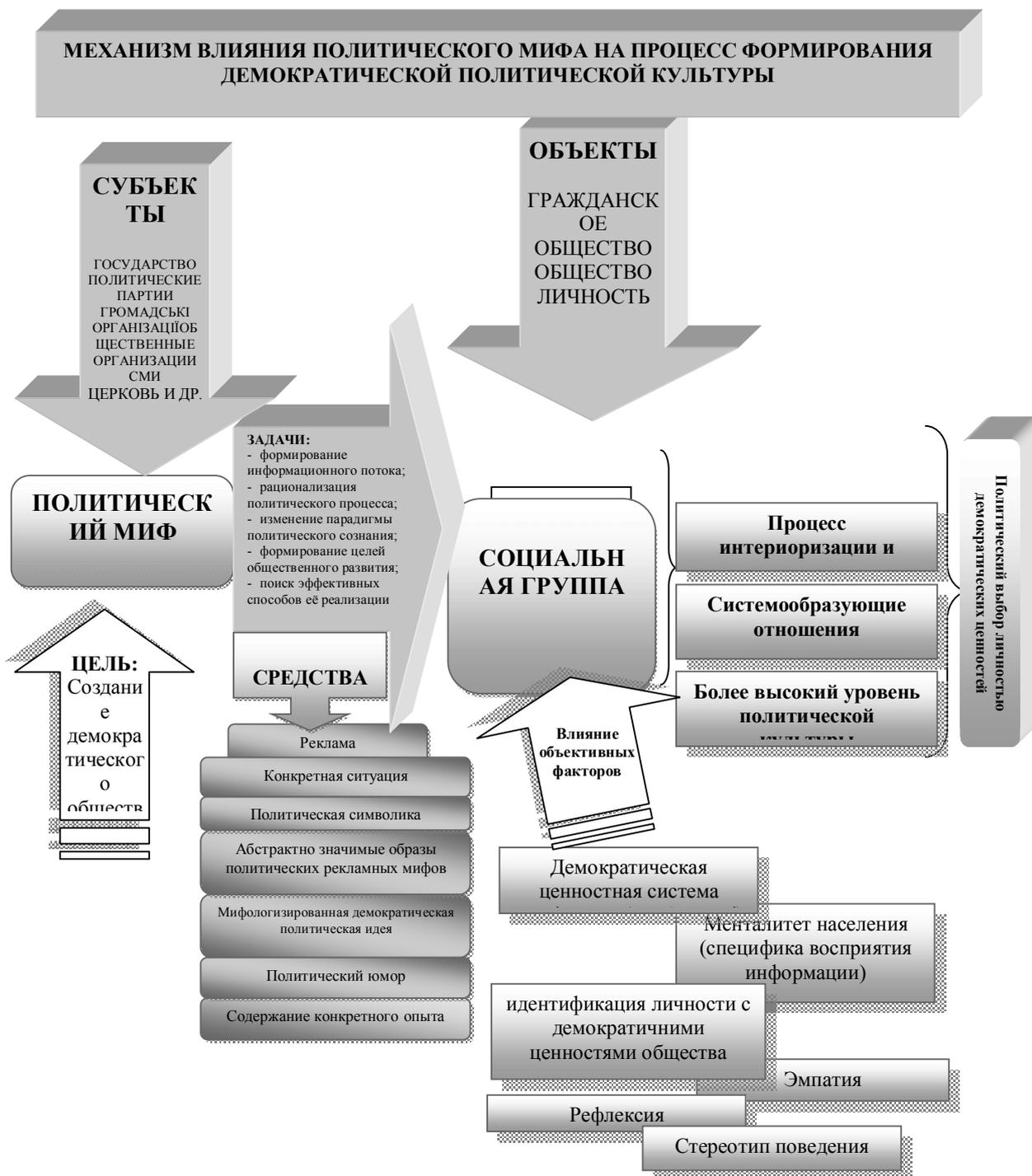

Схема 1. МЕХАНИЗМ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

массового сознания и существует только в ее пределах. Апеллирование к чувствам, иррациональность, легкость восприятия и образная насыщенность – все это направлено на коллективное сознание и поведение масс. Принадлежность к коллективному началу лишает человека возможности логически воспринимать поданную информацию.

В каждом обществе существуют свои политические мифы, которые связаны с отдельной личностью или событием, поддерживаются и распространяются определенной политической силой ради своей выгоды.

Одним из главных действующих субъектов, формирующих политические мифы, является государство. Миф государства – это идеологическое образование, которое создано либо целенаправленно, либо стихийно. Необходимо заметить, что государственный миф нельзя сводить к национализации. Государственный миф должен быть выше национального, религиозного, социального, классового и соответствовать идеологии государства. По нашему мнению, государственный миф социоцентричен, эгоцентричен, абсолютизирует демократичность и народовластие.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Согласно теории Ричарда Пауля, одного из ведущих специалистов США в области теории и практики критического мышления, социоцентричность мышления – это групповая разновидность "слепоглоухого" эгоцентричного мышления, так что синонимом может быть термин "группоцентричность мышления". А эгоцентричность – это смешение непосредственного (индивидуального) восприятия с реальностью. Она проявляет себя как неспособность или нежелание рассмотреть точки зрения других и принять идеи или факты, которые могут вступить в противоречие с удовлетворением собственных желаний. В крайней степени, она характеризуется потребностью быть правым во всем, недостатком интереса к последовательности и ясности, "все или ничто"- отношением ("Я прав на 100%; Вы стопроцентно неправы"), а также недостатком самокритики в отношении собственных мыслительных процессов. Эгоцентричный индивид в большей степени сосредоточен на поисках правды и справедливости, чем на стремлении самому быть честным и справедливым. Эгоцентричность — противоположность критического мышления. Поскольку все люди социализированы, эгоцентричность частично развивается в рамках социоцентричности. Эгоцентричная идентификация простирается также и на группы. Индивид переходит от "Я прав!" к "Мы правы!". Выбирая иной путь, люди обнаруживают, что они часто могут самым лучшим образом удовлетворять свои эгоцентричные желания посредством группы. "Мнение группы" — следствие эгоцентричного характера прикрепленности к ней. Мы можем найти этому подтверждение как среди детей, так и среди взрослых: "Мой папа лучше, чем твой папа! Моя школа (религия, страна, раса и т.д.) лучше, чем ваши" [13]. То есть, исходя из этого определения, мы можем констатировать, что государственный миф выполняет функцию верификации рациональности государственной идеи. Сегодня наблюдается трансформация самого способа жизни мирового сообщества, вхождение передовых стран в новое информационное общество, в котором информация не просто умножается по объему или усложняется с все возрастающей скоростью, но приобретает качественно новые функции.

Еще одним из главных действующих субъектов, формирующих политические мифы, является политическая партия. Партия – это звено, связывающее гражданское общество как форму перевода неполитического в политическое, отображения и реализации общественных интересов. Политические партии, добиваясь власти, преследуя партийные интересы, создают много мифических образов. Через партийные документы, политическую рекламу, символику, СМИ политические партии формируют политический миф, который в итоге дает возможность электорату сделать выбор, сформировать определенный уровень общественных отношений, создание и развитие гражданского общества.

С одной стороны, политические ритуалы и

символы, с которыми политические партии и силы побеждали на выборах, должны быть скорректированы и направлены в русло общенационального согласия и консолидации общества. На смену стихийному и конъюнктурному процессу создания политических ритуалов должна прийти продуманная долгосрочная программа политического воспитания и политической социализации, в основу которой был бы положен общенациональный интерес, идеи демократии и социального прогресса.

С другой стороны, личность приобретает признаки влиятельного фактора политического процесса. Равноправие всех перед законом понимается как средство борьбы за свободу. Существует единственная мера на фоне соревнования множества организаций, что расширяет диапазон выбора для каждого индивида. Выбор осуществляется на основе равенства свободы, когда люди свободны в том отношении, что могут формировать, просматривать и реализовать свои идеи. С этой точки зрения оправданным представляется применение демократической политической культуры как признака становления нового поколения. Объективно, это способствует тому, что демократия как институт приобретает все более формальный характер: современные реалии заставляют делать политический выбор на основе мнения тех, кто обслуживает политическую элиту – политологов, экспертов, обозревателей. Развитие технологических средств коммуникаций и тесно связанная с ним глобализация делают актуальным вопрос как о глобальном гражданском обществе, общей демократической культуре, так и о стремлении сохранить этнокультурное разнообразие. Отметим, что целью преобразований выступает преимущественно западный стиль жизни, а не демократия. То, что идеальное измерение демократии становится все более зависимым именно от американской традиции, в значительной степени является результатом более совершенной организации, способности быстро мобилизовать огромные экономические и технологические ресурсы и, главное, значительной культурной популярности американского образа жизни.

Другими словами, качественность демократических преобразований зависит от того, насколько демократия соответствует требованиям общественного идеала, от силы стремления достичь его и от тех средств достижения, которыми оперирует это общество. Сущность демократической политической культуры определяется институциональным обеспечением процесса диалога между личностью, обществом и властью, что проявляется в способности анализировать требования граждан в выявлении степени общего доверия к политическому руководству, и меры легитимности.

Следовательно, демократическая политическая культура выступает как методологическое средство, которое может измерять реальную степень привлечения населения к принятию важных решений.

Наталья ПРОБЕЙГОЛОВ

Исследование динамики политического мифа, его способности к изменениям дает возможность автору прийти к интересным выводам. По мнению автора, процесс разрушения существующих и становления новых политических мифов не последовательный, а параллельный и может потребовать длительного времени, или произойти мгновенно. Кроме того, действенность политического мифа ограничена в пространстве и времени. Искусственный, целенаправленно сконструированный политический миф, искусно встроены в современность, не только может проявить исключительную жизнеспособность и просуществовать длительное время, но и стать ядром кристаллизации мифотворческой активности масс, что впоследствии зафиксирует история. Благодаря политическому мифу формируется информационный поток в обществе, происходит рационализация политического процесса, изменение пара-

дигмы политического сознания, формируется цель общественного развития, а также происходит поиск эффективных способов её реализации.

На сегодня, политические мифы выступают эффективным механизмом конструирования политического пространства, с помощью которых осуществляется формирование оптимальных для власти моделей поведения, общественно-политического климата, укрепление адекватных обстановке стереотипов сознания, настроения, ценности (справедливость, этатизм, патерналистские настроения). Кроме того, мифы выступают дополнительным средством легитимизации власти, создавая иллюзию причастности граждан к политическому процессу, образ открытой к диалогу власти путем апелляции к общественному мнению. Мифотворчество становится одним из существенных признаков, которые приводят к изменениям в политическом пространстве общества.

Литература:

1. Безаров О. Т. Політичний міф як інструмент сучасних виборчих технологій. - http://www.rusnauka.com/ESPR_2006/Politologia/1_bezarov.doc.htm.
2. Гриценко, В. П. Социальная семиотика. - П. Гриценко. - Екатеринбург, 2006. - 244 с.
3. Загвозкина Юлия Матвеевна. Политический миф как проблема социальной философии: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11, - Иваново, 2005. - 209 с.
4. Мелешкина Е. Ю. Политическое поведение. Полит. процесс: основные аспекты и способы анализа: Сб. учеб. материалов. - Москва: Изд. Дом "ИНФРА - М"; Изд. - во "Весь Мир", 2001, с. 152-171, 157-158.
5. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа. Современная российская мифология. Сост. М. В. Ахметова. Серия «Традиция – текст - фольклор: Типология и семиотика». - Москва: РГГУ, 2005. - 285 с.
6. Остапенко М. Політична культура сучасної студентської молоді (на прикладі вузів м.Києва): Автореф. дис. кандидата політ. наук: 23.00.03. Інститут держави і права ім. В. М. Корещького. - Київ, 2000. - 19 с.
7. Плаггенборг Шт. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Пер. с нем. Ирины Карташевой. – Санкт-Петербург: Журнал "Нева", 2000. - 416 с.
8. Пояркова Т. К. Демократія як технологія наближення до ідеального суспільного устрою. Політологічний вісник. Зб-к наук. праць: №15. - Київ: Знання України, 2003, с. 14-154.
9. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. - Москва: РОСПЭН, 2008. - 679 с.
10. Шайгородський Ю. Ціннісна складова сучасної політичної міфології. Політичний менеджмент. Спецвипуск. - Київ, 2008, с. 126-135.
11. Щедрова Г. П. Громадянське суспільство та політична культура: теоретичний і прикладний аспекти. Монографія. Галина Петрівна Щедрова. - Луганськ: Видво "Елтон-2", 2009. - 308 с.
12. Ясинська В. С. Особливості трансформації політичної культури в умовах становлення демократичного політичного режиму. Рукопис. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата політичних наук за спеціальністю 23.00.03 – політична культура та ідеологія. Київський національний університет імені Тараса Шевченка. - Київ, 2004. - 186 с.
13. Paul R., Binker A. Critical Thinking Handbook. Somota State University, 1987. - <http://ifes.ieee.org/russian/depository/v 9>.

Summary

The political myth is seen in the political life of modern societies, as an element of social control and the corresponding political technologies in the process of forming a democratic political culture.

Keywords: Political myth, political life, political technologies, democratic political culture.

Анатолий ВАСИЛЬЕВ,

академик, доктор юридический наук, профессор, заведующий кафедры "Административного и хозяйственного права" Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

Тули ХАЙДЕР,

аспирант кафедры "Административного и хозяйственного права" Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В УКРАИНЕ И ИРАКЕ

Проблема борьбы с коррупцией неизменно остается актуальной, поскольку человеческие слабости мало зависят от эпохи или места жительства людей.

Сейчас и в Украине, и в Ираке, и в мире все более распространенным механизмом принудительной ротации элит выступают обвинения в коррупции. Исторически существовали различные механизмы идеологического прикрытия смены элит. Поскольку уже сложилась такая система, что все повязаны коррупцией: нельзя быть в команде и не быть коррупционером, - обвинить можно любого. Обвинения в коррупции – это сегодняшний механизм элитарных чисток и ротаций. Таково возможное объяснение серий коррупционных скандалов в последнее время.

Коррупционные скандалы можно воспринимать и как случай, и как определенную кампанию или как процесс оздоровления. Если это случай, то повод для такого случая можно найти где угодно, когда угодно, стоит лишь внимательно посмотреть. Можно ли считать коррупцией абсолютно глупое управленческое решение, которое ведет к разбазариванию народных средств?

Если же речь идет о процессе оздоровления, то тут нужно понимать, кто врач, какое лекарство необходимо, и чем будет заниматься больной после выздоровления, если не будет сидеть в тюрьме. Это процесс, над которым нужно постоянно работать.

Коррупция как система является одной из форм первоначального накопления капитала. Возьмем пример Англии: есть сильный актер, есть слабый, сильный побеждает слабого, и путем таких частных отношений веками шло накопление капитала. Другой пример: если есть общественная собственность, и идет переход к частной собственности, тогда накопление происходит путем распиливания [1]. Осуществляется этот переход во многих странах мира.

Исторически так сложилось, что развитие мирового рынка требовало интенсивных темпов накоп-

ления капитала, и для осуществления этой задачи широко использовался аппарат государственной власти. Так ускорению процесса первоначального накопления капитала послужили колониальные войны, хищническое ограбление населения, преступность, рэкет, рейдерство, рост государственных долгов и налоговых сборов [2]. Для покрытия бюджетных дефицитов государство должно было размещать займы на крупные суммы среди владельцев денежного капитала. Это позволило олигархической верхушке, выступающей в роли кредитора государства, регулярно присваивать значительные проценты, выплачиваемые по правительственным обязательствам.

Так, формируя свой первоначальный капитал, будущие уважаемые капиталисты, олигархи были очевидными преступниками.

В мире существует еще один особый феномен под названием мафия, который имеет один общий корень с коррупцией. В мафии всегда есть определенный кодекс, главный принцип которого – полное подчинение вышестоящему и действие по принципу «своих не сдаем». Если этот кодекс нарушается, нарушитель жестоко карается. Нарушение по принципу «проворовался» для мафии неактуально: мафия на воровстве и существует. Для продвижения в этих структурах работает система родственных связей.

Этот феномен сегодня присущ большинству стран коррумпированных государственных систем органов власти с учетом их национального колорита.

По заявлению президента GRECO (Группа государств против коррупции Совета Европы) Мартина Мрчела, как предаст Итерфакс-Украина, системный уровень коррупции в Украине требует проведения более широких антикоррупционных реформ, содержанием которых должна быть консолидация демократических принципов, верховенство права и институционные реформы, что в свою очередь

Анатолий ВАСИЛЬЕВ, Тули ХАЙДЕР

требует комплексного подхода и прочных политических обязательств [3].

Напомним, что не так давно, в 2011-2012 году, GRECO высказывалось о своей обеспокоенности о том, что «среди украинцев распространено восприятие, что политические партии учреждаются и используются для личной выгоды, и что политики не служат им должным образом, а также то, что обещания в отношении демократии не выполняются».

GRECO несколько раз выражала свою обеспокоенность в отношении того, что гражданское общество нуждается в более широком вовлечении в процесс реформ.

Аналогичная ситуация по данной проблематике складывается и в арабских странах.

Сегодня арабский социум сильно изменился за последние десятилетия: наряду с поколениями, воспитанными в традициях преклонения перед харизматическими лидерами, появились новые, образованные и информированные поколения, которые больше не ощущают себя подданными и хотят сами решать проблемы своих стран, а не возлагать надежды на мудрость «отца нации». Именно эта молодежь (образованная, но разночинная, являющаяся зачастую представителем депрессивных регионов или отесненных от властных структур групп населения) формирует сейчас запрос на модернизацию экономики и допуск широких слоев населения к участию в политическом процессе.

О глубинных причинах «арабской весны» было известно задолго до начала первых митингов. В перечне проблем региона давно значатся коррупция, бедность, безработица, отсутствие социальных лифтов, авторитаризм, клановость, nepotизм, давление властей на бизнес, непопулярная проамериканская внешняя политика, растущее влияние исламистов. К этому можно добавить специфичные внутренние межрегиональные конфликты и трения в отношениях шиитских общин с суннитскими властями в арабских монархиях Персидского залива. Но, даже зная о внутреннем напряжении в арабских странах, точно определить время начала волнений было невозможно.

Несмотря на то, что арабские страны отличаются разным уровнем социально-экономического развития, лозунги демонстрантов сводились в большей степени к политическим требованиям, при этом одним из главных лозунгов всех движений стала борьба с коррупцией.

С политической арены арабского мира уходят светские режимы. Это чревато дальнейшим усилением не только конфессиональных, но и этнических противоречий. Определенную, хотя и не определяющую, роль в этих событиях играет и внешний фактор: само изменение ситуации в арабских странах открывает для многих региональных и внерегиональных игроков новые возможности по манипулированию, продвижению своих интересов и усилению коррумпированности государственных органов власти [4].

Задачей международной дипломатии сегодня

является восстановление экономического сотрудничества с арабскими странами. В тоже время, новые лидеры арабских стран заявляют о готовности сохранить все международные контракты, если не будет установлено, что они заключались компаниями с прежними властями с использованием коррупционных схем.

С ликвидацией светского режима Саддама Хусейна в Ираке власть перешла к шиитам. И если в период правления старого режима в Ираке коррупция была распространена преимущественно в военных и правоохранительной сферах, то сегодня в большей степени – в экономической.

Генеральный секретарь Иракской исламской партии «Ияд» Аль Самураи сообщил, что вопрос о коррупции в Ираке остается актуальным, отметив, что «полетели головы» не представителей коррупции, а, к сожалению, тех, кто хотел ее разоблачить. В официальном заявлении Аль Самураи говорится о коррупционных скандалах и политических маневрах в стране.

«На сегодняшний день существуют сотни файлов, теоретических и практических доказательств того, что иракцы живут в эпоху господства коррупции» [5].

В Ираке сегодня существует два типа финансовой коррупции в государственных органах, первый – «единичный», размер денежных средств которого является не значительным, а второй тип коррупции защищен политическими силами, и здесь уже речь идет о сотнях миллионов долларов, именно этот тип коррупции остановил процесс развития страны и ее экономики. Иракцы очень обеспокоены этим фактом и хотят остановить коррупцию.

По заявлениям главы иракской комиссии по борьбе с коррупцией, коррупция нанесла экономике Ирака огромный ущерб. Так, например, в течение 2010 года, уголовные дела по обвинению в коррупции были возбуждены в отношении 874 высокопоставленных государственных чиновников [5]. Коррупция превратилась в основную проблему Ирака.

Единственным результатом псевдосозидательной деятельности иракских чиновников в энергетической сфере стало лишь незаконное обогащение многих из них за счет совершения сделок с зарубежными иностранными компаниями. Вместо того чтобы разработать необходимую стратегическую политику с целью получения наибольшей выгоды иракским народом, чиновники федерального правительства и правительств производящих районов и провинций делят доходы от ресурсов, являющихся, согласно конституции, собственностью всего иракского народа, лишь между «своими людьми».

Подобный феномен в арабском мире называется «мухасасса» («пропорциональное распределение»). По данным американского Управления по подотчетности правительства, главного контрольно-ревизионного органа Конгресса США, из ежедневно добываемых в Ираке 2 млн баррелей нефти неучтенными остаются от 100 до 300 тыс. баррелей, что в денежном исчислении составляет от 5 до 15 млн долл [6].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В УКРАИНЕ И ИРАКЕ

По подсчетам иракского антикоррупционного государственного «Комитета беспристрастности», с момента начала «экспорта демократии» и до сего дня страна не досчиталась из-за коррупции и финансовых махинаций более 250 млрд долл.

Справедливости ради заметим, что при прежнем режиме положение в этой сфере было гораздо лучше. Саддам Хусейн требовал тотального подчинения высшего чиновничьего аппарата законам государства, не позволял должностным лицам ненадлежащим образом выполнять возложенные на них функции, применял крайне суровые санкции к казнокрадам. По словам одного из бывших функционеров партии «Баас», заработные платы чиновников были настолько низкими, что им не хватало денег даже на «хлеб и воду», а работать приходилось «день и ночь» [1].

Казалось бы, диктаторского режима нет и в помине, но ситуация в Ираке намного лучше не стала: несмотря на нефтепроводы, идущие в Турцию, Сирию и Саудовскую Аравию, страна пока так и не увеличила производство нефти по сравнению со временем начала ирано-иракской войны 1980 г.

Помимо государственных структур, национальных и зарубежных компаний, тотальная коррупция охватила иракские вооруженные силы.

Так, например, по требованию парламента Ирака, в ноябре 2012 года аннулирован ряд соглашений, заключенных с Россией на поставку вооружений на сумму 4\$ млрд. Причина – «коррупционная составляющая» в иракской группе, ответственной за сделку. По крайней мере, таково официальное объяснение со стороны правительства Ирака, которое возглавляет Нури аль-Малики. Депутаты настаивали на создании новой комиссии, члены которой будут подбираться «предельно аккуратно». После этого новой группе экспертов предстоит, как сообщают иракские СМИ, вернуться в Россию и заключить уже иные контракты. Ведь именно сейчас иракское правительство намерено перевооружить и модернизировать армию.

В Ираке сегодня, как и в Украине необходимо объединить и координировать работу государства и гражданского общества, наладив их диалог и взаимодействие. И добиться этого можно лишь посредством принятия эффективной нормативной базы, которая бы успешно залатала прежние юридические «прорехи». И только тогда наше общество станет более честным и, повысив свою правовую культуру, постепенно начнет действовать в соответствии с буквой закона.

Именно поэтому, сегодня актуальным остается вопрос об эффективности борьбы с коррупцией, если это действительно борьба с коррупцией, политическая линия, а не реагирование на частное поведение отдельных лиц.

Многие ученые юристы, высказываясь по этому поводу, акцентируют свое внимание на том, что политика борьбы с коррупцией должна быть осознана всеми ветвями государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной – как общая

актуальная задача, требующая объединения усилий в выработке её основ, определения методов и средств реализации [7].

В литературе встречаются предложения по борьбе с коррупцией по принципу: «нет человека – нет преступления». И соответственно ставиться вопрос о сокращении государственного аппарата, о ликвидации правового регулирования многих отношений и государственного контроля за многими сферами деятельности. Но дело не в этом, а в характеристиках служащих, размерах их содержания, порядке их деятельности, контроле за ними. Например, резкое, необоснованное сокращение лицензирования определённой деятельности может повлечь не менее тяжкие последствия, чем коррупция. Но выход можно найти в том, чтобы детально регламентировать, в какие сроки принимается решение, какие документы должны быть представлены, какими являются образцы этих документов, при каких исчерпывающих перечисленных условиях возможен отказ в лицензировании. Другими словами, исключить «коррупциогенность» нормативно-правовых актов [8].

Так, к примеру, формируя принципы антикоррупционной кадровой политики, Платон идеалистически полагал, что из стражей в правители «надо выбирать таких людей, которые ... целью всей своей жизни поставили самое ревностное служение государственной пользе и ни в коем случае не согласились бы действовать вопреки ей». Он считал опасным появление у стражей и правителей земли, домов, денег, поскольку это обстоятельство повлечёт их перерождение в землевладельцев и собственников. Аристотель борьбу с коррупцией рассматривал как основу обеспечения политической стабильности: «Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального порядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [9].

В пособии «Системы общегосударственной этики поведения», подготовленном общественной организацией «Transparency International» («Международная гласность»), «коррупция» определяется как «такой образ действия государственных служащих (будь то политики или чиновники), когда они вопреки нормам закона и морали обогащаются сами и способствуют обогащению своих приближённых путём злоупотребления властью, которой они наделены» [10].

Коррупция – это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют своё служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах [11].

Коррупция начинается тогда, – настаивают авторы широко опубликованного доклада «Коррупция в России» Г.А. Сатаров, М.И. Левин, М.Л. Цирик, когда цели, установленные правом, общественно одобряемые культурными и моральными нормами,

Анатолий ВАСИЛЬЕВ, Тули ХАЙДЕР

подменяются при решении корыстными интересами должностного лица, воплощёнными в конкретных действиях. Поэтому коррупция характеризуется ими как «злоупотребление служебным положением в корыстных целях» [12].

Яркую характеристику коррупции даёт А. И. Кирпичников: «Коррупция-это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъединяет нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный термометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а в интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его выносливости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости [13].

Коррупция – это преступная деятельность в сфере политики или государственного управления, заключающаяся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения [14].

Коррупция оказывает разрушительное воздействие на все правовые институты, в результате чего установленные нормы права заменяются правилами, продиктованными индивидуальными интересами тех, кто способен оказывать влияние на представителей госаппарата и готов за это заплатить. Серьёзная угроза заключается также во вторжении коррупции в систему юстиции в целом и отравлении правосудия, поскольку это с неизбежностью приведёт к деформированию общей практики правоприменения, сделает её менее цивилизованной и эффективной.

Общеизвестно, что коррупционные действия властной элиты, как правило, совершаются в очень сложных и конфиденциальных видах государственной деятельности, куда профессионалов борьбы с её проявлениями практически не допускают, а не профессионалу разобраться трудно. Этот вид коррупции обладает высочайшей приспособляемостью, она непрерывно видоизменяется, совершенствуется, выстраивается в целостную систему с высокой степенью самозащиты, включающей лоббирование законодательных актов, увод от ответственности виновных, и, напротив, преследование в различных формах лиц, вскрывающих коррупционную деятельность. Элитарная коррупция, обладая скрытым и согласительным характером, в условиях доминирования алчности и продажности властей взаимовыгодна как для берущих, так и для дающих. Если мелкая коррупция повседневно посягает на материальное благосостояние населения, то элитарная коррупция поглощает огромные куски государственной и частной экономики.

Коррупцированная бюрократия умна, образована, богата и властна. Скрытность своих действий - её основная забота. Вследствие этого дать хотя бы приблизительную оценку фактическому распространению элитарной коррупции не представляется возможным.

Коррупция является следствием как общих процессов детерминации и причинности преступности, так и специфических. Последние преимущественно связаны государственной и иной службой, а также с развитием организованной, экономической преступности, отсутствием действенных преград на пути перерастания экономического интереса соответствующих преступников в политической и использование криминальных доходов на подкуп.

Следует отметить, что коррупции может быть подвержено любое должностное лицо, обладающее дискреционной властью, то есть властью над распределением не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению. Главным фактором, толкающим чиновника на преступление, конечно же является возможность получения финансовой выгоды, а попросту взятки.

Известно, что одной из наименее коррумпированных стран, по версии международной организации Transparency International, является Дания. Но даже в такой благополучной стране как Дания не все так гладко. Так, например в 2009 году 14 датских компаний обвинялись в даче взяток за получение крупных заказов в Ираке, в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие», которая действовала с 1996 по 2003 год. Кроме того, одна из этих компаний «НовоНордиск» - крупнейший производитель инсулина, уже признала факт взятки в размере 1,5 миллиона долларов. И чтобы избежать уголовного преследования, выплатила по 9 миллионов долларов штрафа двум американским организациям, которые вели расследование - это министерству юстиции и комиссии по ценным бумагам. Но столь яркие факты коррупции являются нонсенсом для данного государства, этому способствует успешно действующие антикоррупционные законы и инициативы. Так, к примеру, все больше датские компании стали придерживаться политики «абсолютной нетерпимости», которая характеризуется неприемлемостью взяточничества в пределах собственной компании или в процессе сотрудничества с партнерами. Все эти компании включают в свои контракты «антикоррупционные положения». Они подписывают декларацию о неприменении взяточничества. Несоблюдение данного положения приводит к расторжению контракта и отказу вести дела с такими партнерами в будущем [15].

Также в Дании существуют своеобразные этические кодексы или кодексы чести чиновников, специальные контрольно-надзирающие органы, высокая гражданская инициатива, обеспечение гласности и открытости на уровне правительства. Напомним, что по последнему опубликованному рейтингу коррумпированности, Дания занимает первое место как наименее коррумпированная страна мира. Как считают специалисты, такой успех стал возможен благодаря развитым системам обеспечения доступа к информации, а также строгим правилам деятельности госчиновников в этой стране [16].

Все эти меры и инициативы Дании и других

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В УКРАИНЕ И ИРАКЕ

успешных в сфере борьбы со взяточничеством европейских стран смогли бы помочь исправить ситуацию с коррупцией и в Украине, и в Ираке.

Современная практика борьбы с коррупцией свидетельствует о фактическом ослаблении этой борьбы вопреки официально закрепленным намерениям государства ее усилить.

Государство в данном направлении действует не всегда последовательно: объявляя войну коррупции и организованной преступности через директивные указания как главы государства, так и правительства, одновременно не может обеспечить справедливое наказание конкретных участников коррупционных скандалов, порождая атмосферу безнаказанности и вседозволенности; создает специализированные структуры по борьбе с коррупцией, а затем делает их бездейственными или вообще упраздняет их.

Редкое выступление политических или государственных деятелей в последние годы обходится без упоминания коррупции, призывов к усилению борьбы с ней. Обвинения в коррупции оппонентов стали распространённым средством политической борьбы, способом приобретения соответствующего имиджа неподкупного чиновника и непримиримого борца с коррупцией. Однако внимательное изучение криминальной ситуации, законодательства и других принимаемых мер позволяет утверждать об отсутствии должной политической воли, продуманности и последовательности в решении вопросов борьбы с коррупцией. Это, в частности, проявляется в недостаточном и весьма несовершенном законодательном регулировании деятельности управленческого аппарата, чрезмерно робком применении законодательства, а то и в абсолютном его неприменении по отношению к выявленным коррупционерам.

За распространённостью коррупционной преступности стоят крупные просчёты в управлении делами государства и общества, слабые экономическая и организационная основы функционирования государственных и иных служб, распространение психологии вседозволенности и допустимости использования любых средств обеспечения личного благополучия, правовой нигилизм и правовой цинизм. Последние наиболее значимы, когда речь идёт о взяточничестве. Среди взяточников, как уже отмечалось, много организованных преступников и вообще правонарушителей, обеспечивающих с помощью подкупа противоправный интерес. Что касается других категорий граждан, то нередко они подкупают служащих в условиях, когда отчаялись отстаивать свой законный интерес в рамках закона, или не умеют это делать, или даже не пытаются, оценивая ситуацию, как период произвола и беззакония.

Исключительно криминогенное распространение коррупционной психологии и основанного на ней поведения в высших эшелонах государственной власти приводит не только к экономическому отставанию, падению социального уровня жизни страны и

ухудшению её имиджа, но и влечет определенные угрозы национальной безопасности страны.

Ситуацию в пирамиде государственной власти очень сильно определяет её верхушка [17].

Эскалация коррупции и усугубление её качественных характеристик закономерны для тех состояний общества, когда одновременно, в единой системе, отмечается следующее:

1) мерой всего оказываются исключительно деньги, материальные ценности, определяющие различные стороны жизни (брак, доступ к образованию, карьера, социальный статус и т. д.), девальвируются духовные ценности, ценность человека определяется размерами его личного состояния независимо от способов получения последнего;

2) признаются допустимыми любые средства во имя обогащения, практически происходит слом действий многих цивилизованных социальных регуляторов поведения людей: норм морали, права, религии, общественного мнения и т.д.;

3) в рамках закона не обеспечивается даже минимальный стандарт жизни (безработица, бездомность, обездоленность беженцев и вынужденных переселенцев), закон, по разным причинам, не соответствует криминологически значимым реалиям (криминальной и криминогенной ситуациям).

Анализируя вышеизложенное, необходимо сконцентрировать государственную политику страны на поэтапный выход из сложившейся ситуации.

Так, необходимо выделить основные этапы государственной политики в борьбе с коррупцией в государственных органах власти, а именно:

1. Проявление сильной политической воли.
2. Установление доверия избирателей с первых шагов.
3. Начало фронтального наступления во всех ветвях власти.
4. Привлечение новых кадров.
5. Ограничение роли государства, минимизируя взаимодействие между гражданами и государственными чиновниками.
6. Использование нетрадиционных методов ответственности коррумпированных чиновников.
7. Адаптация международного опыта к местным условиям.
8. Применение новых технологий для ограничения непосредственного контакта граждан с государственными органами.
9. Стратегическое использование средств коммуникации.

Борьба с коррупцией должна быть освобождена от бюрократических пут. Следует ввести принцип: если чиновнику предъявляется обвинение в коррупции и доказывается факт коррупции, он несёт ответственность по предъявленному обвинению с обязательным увольнением с должности и невозможностью его работы на аналогичных должностях в органах государственной власти в дальнейшем. Эта мера наказания

Анатолий ВАСИЛЬЕВ, Тули ХАЙДЕР

должна быть обязательной по всем видам коррупции, в том числе – административным и дисциплинарным нарушениям.

Важнейший принцип борьбы с коррупцией – гласность и прозрачность деятельности органов судебной и исполнительной власти, осуществляющих

борьбу с коррупцией; привлечение к этой деятельности средств массовой информации, общественности, как граждан, так и общественных формирований; создание обстановки нетерпимости, осуждения и аморальности любого факта проявления коррупции всех уровней [18].

Литература:

1. Асамудинов Б. Правовая политика власти: новые формы противодействия организованной преступности. - <http://www.easttime.ru/analytic/1/4/1025.html>.
2. Первоначальное накопление капитала-исходное начало становления предпринимательства. Экономическая теория: Учебник для вузов. Под ред. Добрынина А. И., Тарасевич Л. С. - Санкт-Петербург: Питер, 2004.
3. Transparency International: влада України не фінансує державну антикорупційну програму. - <http://tyzhden.ua/News/66134>.
4. Сапронова М. Генезис арабских революций. Международные процессы. – Москва, 2011, № 3. с. 16.
5. Самураи Аль: Ирак живет в эпоху господства коррупции. - <http://pukmedia.co/russi/index.php>.
6. Касаев Э. О. Коррупционная болезнь современного Ирака. - <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/03-11-09.htm>.
7. Алексеева М. А. Стратегия контроля за коррупцией. Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. – Москва, с. 22.
8. Сафронов А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел: Монография. - Москва, 2003. с. 204.
9. Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. - Москва, 1983. Т. 4. с. 547.
10. Системы общегосударственной этики поведения. Пособие Транспаренси Интернэшнл. Под ред. Джереми Поупа. - Москва, 1999. с. 20.
11. Гальперин И. М. Организованная преступность, коррупция и уголовный закон. Социалистическая законность, 1989, № 4. с. 37; Волженкин Б. В. Коррупция и уголовный закон. Правоведение, 1991, № 6. с. 64; Основы борьбы с организованной преступностью. Под ред. В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. - Москва, 1996. с. 16.
12. Щетинин В. Д. Одолеем ли мы коррупцию? Международная жизнь, 1993, № 2. с. 77; Российская газета от 14 января 1995 года.
13. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. - Санкт-Петербург, 1997, с. 17.
14. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. - Москва, 2011, с. 97.
15. Системы общегосударственной этики поведения. Пособие Транспаренси Интернэшнл. Под ред. Джереми Поупа. - Москва, 1999. с. 11-12.
16. В Ярославле продолжается борьба с коррупцией. - http://www.nikakixno.ru/our_standpoint/v_yaroslavle_prodolzhaetsya_borba_s_korrupsiyey.
17. Криминология. Учебник для вузов. Под общей ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. – Москва: Норма, 2005, с. 726.
18. Мелешко Н. П., Тарло Е. Г. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран. - Москва, 2003, с. 224.

Summary:

This article is about the problem of corruption, which is always relevant because human weakness depend little on the age or residence of people. Now and in the Ukraine and in Iraq, and in a world of increasingly common mechanism for compulsory rotation of elites are the allegations of corruption.

In the world, there is one special phenomenon called Mafia, which has one common root of corruption. In the Mafia always has a certain code, the main principle of which - the complete subordination of the superior and action on a "do not hand over his".

The most important principle of the fight against corruption - the publicity and transparency of the judicial and executive authorities responsible for the fight against corruption, involvement of the media, the public, both citizens and community groups, the creation of a climate of intolerance, stigma and immorality of any fact of corruption all levels.

Keywords: Corruption, government agencies, allegations, common mechanism, authorities.

Victor JUC,

Ph. D., professor, vice director of the Institute of Legal and Political Research of Academy of Sciences of Moldova

STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM AFTER THE END OF THE COLD WAR: THE ORETICAL- METHODOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL HIGHLIGHTS OF INVESTIGATIONS

The theory is an intellectual tool that contributes to organization of the knowledge in accordance with the priorities outlined in the research activity, by applying the regulated form of scientific investigation methods. In philosophical aspect the theory compose a symbolic construction, a set of act, hypothesizes and definitions , theorems and axioms directed toward examining the phenomena addressed systemic, the process of investigation represented a connection between variables that follow the explications and understanding the object of research .

C. Hempel compared the theory with a complex network deployed in space, in witch the terms are represented in form of nodes, and contact wires part refers both to the fundamental assumptions and arbitrary ones it contains: "the entire system is extended to the observation plan and attaches itself by interpreting the rules, they were not something else than the hairs that are not included in the network, but with certain parts of her special incrustation in the form of observation and ensure the functioning of the network as a scientific theory" A. Kaplan support in the same vein as the possibility of a successful theories soon preparing is not absolutely necessary condition for its success , while incorrect application can balance the negative repercussions not only keep this theory. Providing intellectual context in which is the subject of research and representing idealized connection within a deductive set of laws, in which some are prerequisites for others, extracting the theory it is necessary to regulate the enormous volume of information in the field, in its absence would be difficult to determine what needs to be explained. There are some cases, highlights of Kaplan when a theory can be developed as if by itself, without any contact with the reality . The theory, according to Ph. Braillard shows the essence of an expression that is intended to be coherent and systemic, it expresses what we know or what we think we know about reality. But no theory proves to be able to explain the

reality in all its complexity, any present theory itself a schematization of a phenomenon, an abstract expression of the aspects which we consider important and therefore, involve an activity selection and ordering data and phenomena. D. Either on the contrary, it is of the opinion that the main prerogative of the scientific theory is to explain a phenomenon, aiming to establish the causal link between the lines the elements it contains, and another function to predict the evolution of reality that makes her research object. K. Popper's theory of scientific considered can be represented as a system of statements and logical assumptions, to be always to be able to fully explain the success of the previous one. I. Lacatos as opinion expresses a correct choice of well vetted in order to theory the implementation of them is based on the principle of "the past determine the future", in the opinion of S. Toulmin, beliefs, theories and processes should be subject to evaluation by the explanation in terms of adapting to their environment, addressed as many issues, development of intellectual science carrying that solving these problems. D. Sanders adhere to case studies of I. Lacatos supporting like all theories by their essence are proving to be a "core" largely nonnegotiable and no falsifiable but also a set of verifiable statements derived more or less for this kernel. At their turn, the latter by divided into statements that can be evaluated empirically by examining detailed compilation of national policy decision-making (the level of adoption of decisions) and statements that requires empirical testing in the context of transnational interests model or framework (structural level) [1; p. 381]. in the opinion of k. Holsti, the objectives of theoretical activity aimed at improving understanding "political international world", theories must keep their roots in reality, given that intellectual progress is expressed especially through to keep pace with the assumption that the facts, comes into conflict with the methodological requirements of K. Waltz about the need to avoid the reductionism in the name to increase the scientific degree.

Victor JUC

Therefore, the theory appears in the upper stages of development of a science, including a coherent and logically expressed mechanism of development and confirmation of knowledge. Methodologically speaking, the essential role in developing a theory is assigned to the idealized object, consisting of the theoretical model (pattern) of organic connections which reflect, on the one hand, the approached realities, and on the other hand, the investigation program which is implemented and used in the foundation process thereof, given that any theoretical construction requires demonstration in express mode.

Making reference to the science of international relations, St. Hoffmann distinguishes between "theory as a set of responses", including explanatory hypotheses which are meant to define the rules of game in international politics, and "theory as a set of questions" which means efforts to substantiate a correct direction for the investigation of world issues, the attention being focused on "the most important variables meant to provide researches with an instrument appropriate to the conducted investigations" [2; p. 29]. A while later, making a brief review of the problems and issues which were in the path of strengthening the science of international relations, especially "because of American dominance", St. Hoffmann accredits the idea that a "science" without theory can exist, as a science with paradigm, which long time was no other than a realistic one. It shall be noted that T. Kuhn also points out the differences between paradigm and theory: the paradigm contains philosophical and sociological, pragmatic and historical elements that cannot be reduced to the purely theoretical ones (M. Masterman identified twenty-one differences in the use of this term), while the theory, beside law and notions (concepts), is considered to be the logical element of paradigm. I. Lacatos expresses himself in the same context of ideas, considering that a theory keeps and preserves its actuality until a more perfect theory appears, while P. Feyerabend expresses a diametrically opposite assumption, he points out, not without reason, that a theory never fully agrees or comply with all data, it is surrounded by non-coincidences. Rejecting the popperian dichotomy theory or practice on the grounds that "the practice from the beginning is full of theory", R. Walker, from the epistemological perspective, states that the theories present themselves the intellectual framework that makes the world intelligible: "the theory is useful depending on the explanatory power and force which can be assessed according to some criteria such as the internal logic consistency in the use of concepts, empirical verification of statements, empirical records of results derived from theory and degree of balance" [3; p. 343]. In the acceptance of H. Morgenthau, who pronounces himself in a larger framework, the mission of theory is to bring order and sense in an enormous mass of phenomena which, otherwise, "would remain disconnected and unintelligible": "the theory consists in establishing facts and understanding thereof through reason", the reality being possible to explain only if there exists "a rational

draft, a map suggesting the possible meanings of foreign policy" [4; p. 44].

The political realism is the theory that has proven to be able to provide the necessary arguments which allowed to demonstrate the qualitative difference of international issues and to make inapplicable the scientific construction which derive from the study of national communities. In this sense, the political realism, which development from Thucydides up to this day, according to A. Tellis, "can be understood as being a long path towards scientific theory", has set very ambitious goals for its researches, aiming to propose a coherent scientific analysis program of the international politics. The term "to the interest defined as power" provides the connection between reason, which tends to conceive the international policy and the facts to be known, thus contributing to understand the foreign policy as an independent sphere of human and non-reducible activity to other areas of activity. The politics and society are governed by objective laws which roots are found in the eternal and immutable human nature, the sole actors of international relations being the states (countries), which tend to fulfill their interests expressed in terms of power, and these, in turn, determine and establish the hierarchy of the horizontally approached international system.

The fundamental postulate of political realism consists of qualitative difference between the domestic (internal) politics and international politics, the last one being identified with the foreign policy. Although they have joint basis – the state (country), domestic policy and international policy are mutually autonomous and, therefore, is legally an independent science of International Relations. H. Morgenthau is one of the first researchers in the field who have denominated the International Relations as "science", considering as indispensable "a theory that tries to understand the international politics as it is, as it should be according to its nature and not as people would like to see it" [5; p. 55]. Without directly postulating the indispensability of an independent scientific discipline (subject), R. Aron deepened the idea of difference between the domestic policy and international politics, claiming that the difference will exist as long as a world state with global governing will not be created.

It is indisputable that the political realism, called by S. Guzzini "a historical tradition", "main scientific support of a new social science, appeared in the academic and political context of a new superpower" [6; p. 78], has had a great influence both on the academic environment, and not only the American one, and governing circles, especially from the United States, marking for more decades the development of science of international relations in general. The foundation (substantiation) of investigations on the objective laws of society evolution, rigorous analysis of international politics, refusal of abstract ideals and sterile illusions, such and other factors have contributed to the increase of number of researchers and favored the deepening and then the diversification of

STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM AFTER THE END OF THE COLD WAR: THE ORETICAL- METHODOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL HIGHLIGHTS OF INVESTIGATIONS

scientific developments in the field. The expanding demands from the U.S. officials for intellectual foundation and justification of acts of foreign policy, refusing the past reassuring naiveties and proposing lasting strategies in the conditions of the Cold War, have financially and institutionally provided the investigations in the field, taking into account the combination of priorities of scientific researches with the strategic political directions. The realism has functioned as paradigm to the extent to which it set the limits of research, offering, as to the opinion of J. Vasquez, a fundamental analysis instrumentation, indicating to the scientists what is known about world, what is not known about it, how we should view the world if we want to know what is not known yet and what deserves to be known [7; p. 31]. Setting the limits of an academic discipline, the political realism has defined the community of researchers, and this, in turn, has substantiated and based the study field. Combining the traditional diplomatic culture of Europe with the foreign policy strategy of the United States of America and the American social sciences, according to St. Hoffmann, the realism has proposed the paradigm of universal immutable tendencies of the states aimed at achieving national interests defined in terms of power.

At the same time, we consider that J. Vasquez groundlessly claims the quality of paradigm of the political idealism on the grounds that "it had an important role in institutionalizing the field and emphasizing the attention on issues of war and peace", other researchers such as Ch. Kegley-jr. and E. Wittkopf pronounced themselves in the same vein of ideas, invoking "the domination of political rhetoric and idealist academic discourse during the interwar period" [8; p. 31]. In our acceptance, the political idealism has not ultimately constituted an academic community, but it has brought together a large variety of specialists from special areas, especially lawyers and media experts in economics, and the debate undertaken by E. Carr, as S. Guzzini attempts, not without ground, to demonstrate, has been indirectly done because of the scientific bankruptcy of opponents, E. Carr needing a critical reference system to substantiate his developments.

It shall be also noted that, within the American environment of investigation, the theory is approached in a broad sense, in the context of philosophical concerns of science, mostly with positivist character, and in case of International Relations, it is subscribed in the philosophical researches of politics. The theory is often approached in regulator – utilitarian sense, but also in a legal (normative) one, but in the latter case we shall specify, not from structural – systematic perspective, as the political idealism, but from the perspective of agents, being meant to help and contribute in facilitating the formulation of problems and defining the priorities in the scientific research activity, use of methods of investigation and determination of the praxeological limits for assessing the knowledge about a particular domain [9; p. 180-181]. R. Walker emphasizes and underlines that the theories of

international relations present interest especially because as "expressions of contemporary political imagination limits", while according to the concept of J. Dougherty and R. Pfaltzgraff, the term "theory" applied within the International Relations may receive various forms of expression and shall be used in several ways: it is equaled with philosophy, ideology and hypotheses; it can have an inductive or deductive character; it is systematic, being a classification or asymmetric scheme, ensuring and providing the positioning and verification of data; it can be legal (normative), indicating the way of behavior of actors in different situations; it may form a set of political recommendations aimed to follow up and carry out some activities [10; p. 16-17]. Referring to the contents and conditions that would be required to meet the general theory of International Relations, Q. Wright accredits the idea that it shall submit by essence thereof all the encompassing, coherent and self-regulating knowledge which contributes to conceiving, forecasting, evaluating, assessing and controlling the relations among states and conditions in the world. In fact, the American researcher announces an ambitious theory that would include all the aspects of domain, meeting several important requirements: to be precisely and laconically exposed in general words; not to contain many exceptions; to approve the ideas promoted precisely, shortly and with a dose of elegance. Indeed, "the researchers in the field always tend to print to the scientific truth a certain aesthetic beauty mark which, in turn, shall be in connection with the intellectual simplicity and, hence, it is necessary to impose a logical conformity and correspondence between the components parts of theory. In turn, the theory shall be formulated so as to give valid opportunities for improvement, not to mention polishing and checking" [11; p. 18-19]. In this context of ideas, the theory is called to contribute to a more objective design of International Relations, given the immanent presence of a higher or lower dose of subjectivism generated and channeled either on different primordial factors, or lower relevance. The theory shall also give the opportunity to forecast some events and help in the creation of some valuable judgments. It is equally true that such an intellectual construction which would correspond to some very high demands proves to be extremely complex and difficult to be accessed, as Q. Wright himself acknowledged.

Also, we shall point out that unlike Q. Wright, who does not draw a strict line of demarcation between the empirical and legal (normative) approach, J. Rosenau separates them more distinctly, although he considers them also important, but he is afraid that these may be distorted when they are confused "what it is" and "what it should be". According to J. Rosenau, the theorist shall acknowledge and begin from the fact that there is no order in human relationships, a fact which gives a possibility to rationally explain the causes of events, even in cases of illogical behavior: the order imposes thereof to detect not so the unique, as the general and to sacrifice the detailed description against "some larger and more abstract

Victor JUC

patterns": "the theorist shall be prepared to limit itself to assumptions and not strive and tend to absurd facts or notions. It is essential to free the thinking for unusual theories and to exclude the absurd ones. Finally, he shall be prepared to be labeled as not having reason" [12; p. 19-20].

Therefore, Q. Wright expressly pronounces himself in the favor of deductive method in the theoretical approach of International Relations, while J. Rosenau gives priority to the inductive method. In this context, we shall only note that in the history of science Plato was one of the first researchers to use the deductive method, developing the concept of an ideal state, while Aristotle turns out to be among the first specialists in the field to use the inductive method, researching the settlements of about 150 city-states to write the work "Politics". It is certain that during the scientific study of International Relations a statistical balance between these two methods can rarely be achieved, but the induction and deduction shall not be treated either as being in opposition or being exclusively set up. Depending on situation, each researcher gives priority either to one or another method, or uses them both, combining: because of the complexity of the international issues subjected to analysis, the combination thereof is preferable and beneficial, plus other methods and principles of scientific investigation. In this order of ideas, the frequent argument that the bipolar international system, during the atomic era, proves to be more stable than the multi-polar one and cannot be empirically verified, is eradicated by deduction, using postulates which refer to the uncertainties in the system and number of factors to be taken into consideration by state actors. Meanwhile the theoretical confirmation of suppositions that the governments do not find and consider difficult to promote the regional economic cooperation policy during the periods of prosperity and tend to reduce the national particularism during the crisis shall be ensured on deductive way and then shall be verified by resorting to the experience of the activity of some international structures in the field of regional cooperation, such as the European Union.

K. Waltz considers that the empirical laws and generalizations can be researched by the inductive method, creating invariable or possible associations. The function of explanation relies on the theory, but which, in turn, cannot be based exclusively by deductive method because it has, as starting points of logical operations, the initial premises and thus it is unable to offer fundamental explanations: the theory shows itself the result of an innovation intellectual process, being applied various laws and generalizations, which are isolated by some key facts, abstracting thereof by the unnecessary things, including them in a previously unknown direction and thus synthesizing them in an explicatively new, ideal system. "The theory shall be a composed mental picture of a limited realm or domain of activity. A theory shall form a representation of organization of a domain and connections between the parts thereof" [13; p. 35],

descriptive utterances and nonfactual or theoretical assumptions combine therein, the role thereof being to give a sense to the data.

In fact, such a process of intellectual development is extremely difficult because, according to St. Hoffmann, "K. Waltz's attempt of theoretical substantiation (foundation) proves to be conceptually so rigorous that it shall not be able to be applied to the most of phenomena they are trying to explain. A theory that seeks to explain the reality, according to K. Waltz, shall need to move away from reality, but what it helps us with, St. Hoffmann is asking, if it is so removed that what it explains has a weak link to what happens" [14; p. 12]. We shall emphasize and underline that these considerations of St. Hoffmann are based on the assessment of K. Waltz's attempt to identify a theory of International Relations in analogy with a rigorous physical construction, aiming to formulate the laws which explain both the behavior of states, and them themselves, and in context, to provide prediction. In the set order of ideas, we shall state that the unique theory of International Relations grounded on K. Waltz's exigencies and needs is the balance of forces approached not in the sense that "the balance once created will be maintained and preserved, but under the aspect that once disturbed, it will be restored". But this rigorous and strict theoretical construction, as St. Hoffmann considers, fails to provide fully the understanding and comprehension of domain, even if there is an attempt for a strictly scientific development, excluding any reference to foreign policy, considered, contrary to H. Morgenthau, to come from another domain and aiming thus to eliminate any subjectivism (bias) on behalf of explanation accuracy. The other theories, called by K. Waltz "reductionist" because they provide explanations by reference to agents, do not present anything else by essence than some conceptualizations which make use of "confusing, vague and changing definitions of variables". Ultimately, K. Waltz, in a neorealist – structuralist spirit, accredits the idea that the theory is called especially to explain the regularities or laws governing of state behavior within the circumscribed framework of human activity and to provide grounds to rely on a certain result derived from the interstate interaction, mostly among the great powers: the "systemic" theory of international relations are, by essence, the investigations of reports between the structure of system defined as a distribution of power among units, as well as relations among these units. In the said order of ideas, it is necessary to outline that K. Waltz also distinguishes "systematic" theories explaining the international politics by reference to structure, highlighting the causal potential thereof and "reductionist" theories, providing explanations by referring to units. Meanwhile, aiming, in the opinion of M. Nicholson, to understand the behavior of international system, K. Waltz has proposed himself, according to Ch. Brown, to develop a theory of the international system, but not a theory to cover all aspects.

The exigencies or requirements expressed by K.

STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM AFTER THE END OF THE COLD WAR: THE THEORETICAL- METHODOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL HIGHLIGHTS OF INVESTIGATIONS

Waltz are broadly accepted also by P. de Senarclens, but who is less categorical, underlying that the theory supposes a scientific ambition that seeks to explain in a rigorous manner the dynamics of international relations, to define the forces and structures determining the relationships between the main actors of the world stage and at the same time to forecast the evolution thereof. But St. Hoffmann considers that K. Waltz's approach excludes to take into account the subsystems consisting of political and economic regimes through social relations and ideologies from societies. In the same vein, R. Aron argues that the theory of international relations does not include, even in the abstract, discrimination between the endogenous and exogenous variables, the external behavior of states not being determined only by the ratio of forces, but at least by two internal factors – nature of regime and ideology thereof. We shall emphasize that these two analysts think that the theory of undetermined behavior that K. Waltz relied on makes the domain to be intelligible, the behavior of diplomatic agent and soldier not having a "rational purpose" and therefore, the theory cannot exceed too much the "conceptual analysis" which objective is "to define the subsystem specificity, to enumerate or to list the main variables and to formulate hypotheses on the functioning of system".

If K. Waltz is tempted to lay on theorists the difficulties in developing a theory of International Relations, St. Hoffmann assigns thereof to the nature of domain itself, starting from its definition that the "International Relations should be the science of uncertainty, action limits and directions through which the states try, but never fully manage to take measures to eliminate their own uncertainty. If K. Waltz tends to exclude any shade of subjectivism (bias) in the process of theoretical foundation of International Relations, St. Hoffmann, on the contrary, expresses the opinion that each researcher is a partisan of own developments, because without an all-inclusive or global theory it shall be difficult to precisely determine the dynamics of an evolving system, it shall choose, in essence, between the irrelevance of investigation results and absorption thereof in politics". In the same vein, R. Smoke mentions that the "theory existing in the field does not prove to be able to keep up with a world or society that changes so fast, rapidly and dangerously not only the military technology, but also the methods of international politics", while M. Wight proves to be much more categorical, claiming that "the international theory is marked not only by insufficiency, but both by intellectual and verbal poverty" because the political science from West traditionally and exclusively has focused on state as a generator of progress and environment of political experience and in addition, this theory, according to the English researcher, "is a theory of survival" [15; p. 276-277]. M. Wright's assertion is confirmed by numerous statements, as such the one exhibited by K. Waltz, who declared as "reductionist and non-falsifiable" the arguments against the quality of state as main actor in international politics.

N. Kosolapov, contrary to K. Waltz, believes, in utilitarian and reductionist spirit, that any theory appears only after the "theory receives or gets objective possibilities to permanently and systematically verify its hypotheses in politics" [16; p. 201], the importance of responses proposed by the theory of international relations turning out to be specially significant and relevant not only on academic level, but also on practical one. In the same context of assumptions, but anchored on socially and clearly deterministic nuances, A. Burian also pronounces himself accrediting the idea that the "appearance of theory of international relations was determined by social needs, the objective of preventing a new destructive conflagration after the Second World War stimulated the research directions in this area" [17; p. 17], but M. Ebata and B. Neufeld categorically state and sustain that "everything comprising international relationships is political", this concept being assigned "an important implication or connotation in the understanding thereof" [18; p. 2].

Indeed, after the Second World War, there had been some cardinal quantitative and qualitative evolutions in the cognitive field, changes and transformations which had essential repercussions upon the study of International Relations: for the first time the domain shortly received an important set of means of observation and research, modeling and forecasting, the appearance of such instrumentation being enough and sufficient to deepen and diversify the scientific investigations in the field. The direct connection between the novelty of implemented means, transformations in the study object and stringent requirements of politics in scientific assurance, N. Kosolapov discretely states, conditioned the qualitative leap of international relations science, and in '70s one of the strategic directions of investigations focused on the problems and issues of methodology and concrete research methods, mostly based on systematic approach. Such situation has favored the interdisciplinary researches, particularly in the context that International Relations has proved to be a favorable field for unfolding thereof and it is not absolutely necessary for each science exclusively to dispose and apply the own methods of investigation, the scientific picture obtained is much richer in interdisciplinarity conditions. Contrary to N. Kosolapov, we consider that the researches anchored on methodologies and methods should be advanced or initiated a decade before, since '60s, when the second edition of "the great debates" started, given that the modernist approach was mostly directed against the methodological traditionalism.

The methodology of investigations of reconfiguration processes of world order and structural transformation of international system after the Cold War is founded on the report structure – actors, fully and partially approached under interdisciplinary and multidisciplinary aspects.

It shall be noted the fact that K. Waltz, and not only him, assigns a determinant importance to the structure of international system, this concept being substantiated by

Victor JUC

abstraction from reality and supposes a set of constraint conditions affecting the behavior of actors by means of socialization mechanisms and competition thereof, that is not only the processes and interactions influence upon the behavior of units, but also the way or method the environment thereof is built. The structure shapes or conforms to the political process from the international system, given the fact that the national states take no actions, but react to the pressures thereof, it defines by means of three essential elements: organizing principle of system, which is no other than the anarchy; functional differentiation of units (it is practically inexistent in the international system because states have the same function of representation, even if within the interior thereof the relations turn out to be super-ordering – subordination, while in the international field they are coordinating); the distribution of capacities targets the potential of states subsumed to the concept of power and polarity expressed by the number of great powers from system [19; p. 130 – 143]. In this sense of ideas, the structure of international system regulates, but do not determines the behavior of state actors, but, without taking into account the attributions and interactions thereof, on the contrary there would be a proof of reductionism, assigned by K. Waltz to the researchers who aim at explaining the operation and functioning of international systems by paying and concentrating the attention upon units, such as St. Hoffmann considering that "within a bipolar system dominated by two rival or opponent "hegemonic units" it is obvious that we shall give decisive importance... to those two actors" [20; p. 111] or R. Aron, expressing the supposition that within the bipolarity "the main actors have determined the character and nature of system long before than they had been influenced thereby" [21; p. 95]. The international system, pursuant to K. Waltz's opinion, consists of structure and interconnected units, the structure concept being useful to the extent to which it gives a clear and constant significance to some vague and variable terms such as environment, situation, context or ambiance, but at the same time it warns about the structure which cannot explain anything in any way. E. Pozdneakov expresses himself in the same order of ideas, relieving that, as long as the structure is unknown, the system shows itself to be a chaotic mass of various links: the structure expresses the connections between the elements of system, having a categorical meaning or significance [22; p. 20, 53]. B. Buzan and R. Little, assessing the theory of K. Waltz, assert that the latter approaches only the political structure and excludes the systems defined by economic and/or sociocultural interactions, isolating thereof by the political interactions.

But it shall be mentioned that, extending the list of structuralism exegetes or interpreters that M. Kaplan is one of the first researchers to subject the defining role of structure (treated as distribution of power) to an essential study upon the functioning and transformation of international systems, relationships among actors being determined by certain constraints in the form of immutable

rules of behavior. R. Aron, on the contrary, from the realistic perspective, argues that these rules are set and changed by the great powers, which always reserves a certain space of choice derived from the first structural dimension of international systems – configuration of power relationships which reflects the number and nature of relationships among main actors. The other two dimensions, hierarchy of actors and homogeneous or heterogeneous character of composition of systems, reflects the inequality of military and political possibilities, in economic, sociocultural and ideological resources of protagonists to influence upon the international system and, respectively, the degree of concordance or conflict among the political entities in terms of principles and values [23; p. 563-565]. In contrast thereto, M. Bercher proposes only one category of structural research of international system, called the configuration of force, while K. Holsti and J.-P. Derriennic, on the contrary, have developed more extensive tools for scientific investigation. K. Holsti defines four elements – nature and autonomy, stability/durability of the units participating in the international circuit; systems structure; major forms of interaction between entities; the rules governing these interactions within the system, while P. Derriennic proposes six characteristics: number of actors; distribution of forces among actors; relationship between conflict and cooperation within the system; measures allowed by system to be used; influence of system upon the behavior of actors; differences of statuses among actors, providing, according to the assumption of Canadian researcher, the possibility "to describe the structure of any kind of international system" [24; p. 188-192]. According to K. Holsti's opinion, the international system of interstate relations started after 1648 and represents a totality of independent political entities within a process regulated and governed by interaction, while J.-B. Duroselle defines thereof by the binomial regularities/irregularities which occur within it starting with the 16th century.

If R. Aron points upon the key role of actors, and K. Waltz, on the contrary, defines the structure as a cause of states behavior, A. Wendt stands for an ontology that is able "to overcome the tendency to treat the action and structure as diametrically opposed sides of a duality" and stands for "a mutual construction" on the axis "agent – structure". This mutual relationship implies "the refusal to leave out or omit how states interpret what they do for a certain basic structural dynamics" as "the actors act, from the meanings the objects have for them, the meanings being socially constructed": state actors do not exist independently of the international system structures, and structures do not exist independently of their possible reproduction and transformation by agents" [25; p. 328]. In this sense, the structural constructivist theory of A. Wendt supposes that states are the main analysis units of international policy, key structures of state system are inter-subjective rather than material ones, interests and state identities being mostly and rather constituted by these social structures than exogenously given to the human

STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM AFTER THE END OF THE COLD WAR: THE ORETICAL- METHODOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL HIGHLIGHTS OF INVESTIGATIONS

nature or internal social policy system [26; p.326], while structural constraints of state agents are carried out by modifying the costs and benefits according to different strategies. Assigning an equal ontological status to the agents and structures which interdependence is achieved within the social process, A. Wendt considers the international relations as being social relations as the beliefs and expectations based on the ideas of actors about nature and roles thereof are determined by social structures. The "distribution of ideas", generally accepted by actors, the others being particular, means the "culture" which, in turn, is based on "the structure of roles", and the latter are not elements of actors, but elements of the system structure. In this context, drawing the character of the "predominant role within system" as a reference background, he describes three ideal types of "structure of roles", "enemy", "opponent" and "friend", but also three types of "culture of anarchy" from the international system, "Hobbesian", "Lockean" and "Kantian", the structural changes being conditioned by changes of "culture" [27; p. 98-99].

From another geopolitical and geostrategic perspective, Zb. Brzezinski assigns to the agents the decisive role in shaping the structure of the cold postwar international system, "active geostrategic players actors" being the state with a capacity of national will to exercise power or influence beyond the national borders in order to change existing geopolitical situation [28; p. 54]. Being guided by different reasons, tendencies to national supremacy, ideological achievement, religious messianism or economic rise, some states tend to regional domination or even to obtain proper positions on a global scale in the context that the geopolitics has evolved from the regional thinking to the global one. In the same vein, but referring to the significance of geostrategy, C.Hlihor claims that it identifies the means which the state actor, making use thereof, can achieve its interests within a certain geopolitical field [29; p.217], and according to P. Dobrescu, the geostrategy highlights the particular value of a given space [30; p. 15].

Therefore, both the *structure* and *agents* shall determine the formation and modification of a particular type of international system, including the cold postwar system: the structural changes conditional the transformations and changes in the behavior and relationships among actors and the latter, at the level of major powers and depending on the available potential, marks horizontally the system structure, and vertically it is expressed by relations of domination of "center" on "periphery". Contrary to K. Waltz, who argues that the structure is independent of the characteristics, behavior and interactions of actors, we believe that these behaviors are in interconnection, being own in terms of synergetics of open, dynamic, nonlinear and with a strong autocatalysing character system that tends to self-organization. T. Tirdea defines the self-organization as a process to create, reproduce or improve the organization of dynamic open systems [31; p. 30], given that chaos

and order are in interconnection. In the relieved order of ideas, we shall find that the society (world) from cold postwar period has proved to be open and unbalanced, in continuous construction and evolution according to the nonlinear laws, accompanied by synergetic effects and distinguished by a high degree of complexity, a fact which makes many researchers and analysts to raise serious difficulties in learning, explaining, understanding and managing thereof. The structure, this virtual category regulating the behavior of unit by means of distribution of power capacities derived from the international environment character, has a significant share in building and changing international system types, but the decisive role belongs to agents, that is to superpowers and great powers, using the terminology of M. Kaplan, which are grouped in poles or, with reference to the cold postwar period, we shall considers the notion "center of power" as justified. It shall be essentially to note that this notion does not include the states, in the conditions that only the U.S. meet the demands of a center of power (powerhouse), but international institutions created by state entities to increase their power and share on the global arena by applying multilateral international cooperation mechanisms, and namely these consolidated actors are system structural formatters by the potential and mutual relations they undertake. The "Center of power" is the actor or structure which, by its behavior or will, shapes the power towards to multiple sectors of the international system, says P. Dobrescu.

The major agents are associated with major powers, called by J. Goldstein and J. Pevehouse the most powerful states within system which exercise the greatest influence on international events, they tend to share, according to J. Levy, cited by the above authors, a global vision based on national interests, away from their territories, they having the most powerful military forces in the world and the most powerful economies financing the military forces and other capacities of power [32; p. 122].

In the approached context of ideas, we distinguish *two dimensions of geopolitical retreats (withdrawals)*, treated in respect of amending the strategic priorities and main directions of domestic politics and foreign policy, which ultimately either ended or contributed to the formation of polycentric type of structure of the cold postwar international system:

1. operated by major actors such as: the European Union has institutionalized several higher mechanisms to achieve cooperation, aiming at building and enlightening the Economic and Monetary Union, and in a perspective and unification policy, but which at present it is not anymore on the agenda because of not accepting the draft of constitution and economic recession, has essentially expanded its area of activity, particularly on account of the Common Foreign and Security Policy, by the disappearance of the Soviet Union it became the first major power in Europe and has been essentially extended by joining of the Central and South-Eastern Europe states, some important countries, especially the reunified

Victor JUC

Germany, have significantly strengthened on the international arena; China ceased to appear as an important piece in the game of the two superpowers, imposingly fortifying the economic potential, military capabilities and presence on the international arena, including by CEAP, which has become a very important mechanism for coordinating the trade, technology and investment into a large geo-economic space, especially in the context of transfer of the global economic center from the Atlantic area to the Pacific geo-region; creation of BRICS Group, initially developed as a mechanism to counter the American hegemony, gradually changes its priorities and turns into a powerful economic conglomerate. T. Hopkins said in this connection that the powerful states initiate and develop metropolitan processes, and the weak states initiate and develop peripheral processes;

2. carried out made by small and medium agents, who joined the EU and NATO (the Central and Southeastern Europe state) and China (the South-East Asian state). The retreats (withdrawals) of such level have only contributed to the expansion of geo-regional presence of the above strategic actors: yet their overall importance should not be underestimated at all, especially in case of Europe, aiming to build rules of law, to form democratic societies, to create functioning market economies, to jointly participate in creating and building a unique space of democracy and security, stability and well-being [33; p. 67-68].

The post-socialist systemic transformation, underlines G. Kolodko, represent by their essence a gradual process of transition from planned economy, built on the predominance of state ownership upon the means of production and bureaucratic regulation, to the free market capitalist economy, within which the private ownership and economy deregulation prevail [34; p. 28]. This process is characterized by a high degree of economic, social and political difficulty, the effective implementation thereof requires and supposes macroeconomic liberalization and stability, creation of democratic institutions and microeconomic restructuring or reorganization. The transformations are called to ensure democratization of states and societies, the democracy being a means of civilized correction of free market failures and failures in the implementation of the mechanisms thereof. The vast majority of post-socialist states considered that these strategic objectives for their development can be achieved by joining the European and Euro-Atlantic cooperation structures (EC, EU and NATO), a situation which conditioned the reorientations both internal and foreign policy.

The end of Cold War was beneficial, from epistemological point of view, for both contemporary approaches, *civilizationist* and *globalist*, essentially impelling the evolution and diversification of the content thereof. In the acceptance of E. Stepanova, they are in controversy since the '60s of the twentieth century, but which we consider more indirect, even more that neither the author does not insist with supporting arguments in the favor of the advanced hypothesis. The civilizationist developments are characterized by a relative uniformity, estimating that the entire world consists of a set of different socio-cultural units (civilizations) which are

interacting, at the same time the globalist treatments are more varied, extending from the cataloging as a set of universal interests, values and needs up to a communicative community or "a global village". In fact, the debate has been reduced to mutual accusations – the civilizationists criticize the globalists for underrating the significance of civilizationist differences, and the latter accuse the opponents for localism and particularism. At the same time we shall notice a light closeness of positions of some protagonists from the two approaches, in sense that they discretely seek to define some interaction principles in the global context, the proximity of parts being determined by the diversification thereof mainly by the search for new conceptual foundations that would ensure the integrity of the contemporary world. Thus, within the "civilizations research" there coexist both the traditional cultural interpretation of civilization (S. Huntington), and new ones – social (D. Wilkinson) or communicative (V. Kavolis). Forming, according to S. Huntington, the supreme cultural self-identification level of people, the civilizations are in a conflicted interdependence, and the "clash" between them becomes the dominant factor of world politics. D. Wilkinson, on the contrary, identifies the civilization with the social system which develops in common spatial-temporal limits and focuses around urban centers due to their socio-political relations between them. V. Kavolis is more straight, coming up with a proposal to remove any specific sociocultural foundations and to associate the civilization with capacity thereof for communication and mutual understanding with other entities by acquiring certain "global general universals", even though each of them develops own assessments of global universals based on their values and historical experience. He seeks to substantiate a common basis for interaction of civilizations in a global context, the more so as, at this stage, because of permanent migration and cosmopolitanism influence, we find no "pure" civilizations, fact which makes problematic to preserve their socio-cultural identity.

In turn, the globalist approach is expressly defined by the connection of research of global issues and global modeling with ideas characteristic to ecological, humanistic and anthropological origin disciplines, not to mention the political economy. Following the implementation of the principle of unity by diversity, this scientific approach includes, in fact, four research directions: *neo-Marxist theory of the world system* (I. Wallerstein, A. Frank. B. Gills) is conceptual closed to the ideas of V. Kavolis and supposes that the historical evolution of mankind has by essence of a universal and systematic character, the integrate world forming the basic unit of economic, historical and sociological analysis; *world culturology* (M. Featherstone) and *sociology of international relations* (R. Robertson) provide, especially the latter, that globalization is associated with world formation progress in a shape of unique space, and the global character, being the result and structure of this process, represents the general condition of human existence, because the uncertain situation created by the Cold War caused serious problems to poly-ethnicity and multiculturalism, but also provided the interest in the idea of edification of "global civil society"; *world political economy*: since the Cold War

STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM AFTER THE END OF THE COLD WAR: THE THEORETICAL- METHODOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL HIGHLIGHTS OF INVESTIGATIONS

conditions, Levitt accredits the idea that "the world is moving towards uniformity", and K. Ohmae describes a poly-centric world shaped as a triad – USA, Japan and Western Europe, and later to announce the sunset of sovereign national state, framed in "artificial political boundaries" and sunrise of "regional states", which are by their nature only natural economic zones in "the world without borders"; *concept of ecological sustainability* includes two sets of ideas that are interdependent and complement each other: *current environmental reality* (A. Lipietz) and second, *causes and essence of this particularity* (I. Sachs, S. Latush). In terms of international relations, "the ecological reality" is called "global

ecological crisis", while defining the causes thereof subscribe to the traditionalist neo-Marxism of I. Wallerstein and is limited to the "pumping resources from South to North" or "unjustified economic expansion of western world".

So the end of the Cold War caused not only geostrategic retreats (withdrawals), but also epistemological and methodological ones. The architecture of contemporary science of international relations include a broad and varied spectrum of researches, starting with investigations channeled on macro-level and completing with studies of narrow problems, each compartment being broken inside, both in historical aspect, and theoretical and methodological plan.

Литература:

1. Sanders David. Relațiile Internaționale: neorealism și neoliberalism. - Manualul de știință politică, ed. Goodin Robert. Klingemann Hans-Dieter. - Iași: Polirom, 2005, p. 375-389.
2. Hoffmann Stanley. Ianus și Minerva. Eseuri asupra teoriei și practicii politicii internaționale. - Chișinău: Știința, 1999. - 418 p.
3. Griffiths Martin. Relații Internaționale: școli, curente, gânditori. - București: Ziua, 2003. - 439 p.
4. Morgenthau Hans. Politica între națiuni. Lupta pentru putere și lupta pentru pace. - Iași: Polirom, 2007. - 735 p.
5. Hoffmann Stanley, op. cit.
6. Guzzini Stefano. Realism și relații internaționale. - Iași: Institutul European, 2000. - 472 p.
7. Ibidem.
8. Kegley-jr. Charles. Wittkopf Eugene. World politics. Trend and Transformation. - New-York: St. Martin's Press, 2001. - 669 p.
9. Juc Victor. Fundamentarea științelor socioumane prin intermediul paradigmei. - Respectarea drepturilor omului- condiție principală în edificarea statului de drept în Republica Moldova. Materialele conf. șt.-practice int. - Chișinău: F. E. P. Tipografia Centrală, 2010, p. 176-187.
10. Dougerthy J. Pfaltzgraff R. Contending theories of international relations: a comprehensive survey. - New York: Longman, 1990. - 534 p.
11. Ibidem.
12. Ibidem.
13. Waltz Kenneth. Teoria politicii internaționale. - Iași: Polirom, 2006. - 325 p.
14. Бовин Александр. Ведущие тенденции развития международных отношений. - Международная Жизнь, 2004, nr. 4-5. с. 172-182.
15. Griffiths Martin, op. cit.
16. Косолапов Николай. Теоретические исследования международных отношений. - Мировая Экономика и Международные Отношения. 1998, nr.1, с. 82-93.
17. Буриан Александр. Теория международных отношений. Курс лекций. В 2-х томах. т.1. - Chișinău: CEP USM, 2003. - 205 с.
18. Ebata Michi. Neufeld Beverly. Politics in International Relations. - Confronting the Political in International Relations, ed. Ebata Michi. Neufeld Beverly. - New-York: St. Martin's Press, 2000. p. 1-16.
19. Waltz Kenneth, op. cit.
20. Hoffmann Stanley, op. cit.
21. Aron Raymond. Paix et guerre entre les nations. - Paris: Calmann-Levy, 2-me ed., 1984. - 873 p.
22. Поздняков Э. Системный подход и международные отношения. - Москва: Наука, 1976, 157 с.
23. Aron Raymond, op. cit.
24. Goldman-Sachs. Study of N1 nations. - <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/BRIC> (07.09.2009)
25. Griffiths Martin, op. cit.
26. Griffiths Martin, op. cit.
27. Сафронова О. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений. - Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Международные отношения, Политология, Регионоведение». Выпуск 1(2) (Москва, Российская Федерация), 2004. с. 96-102.
28. Бжезински Збигнев. Великая шахматная доска. - Москва: Международные отношения, 2003. - 254 с.
29. Hlihor Constantin. Geopolitica și geostrategia în analiza relațiilor internaționale contemporane. - București: Ed. Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2005. - 330 p.
30. Dobrescu Paul. Geopolitica. - București: comunicare. ro., 2003. - 424 p.
31. Țirdea Teodor. Introducere în sinergetică. - Chișinău: CEP „MEDICINA”, 2003. - 89 p.
32. Goldstein Joshua. Pevehouse Jon. Relații internaționale. - Iași: Polirom, 2008. - 779 p.
33. Juc Victor. Josanu Yuri. Rusandu Ion. Sisteme politice tranzitorii din Europa de Sud-Est. - Chișinău: Tipografia AȘM, 2008. - 201 p.
34. Колодко Гжегож. Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. - Минск: ЕГУ, 2002. - 200 с.

Резюме

В статье исследуются концептуально теоретические основы формирования и эволюции мирового порядка после окончания холодной войны. Особое внимание уделяется теории как институт обоснования научного исследования в целом и структурных теорий международных отношений в частности. В конце статьи рассматриваются геостратегические перемещения происходившие в конце XX - начало XXI вв., которые способствовали формированию новой конфигурации мирового порядка и новой карты Европы.

Ключевые слова: Война, конфигурация, международная система, партикуляризм.

Сеймур ТАЛЫБОВ,
аспирант Нахчыванского государственного
университета

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА

Стратегическое положение Азербайджанской Республики оказывает значительное влияние на формирование ее энергетической стратегии и концепции национальной безопасности в этой сфере. Как правило, характерные особенности морских (островных) или сухих (континентальных) хозяйственно-деловых культур выступают в качестве основного фактора во взаимоотношениях с типами цивилизаций (культур), определяемых их «географическим положением». Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев в своей книге «Каспийская нефть Азербайджана», совершенно верно отмечает, что «народы, принадлежащие к морскому типу цивилизации, – традиционно более динамичные, технологически развитые, новаторские, тяготеющие к эгоизму и индивидуализму, – формируют торговые типы обществ. Совершенно противоположенный тип цивилизации представляют собой народы, живущие в глубине континентов, в степях, равнинах и пустынях. Они статичны, консервативны, созерцательны, но при этом доблестны и придерживаются общинных принципов» [1].

В результате тщательного анализа сформировалось мнение о том, что в истории и этногенезе азербайджанского народа существуют элементы «морского» типа культуры [2]. Каспийское море в течение трех тысячелетий играет важную роль в политическом, экономическом и культурном развитии народов, проживающих в этом регионе. Ввиду того, что «Каспийский морской путь» возник в качестве важного элемента экономической системы древнего мира, произошла своеобразная конвергенция «различных культур» [3]. В результате, в поведении азербайджанцев, наряду с тенденциями индивидуализма, сформировались также тенденции коллективизма [4]. В то время как индивидуализм важен для обеспечения государственной независимости и внутренней энергетической безопасности, модель коллективного развития играет такую же важную роль в обеспечении энергетической безопасности в условиях регионального сотрудничества.

Азербайджанская Республика, как одно из государств региона, обладающих богатыми энерго-

ресурсами, после восстановления государственной независимости, приступила к осуществлению важных законодательных мер по реализации суверенных прав над собственными ресурсами. Законодательные меры включают в себя так называемые мягкие нормы, охватывающие всю политику (государственные программы, концепции безопасности и т.д.), и акты, определяющие основы нормативно-правового регулирования. В 2005 году Распоряжением Президента Азербайджанской Республики была принята «Государственная программа по развитию топливно-энергетического комплекса Азербайджанской Республики (2005-2015 годы)». В этом документе поставлены приоритетные задачи по дальнейшему развитию топливно-энергетического комплекса, имеющего исключительное значение в экономике и социальной жизни Азербайджанской Республики, совершенствованию обеспечения населения и экономики энергоресурсами, повышения эффективности использования энергоносителей. В Государственной программе четко намечены поэтапные цели, задачи и основные направления развития нефтегазового сектора, системы газоснабжения, производства, передачи и распределения электрической и тепловой энергии, вопросы экологической безопасности, вложения инвестиций в энергетическую сферу и т. д.

Для достижения основной цели, заключающейся в развитии топливно-энергетического комплекса, наиболее полном удовлетворения спроса населения и экономики электроэнергией, природным газом и другими энергоносителями, поставлены следующие задачи: выявление тенденций развития топливно-энергетического сектора в соответствии с современными стандартами; создание конкурентной среды в топливно-энергетическом секторе; осуществление соответствующих научно-технических и организационных мер по повышению эффективности деятельности отраслей промышленности, входящих в состав топливно-энергетического комплекса; обеспечение осуществления прогрессивных технологических мер по производству, переработке, транспортировке, хранению, учету и потреблению энергетических ресурсов; увеличение

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА

объема инвестиций в топливно-энергетический комплекс; обеспечение экологической безопасности в топливно-энергетическом комплексе и т. д.

Принимая во внимание удельный вес нефтегазового сектора в энергетическом комплексе Азербайджанской Республики, в качестве приоритетов в нефтегазовом секторе предусмотрено решение следующих задач: открытие и разведка новых месторождений; привлечение открытых нефтяных месторождений к полномасштабной разработке; построение, реконструкция и модернизация систем добычи, транспортировки и переработки нефти и газа; бурение новых и восстановление бездействующих скважин в разрабатываемых месторождениях; применение новой техники и технологий в целях повышения коэффициента нефтеотдачи; широкое применение достижений науки, техники и передового опыта. В соответствии с этими приоритетами нефтегазовый сектор стремительно развивается. К настоящему времени на территории Азербайджанской Республики открыты 71 месторождений нефти и газа, 43 из них расположены на суше, а 28 - в азербайджанском секторе Каспийского моря. За годы, прошедшие после заключения «Контракта века» с ведущими нефтяными компаниями мира на разработку месторождений «Азери» и «Чираг», расположенных в азербайджанском секторе Каспийского моря, а также глубоководной части месторождения «Гюнешли», подписаны более 30 соглашений о разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений, вложены огромные иностранные инвестиции в развитие нефтяной и газовой промышленности страны. Общий объем инвестиций, вложенных в экономику Азербайджанской Республики в последние 17 лет, составляет более 82 миллиарда долларов США. Около 55-60% суммы всех инвестиций в экономику Азербайджанской Республики приходится на долю иностранцев. Если в 1994-2005 годы львиная доля инвестиций (свыше 30 млрд долларов) была направлена в нефтегазовый сектор, в последующий период нефтяной сектор стал играть более серьезную роль в освоении инвестиций [5]. В Азербайджанской Республике, как и во всем мире, наблюдается стремительное развитие рынка природного газа.

Работа по развитию газовой отрасли состоит, в основном, из следующих элементов: укрепление материально-технической базы газового хозяйства; укрепление финансовой дисциплины в газовом хозяйстве; ускорение работ по установке газовых счетчиков; организационные меры в рамках инвестиционной программы – развитие ОАО «Азеригаз»: осуществление мер организационно-технического обеспечения; улучшение конкурентной среды; улучшение качества газа и увеличения объемов продаж; снижение потерь и так далее. Значительный прогресс достигнут на рынке электрической и тепловой энергии.

После восстановления государственной независимости, в целях удовлетворения спроса на электроэнергию в Азербайджанской Республике с

1994 года ведется серьезная работа в электроэнергетической системе страны. При этом обеспечены межгосударственные масштабы электроэнергетической системы. В рамках энергетической системы Азербайджанской Республики осуществляется энергетический обмен с энергетическими системами России (линия «Дербент-Яшма», 330 кВ), Грузии (линии «АзГЭС-Мухранис Вели», 500 кВ и «Актафа-Гардабани», 330 кВ), Турции (линия «Игдыр-Бабек», 154/220 кВ) и Ирана (высоковольтные воздушные линии «Имишли-Парсабад», 230 кВ; «Астара», 220 кВ; «Араз» 132 кВ и кабельная линия «Джультфа», 11 кВ).

В рамках энергосистемы к 2015 году планируется довести объем существующих генерирующих мощностей до 6500-7000 МВт за счет строительства новых тепловых и гидроэлектростанций, модернизации существующих энергоблоков, использования альтернативных источников энергии (малые гидроэлектростанции, энергия ветра, солнца, термальных вод и т.д.). В дальнейшем всего 15 процентов потребляемой электроэнергии будет производиться за счет гидроэлектростанций и альтернативных источников энергии, а остальная часть (85%) - за счет использования тепловых электростанций. В последние годы произошли резкие изменения в структуре потребления электроэнергии. Если раньше 48 процентов потребляемой энергии приходилось на долю промышленности и 8,0 процентов – на долю населения, то сегодня значительно возрос объем энергии, потребляемой населением. Это связано с тем, что Азербайджанское государство проявляет особую заботу о гуманитарном аспекте энергетической безопасности страны в соответствии с программами социально-экономического развития. Особое внимание в Государственной программе уделено вопросам использования маломощной технологии.

Намечены меры по сокращению объема условного топлива, потребляемого для производства электроэнергии на тепловых электростанциях за счет создания новых мощностей в энергетическом секторе и улучшения параметров старых энергоблоков. «Государственная программа по развитию топливно-энергетического комплекса Азербайджанской Республики» отражает меры по полному удовлетворению потребностей страны в энергетических ресурсах, меры по модернизации отрасли и оснащению ее современным оборудованием, а также меры по внедрению системы управления, адаптированной к условиям рыночной экономики.

В течение 2005-2015 годов, охватываемых Государственной программой, ожидается развитие нефтяной и газовой промышленности, модернизации обрабатывающей промышленности. Принимаются меры по поставке отечественных энергоресурсов на мировые рынки, а также по обеспечению наиболее эффективного их использования внутри страны. В Конституции Азербайджанской Республики уделяется особое внимание вопросам обеспечения экологи-

Сеймур ТАЛЫБОВ

ческой безопасности. Соответственно, принимая во внимание важность проблемы использования альтернативных и возобновляемых источников энергии, закрепленной в Государственной программе, в 2004 году Указом Президента Азербайджанской Республики была утверждена «Государственная программа по использованию альтернативных и возобновляемых источников энергии в Азербайджанской Республике».

Прежде чем перейти к анализу программы, следует отметить, что в настоящее время этот вопрос стал предметом пристального изучения во всем мире. Ограниченные ресурсы углеводородов в качестве традиционных источников энергии и требования по предотвращению загрязнения окружающей среды обусловили необходимость увеличить количество производимой энергии в мире за счет использования альтернативных и возобновляемых источников энергии.

В этом направлении уже имеется положительный опыт, и в ряде стран показатель использования энергии солнца, ветра, других чистых и возобновляемых источников энергии растет из года в год. Развитые страны решили постепенно перейти на возобновляемые источники энергии. Например, Федеративная Республика Германии в одностороннем порядке взяла на себя обязательство о полном переходе к использованию возобновляемых энергетических ресурсов к 2050 году, Австралия - к 2040 году, а Турции - к 2030 году.

Принимая во внимание постепенное исчерпание запасов месторождений нефти и газа, а также огромный ущерб, причиняемый окружающей среде при использовании этих запасов, в развитых странах широко используются экологически чистые, альтернативные (возобновляемые) источники энергии (солнечной и ветровой энергии, малые ГЭС, термальные воды, энергия биомассы и т.д.).

Важное место среди возобновляемых источников энергии занимает энергия ветра. По объему использования энергии ветра Германия лидирует среди стран мира. Принятие в этой стране Закона «О возобновляемых источниках энергии» стало значительным толчком в этом деле. В производстве электроэнергии, с точки зрения экологии, очень важное значение имеет потенциально чистая энергия воды. С 1990 года объем производства электроэнергии из этих источников растет по восходящей. Страны Латинской Америки, с большими водными ресурсами в ряде стран Азии и Африки, а также северные страны Европы в качестве приоритетного направления поставили задачу использования других альтернативных источников энергии.

В соответствии с Киотским протоколом 1997 года в европейских странах и США началось строительство крупномасштабных электростанций с использованием альтернативных источников энергии. В Соединенных Штатах, Германии, Японии и Китае применяются высокоэффективные технологии изготовления основных рабочих элементов (фотоэле-

мента) солнечных электростанций, позволяющих преобразовать солнечную энергию непосредственно в электрическую.

В Азербайджане с его благоприятными природными условиями имеется достаточно большой потенциал для использования альтернативных и возобновляемых источников энергии. Однако этот потенциал пока не используется. Именно поэтому была принята соответствующая государственная программа с тем, чтобы, исходя из богатого мирового опыта, создать новые энергогенерирующие мощности за счет использования имеющихся в стране альтернативных и возобновляемых источников энергии.

Как указано в программе, выгодное географическое положение и климатические условия позволят широко использовать экологически чистые альтернативные источники энергии. Привлечение альтернативных источников для производства электрической и тепловой энергии в дальнейшем должно способствовать реализации прогрессивных изменений в развитии электроэнергетики.

В Государственной Программе подчеркивается, что в целях расширения производства энергии возобновляемых и экологически чистых источников с использованием природного потенциала страны, и для обеспечения наиболее эффективного использования углеводородных энергоресурсов необходимо: определить альтернативные (возобновляемые) источники энергии для использования в производстве электрической энергии; добиться повышения эффективности использования энергетических ресурсов страны с привлечением возобновляемых источников энергии; обеспечить открытие дополнительных рабочих мест за счет создания новых участков производства энергии; добиться увеличения энергетических мощностей за счет альтернативных источников энергии и укрепления повышения энергетической безопасности страны, принимая во внимание общую мощность существующих в Азербайджанской Республике традиционных источников энергии.

В Государственной Программе отмечается наличие в Абшеронском полуострове, Шерур-Джюльфинском регионе Нахичеванской Автономной Республики и других регионах Азербайджанской Республики больших возможностей для применения энергии ветра, и подчеркивается необходимость использовать эти возможности.

В результате оценки возобновляемых источников энергии Азербайджанской Республики стало известно, что во многие регионы страны, в том числе Абшеронский полуостров обладает огромным потенциалом энергии ветра.

Показатели, представленные по результатам исследований, проведенных в районе Гобустана, позволяют отнести потенциал ветровой энергии этого района к 4-му классу, который считается высоким потенциалом. Наряду с ветроэнергетикой, в Азербайджанской Республике существует также

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА

большой потенциал солнечной энергии. Во многих развитых странах мира широко применяется Программа Фотоволтаик (производство солнечных батарей). По количеству солнечных дней в году Азербайджан опережает большинство стран мира (по значению этого показателя его можно сравнить только со странами на Ближнем Востоке). Этот факт можно рассматривать как один из критериев эффективности привлечения инвестиций для использования солнечной энергии. В Государственной программе упоминается еще одно направление. Отмечено наличие в стране широких возможностей освоения неиспользованных до сих пор гидроэнергетических ресурсов, определены задачи по использованию этих возможностей.

В Государственной программе также отмечена необходимость использования других возобновляемых источников энергии, в частности - энергии биомассы и геотермальной энергии, исследованы возможности экономической деятельности по использованию этих видов энергии, произведена оценка предполагаемого ресурсного потенциала.

Как известно, получение энергии из возобновляемых источников и бесперебойная передача ее конечным потребителям связаны с вложениями инвестиций. В соответствии с Государственной программой, путем максимального использования альтернативных (возобновляемых) источников энергии посредством привлечения частных инвестиционных источников в энергосистему страны могут быть подключены дополнительные мощности. Для этой цели законодательством могут быть предусмотрены определенные льготы для инвесторов.

Названные выше государственные программы следует рассматривать в сочетании с программами и концепциями социально-экономического развития и национальной безопасности Азербайджанской Республики. Среди основополагающих документов, в которых закреплены важнейшие направления, формы реализации энергетической безопасности Азербайджанской Республики и основы международного сотрудничества в этой сфере, особо следует отметить «Концепцию национальной безопасности Азербайджанской Республики», утвержденную в 2007 году Распоряжением Президента Азербайджанской Республики № 2198. Энергетическая стратегия Азербайджанской Республики является основой концепции национальной безопасности нашего государства [ст. 4.3.8]. Одна из целей энергетической стратегии заключается в выявлении угроз энергетической безопасности страны. В приведенном в Концепции перечне угроз национальной безопасности Азербайджанской Республики особо отмечается «деятельность, направленная против энергетической инфраструктуры Азербайджанской Республики» [ст. 3.6.] Согласно этой статье, доходы, приобретенные за счет разработки и транзита энергетических ресурсов, составляют основу экономики Азербайджанской Республики. Принимая

это во внимание, можно заключить, что попытки вывести из строя данную сферу промышленности путем причинения физического ущерба политическим средствам или инфраструктуре также относятся к числу возможных угроз энергетической безопасности страны. При этом особое внимание следует обратить на тот факт, что, любое вторжение в территории через международные энергетические коридоры, равно как и конфликт в этой территории, представляет собой деятельность против энергетической инфраструктуры. Наиболее важными видами деятельности по обеспечению национальной безопасности Азербайджанской Республики являются: разработка и эксплуатация существующих нефтяных и газовых месторождений, а также перспективных структур, расположенных в Азербайджанском секторе Каспийского бассейна, техническое обслуживание, строительство и монтаж современных нефтяных и газовых платформ, выявление угроз в отношении основных экспортных нефте- и газопроводов, принятие адекватных мер по нейтрализации этих угроз. Гарантия безопасности основного экспортного нефтепровода «Баку-Тбилиси-Джейхан» и Южно-Кавказского газопровода - важнейших объектов, обеспечивающих транспортировку энергоносителей между Каспийским, Черным и Средиземным морями, геостратегические и экономические интересы прикаспийских государств и управление растущими рисками, справедливо считается одной из наиболее важных задач национальной безопасности. Без международного сотрудничества, государства сталкиваются с серьезными проблемами в обеспечении своей энергетической безопасности. Богатые природные ресурсы Азербайджанской Республики, открывая широкие перспективы для повышения национального благосостояния, превращают ее в международный источник энергии и неотъемлемую составную часть международной сети энергоснабжения. Развитие международных транспортных коридоров и коммуникаций, вносящих значительный вклад в развитие экономик Азербайджанской Республики и стран-партнеров, строительство, нефте- и газопроводов является наглядным примером сотрудничества между странами региона. Азербайджан играет незаменимую роль в региональном сотрудничестве, в частности - в реализации энергетических и транспортных проектов в Каспийско-Кавказском пространстве. Вместе с тем, Азербайджанская Республика заинтересована в сохранении взаимного сотрудничества в рамках СНГ, развитии двусторонних и многосторонних экономических, политических, правовых и гуманитарных отношений со странами СНГ. Это объясняется тем, что, между Азербайджанской Республикой и этим пространством исторически сложились тесные экономические и хозяйственные связи. В Концепции совершенно правильно отмечается, что Турцию и Грузию следует рассматривать в качестве стратегического партнера Азербайджана в региональном

Сеймур ТАЛЫБОВ

энергетическом сотрудничестве. Трехстороннее стратегическое сотрудничество и расширяющееся партнерство между Азербайджаном, Грузией и Турцией стали фактором стабильности в регионе. Благодаря этому сотрудничеству и трем успешным проектам энергетической инфраструктуры, которые увеличивают значение Черноморского и Каспийского регионов, вносящих большой вклад в европейскую и глобальную энергетическую безопасность, а именно – проектам основных экспортных нефтепроводов Баку-Супса и Баку-Тбилиси-Джейхан имени Гейдара Алиева, а также проекту Южно-Кавказа газопровода (Баку-Тбилиси-Эрзурум), формируется звено энергетической безопасности как для Европы, так и для нашего региона.

Развитие всестороннего сотрудничества и партнерства Азербайджанской Республики с Грузией имеет большое значение для обеих стран. Независимость Грузии можно считать важным фактором экономического суверенитета Азербайджана. Наличие общих интересов двух стран, тесное сотрудничество между Азербайджанской Республикой и Грузией реализация региональных энергетических и транспортных проектов обуславливают дальнейшее развитие двустороннего стратегического сотрудничества в регионе. Азербайджанская Республика оказывает прямую финансовую помощь Грузии в реализации целого ряда совместных проектов.

Турция является первой страной, которая признала независимость Азербайджанской Республики и играет особую роль в установлении мира и стабильности в регионе. Поэтому, для Азербайджана чрезвычайно важно поддерживать всесторонние отношения с Турцией. Взаимоотношения на уровне стратегического партнерства между двумя странами, тесно связанными друг с другом с этнической и языковой точки зрения, непрерывно расширяются и углубляются. Роль Азербайджанской Республики и Турции в реализации региональных экономических проектов, а также усилия Турции, направленные на урегулирование армяно-азербайджанского конфликта, свидетельствуют о полном соответствии позиций двух стран и являются показателем качественного уровня их сотрудничества. Агрессивная политика Армении на Южном Кавказе является одним из основных препятствий на пути всестороннего регионального сотрудничества. Поэтому, до тех пор, пока Армения не откажется от этой политики, Азербайджанская Республика не намерена рассматривать возможность сотрудничества с Арменией. Следовательно, принимая во внимание эти обстоятельства, Азербайджанская Республика не принимает на себя какие-либо обязательства, связанные с Арменией.

Достаточно тесные добрососедские отношения между двумя прикаспийскими государствами - Азербайджанской Республикой и Россией. Трубопровод Баку-Новороссийск является одним из маршрутов поставки Азербайджанской нефти, добывае-

мой в Каспийском море, на европейские рынки через Черное море. В соответствии с Концепцией национальной безопасности региональной Азербайджанской Республики, сегодняшние отношения между Азербайджаном и Россией служат важным фактором стабильности и развития с точки зрения региональной энергетической безопасности. Вместе с тем, следует отметить, что эти отношения не основаны на равноправном партнерстве. Россия непрерывно поддерживает агрессивную политику и оккупационную деятельность Армении. Поэтому необходимо добиться дальнейшего укрепления позиции Турции в качестве балансирующей силы. В частности, энергосистема Нахичеванской Автономной Республики может быть расширена за счет возможностей стремительно растущей в регионе энергосистемы Турции.

Среди стран Каспийского бассейна Казахстан является тем государством, которое осуществляет равноправное сотрудничество с Азербайджанской Республикой. В частности, в 2006 году между Казахстаном и Азербайджанской Республикой заключен договор о содействии поставке Казахской нефти на международные рынки по трубопроводу Ваку-Тбилиси-Джейхан через Каспийское море и территорию Азербайджанской Республики. В настоящее время уже налажен экспорт энергоресурсов Казахстана в этом направлении [6].

Иран и Туркменистан также занимают важное место в региональном сотрудничестве с Азербайджанской Республикой в сфере энергетической безопасности [7]. Иран играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности Нахчывана. Несмотря на это, Азербайджанская Республика также поддерживает санкции, принятые в последние годы в рамках Организации Объединенных Наций в связи с ядерной программой Ирана. Азербайджанская Республика считает, что развитие региональных отношений в соответствии с существующими нормами международного права (Договора 1968 года) о нераспространении ядерного оружия является одним из необходимых условий для установления и укрепления стабильности как на региональном, так и на международном уровне. В целях создания условий для более надежного обеспечения безопасности страны в соответствии с внутренней и внешней политикой государства, Концепция регулярно может быть обновлена. Принимая это во внимание, считаем, что Концепция должна содержать отдельное положение об энергетической безопасности Нахчывана во взаимоотношениях с Ираном и Турцией.

Азербайджанская Республика активно сотрудничает в области энергетической безопасности не только с государствами региона, но и со своими стратегическими партнерами - США и европейскими странами. Азербайджанская Республика, строя свое сотрудничество с европейскими странами на двусторонней и многосторонней основе, заинтересована в углублении интеграции в европейское экономическое

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА

и правовое пространство. В этой связи, Азербайджанской Республикой предприняты важные шаги по диверсификации энергоресурсов Европы и обеспечению энергетической безопасности Европейских стран. Отношения между Европейским Союзом и Азербайджанской Республикой развиваются в рамках проектов «Техническая помощь странам СНГ» (TACIS), «Транспортный коридор Европа-Кавказ-Азия» (ТРАСЕКА) и других программ. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и Европейским Союзом, вступившее в силу в 1999 году, создает благоприятные условия для экономического сотрудничества и вложения инвестиций. В Соглашении особо подчеркивается важность сотрудничества в сфере энергетики [ст. 55]. Меморандум о взаимопонимании «О стратегическом партнерстве в области энергетики» между Азербайджанской Республикой и Европейским Союзом, подписанный в 2006 году, является важной гарантией для обеспечения диверсификации источников энергии государств-членов Европейского Союза, развития и модернизации энергетической инфраструктуры Азербайджанской Республики, эффективного использования энергетических ресурсов и неисчерпаемых источников энергии, управления системой энергообеспечения страны в соответствии с современными европейскими стандартами.

Взаимовыгодное сотрудничество с инновационно развитыми странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии – с Китаем, Японией и Республикой Корея также сыграло немаловажную роль в создании благоприятных условий для реализации проекта «Транспортный коридор Европа-Кавказ-Азия» (ТРАСЕКА).

Вопросам социально-экономического развития уделяется особое внимание в Концепции национальной безопасности, вероятность зависимости экономического роста страны от доходов за счет энергетических ресурсов рассматривается как угроза интересам национальной безопасности. Для того чтобы решить эту проблему в соответствии с мировой практикой, не подвергаясь «голландскому синдрому», в Концепции предусмотрено развитие ненефтяного сектора с привлечением инвестиций в эту сферу. Основная цель региональной экономической политики Азербайджанской Республики заключается в развитии ненефтяного сектора за счет эффективного использования потенциала всех регионов страны, стимулирования производства продукции, предназначенной для экспорта, повышения уровня занятости и обеспечения динамического развития экономики страны.

Основными направлениями оборонной политики Азербайджанской Республики при реализации энергетической стратегии являются: интеграция в систему безопасности Евро-Атлантического пространства, в том числе создание оперативных сил взаимодействия с государствами-членами НАТО для своевременного выявления и оценки военных угроз,

направленных против инфраструктуры энергетической системы, а также предотвращение кризисов в регионе. Защита стратегически важных объектов, в том числе предприятий по добыче и переработке нефти и газа, терминалов и международных трубопроводов, электростанций, линий электропередачи, гидротехнических сооружений от стихийных бедствий, техногенных аварий и террористических угроз была определена в качестве одной из главных задач государства.

При реализации своей энергетической стратегии любое государством не может обойтись без вложения капитала. В частности, устойчивое развитие может обеспечиваться за счет привлечения иностранных инвестиций. Согласно энергетической концепции Азербайджанской Республики, создание благоприятного инвестиционного климата является одной из основных задач, стоящих перед нашей страной. Для достижения этих целей необходимо уделить особое внимание вопросам защиты прав частной собственности и совершенствования корпоративного управления, создания более благоприятной конкурентной среды для всех инвесторов, улучшения нормативно-правовой базы инвестиционной деятельности. Особое внимание будет уделено применению в нашей стране современных технологий и развитию информационных и телекоммуникационных систем.

Следует отметить, что несмотря на достаточно широкое распространение в стране частной собственности, энергетический сектор остается в монополии государства. В добывающей промышленности работает немало частных компаний, однако энергопередающие структуры находятся в собственности государства. Среди наиболее крупных государственных компаний можно назвать Государственную нефтяную компанию Азербайджанской Республики, а также открытые акционерные общества «Азербэнеджи» и «Азеригаз». В качестве центральных органов власти, определяющих основные направления государственной энергетической политики, выступают Министерство промышленности и энергетики, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, Министерства экономического развития и другие ведомства.

Еще один вопрос, которому уделено особое внимание в Концепции, связан с экологической безопасностью. Использование возобновляемых источников энергии в соответствии с принципом энергоэффективности призвано, с одной стороны, предотвратить энергоресурсный кризис, а с другой – добиться сокращения отходов, выбрасываемых в окружающую среду. В Концепции уделено особое внимание ликвидации источников загрязнения окружающей среды, решению экологических проблем Каспийского моря, защите и восстановлению биоразнообразия Каспия, решению других аналогичных вопросов. Охрана окружающей среды - задача трансграничного характера. Источник экологических

Сеймур ТАЛЫБОВ

рисков, имеющийся на территории другого государства, может привести к негативным последствиям на территории другого государства. Поэтому, как справедливо отмечается в Концепции национальной безопасности, Мецаморская атомная электростанция, построенная в сейсмической зоне на территории Армении, и находящаяся в технологически устаревшем состоянии, является источником опасности для всего региона. Однако в Концепции не отражены меры по ликвидации данного источника опасности. В этой связи, представляется целесообразным расширить сотрудничество с Международным агентством по атомной энергии, Европейским Союзом и другими международными организациями, а также с соседними государствами по поводу оценки степени безопасности Мецаморской атомной электростанции. В то же время, для того чтобы оценить возможный ущерб, может быть подана жалоба в международный суд.

В соответствии со статьей 36.2 Статута Международного суда, признание иным государством юрисдикции Международного суда ООН «по любому вопросу международного права», а также по вопросу о «характере и размерах возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства», не имеет существенного значения. Проблема в том, что, поскольку решение Суда по обращениям в связи со спорами соответствующих категорий является вопросом международного права, невыполнение этого решения государством, совершившим нарушение международного права, влечет, по крайней мере, политическую ответственность государства. А это, в свою очередь, не может не повлиять политический имидж государства, на его позиции в международном сотрудничестве. Мы считаем, что соответствующие санкции должны применяться в отношении Армении за загрязнение реки Кура через реку Араз [8].

Энергетическая стратегия Азербайджанской Республики сформировалась в виде определенного набора геоэкономических, геополитических и этногенетических (культурных) критериев. Наличие в Азербайджанской Республике богатых энергетических ресурсов является одним из факторов, оказывающих положительное влияние на кардинальное и ускоренное развитие экономики, и в то же время обуславливающих заинтересованность различных государств в данном регионе, и вызывающих напряженность отношений. Поэтому, пренебрежение любым из этих критериев (например, этническими связями с Турцией) может привести к серьезным проблемам при реализации стратегии, в достижении энергоресурсного суверенитета государства (народа). Исторически сложившееся экономическое сотрудничество Азербайджанской Республики со странами региона (за исключением Армении), в геоэкономическом смысле имеет первостепенное значение для обеспечения регионального мира и безопасности. Сотрудничество с нашими стратегическими партнерами в геоэкономическом и геополитическом направлениях должно рассматриваться в качестве побуждающего критерия в деле освобождения оккупированных территорий Азербайджанской Республики.

Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики составляет основу политики национальной безопасности страны, включая сферу энергетики, и в целях защиты национальных интересов государства возлагает на соответствующие государственные органы особые обязательства, и обуславливая в этом контексте необходимость их скоординированных действий, определяет основные правовые аспекты национальных интересов и политики безопасности Азербайджанской Республики.

Литература:

1. Алиев И. Г. Каспийская нефть Азербайджана. - Москва: Изд. «Известия», 2003, с. 372.
2. Рустамбеков Г. Б. Национальные экономические интересы в процессе постсоциалистической трансформации и глобализации. - Баку: Чашыоглы, 2009, с. 338.
3. Дарабади П. Геостратегия Каспийского региона и геополитика современности. - Баку: Элм, 2002, с.13-14.
4. Рустамбеков Г. Б. Национальные экономические интересы в процессе постсоциалистической трансформации и глобализации. - Баку: Чашыоглы, 2009, с. 339.
5. <http://www.yeniazərbaycan.com/news/13564.html>.
6. Садыгов А. И. Международное энергетическое право. Учебник. – Баку, 2011, с. 124.
7. Мамедов Р. Ф. Международно-правовой статус Каспийского моря. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Баку, 2007, с. 44.
8. Садыгов А. И. Международное экономическое право. Учебник. – Баку, 2008, с. 367.

Summary

The strategic position of the Republic of Azerbaijan has a significant influence on the formation of its energy strategy and the concept of national security in this area.

As a result of careful analysis formed the view that in the history of the Azerbaijani people and the ethnogenesis there are elements of the "sea" type of culture. The Caspian Sea for three thousand years has played an important role in the political, economic and cultural development of the peoples living in the region.

The Republic of Azerbaijan is actively cooperating in the field of energy security, not only with the countries of the region, but also with its strategic partners - the U.S. and European countries. The Republic of Azerbaijan, building its cooperation with European countries on a bilateral and multilateral basis, is interested in deepening integration into the European economic and legal space.

Keywords: Energy strategy, national security, cooperation, strategic partners, legal space, legislative framework.

Оксана МАЗУР,
кандидат политических наук,
доцент кафедры "Политологии
и международных отношений"
Восточноукраинского национального
университета им. Владимира Даля

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Актуальность исследования проблематики политических конфликтов, уровня их интенсивности и результативности обусловлена тем, что в современном политическом процессе, для которого характерны трансформационные и модернизационные тенденции, политическое противоборство отличается высокой степенью распространенности и остроты. В зависимости от того, какими средствами и методами выражаются и согласовываются разнообразные интересы и потребности в политической сфере, можно, на наш взгляд, определить уровень демократичности и эффективности политического режима.

Проблема политического конфликта как неотъемлемого элемента политического процесса имеет глубокие традиции и в истории политической мысли, и в современном политологическом дискурсе. Так, в древности проблеме конфликтов большое внимание уделяли такие философы, как Платон, Аристотель, Гераклит. В более позднее время осмысление природы политического конфликта, его особенностей и динамики с точки зрения правильного понимания причин возникновения, развертывания и возможности его урегулирования, стало предметом исследования М. Амстутц, Х. Арндт, Р. Арона, П. Бурдьё, М. Вебера, Д. Вико, Е. Вятра, Й. Галтунга, Р. Даля, Р. Дарендорфа, Л. Крисберга, С. Липсета, К. Манхейма, К. Маркса, Н. Макиавелли, К. Поппера, Д. Растоу, Д. Сартори, Н. Смелзера, П. Сорокина, А. де Токвиля, Дж. Тернера, А. Туренного, А. Хайека, Ю. Хабермаса, Д. Хоровитца, К. Шмидта, Й. Шумпетера и др.

Важным выводом, вытекающим из анализа их работ, является то, что политические конфликты в своем возникновении и развитии тесно связаны не только с чисто политической сферой жизни общества, но и с экономической, социальной, исторической, этнической, правовой и другими его сферами, особенности которых также должны быть учтены при исследовании политических конфликтов. В этом смысле исходный плюрализм, свойственный социальным отношениям, выступает в качестве основы возникновения конфликтов, которые приобретают свое

воплощение в политической, экономической, правовой или любой другой сфере. Кстати, именно так понимали политический конфликт и его источники М. Дюверже, К. Дойч, Д. Аптер, С. Липсет.

Отсюда неопровержимая актуальность обращения к проблематике политических конфликтов и специфике их развертывания и урегулирования. Кроме того, исследование данной темы позволяет получить достаточно точный критерий для оценки демократичности и эффективности политического режима.

Политический процесс, содержание которого можно рассматривать как разные формы взаимодействия политических субъектов, включает в себя и конфликтные отношения. Не вызывает сомнений тот факт, что конфликт с самого начала вмонтирован в социальные процессы и является способом существования любого общества. Как отмечает Д. Фельдман, «конфликты присущи всем сферам общественных отношений, и хотя почти каждый из них может иметь политическое значение, но только конфликты по поводу власти, из-за отношений господства и подчинения являются политическими» [1; с. 136]. Исходя из этого, политический конфликт выступает как фактор общественной динамики и активного самоопределения политических субъектов. По этому поводу Р. Дарендорф отмечает, что «современный социальный конфликт связан с общими гражданскими правами в мире все более разнообразных и богатых шансов выбора. Конфликт этот основан на социальной принадлежности, решается на политической арене и имеет огромное количество видов, сформированных конкретными культурными условиями и историческими ситуациями» [2; с. 143-144]. Согласование социальных противоречий путем рационально осознанного конфликта укрепляет демократические принципы общества.

Конфликт в политической науке трактуется как «столкновение, противоборство разных социально-политических сил, субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные, в первую очередь, с борьбой за получение власти, ее перераспределение, изменение своего политического

Оксана МАЗУР

статуса, а также с политическими перспективами развития общества» [3; с. 515]. По убеждению Д. Аптера, в странах, где политическая система находится на стадии становления, конфликты являются закономерным явлением [4; с. 43]. Вместе с тем, логика демократической политической конкуренции требует создания соответствующих «правил игры», благодаря которым институализируется феномен политического конфликта как главный механизм разрешения противоречий и реализации политических инноваций. Введение политического конфликта в качестве законного элемента в структуру политической системы происходит через избирательное законодательство и политическое представительство, соответствующие структуры исполнительной власти и их связи с законодательной властью.

Институционализация конфликтов дает возможность каждой группе преследовать свои групповые интересы, которые, однако, ограничиваются интересами других групп. Опасность столкновения доминирующих групп с новыми контрагентами вынуждает их, и других корректировать и рационализировать свои интересы, сокращает отрыв последних от реальности, поскольку такой отрыв неминуемо приносит потери при взаимодействии с другими группами. Интеграционная и информативная функции конфликтов настолько существенны для модернизации, что она оказывается недостижимой для тех обществ, в которых пытаются подавлять внутренние конфликты. Вообще, демократия крепка тогда, как заметил А. Пшеворский, когда большинство конфликтов решаются при посредничестве демократических институтов, когда никому не разрешено контролировать результаты *ex post* и они не предрешены *ex ante*; результаты значимы в известных пределах и вынуждают политические силы им подчиняться [5; с. 36].

Следовательно, с одной стороны, конфликтность легитимизирует существование разных групп интересов, способствуя становлению новых групп, и открывает путь для структурных перестроек и изменения ориентации всего общества в целом. Взаимодействие равноправных конфликтующих субъектов обеспечивает гибкость общественной организации и ее высокую адаптационную способность по отношению к действиям внешней среды. С другой, - интенсивность политических конфликтов напрямую зависит от степени развитости и удовлетворенности интересов людей, коллективов, социальных слоев, классов [6; с. 375].

По мнению И.П. Шевеля и В.С. Казакова, глубинной причиной конфликтов является неравенство между людьми. Это неравенство может быть двух видов: качественное или политическое, которое можно устранить, и количественное, экономическое, которое устранить невозможно. Если качественное неравенство устранено, то количественное теряет свою остроту, более того, качественное политическое отличие прошлого стало теперь количественным

экономическим отличием между людьми [7]. Возникновение и развитие политических конфликтов в определенной степени детерминируются социально-политической средой, в которой они происходят. Но, согласно теории социального действия и теориям социального конструктивизма, и сами субъекты конфликтного взаимодействия, в результате целеустремленных и спонтанных действий конструируют новую объективную реальность, которая становится средой для новых социально-политических конфликтов. Так, в результате демократизации политической системы и либерализации экономики в 90-х годах прошлого века, в Украине возникли новые условия для возникновения и развития политических конфликтов, которые не могли сформироваться в условиях авторитаризма и плановой экономики.

В тот момент, когда жизненные шансы оказались несвязанными с правами или перестали обуславливаться ими (точнее, неравенством прав), а лишь связанными с их обеспечением, конфликт приобрел новую форму. Для ее обозначения в 1943 году Д. Андерсоном и П. Девидсоном был введен термин «демократическая классовая борьба», который в 1959 году стал использовать и С. Липсет. В таком виде они представляли классовую борьбу в условиях демократического общества. Р. Арон для этих же целей употребил термин «здоровое соперничество». Действительно, современное общество не уничтожает отличий между людьми, не устраняет социальных противоречий, которые ведут к политическим конфликтам. Но они не приобретают насильственного и разрушительного характера, они укрощаются организациями и институтами, с помощью которых они могут найти свое выражение в рамках конституционного строя. То есть, они имеют высокий уровень нормативной регуляции, говоря словами другого известного социолога Льюиса Козера, это высоко- или полностью институционализированные конфликты [8; с. 187]. Политико-конфликтные отношения, которые связаны прежде всего с борьбой за общественный статус и власть, в то же время в условиях переходного общества невозможно определять как сугубо моноконфликтные, они, как правило, охватывают широкий спектр не только собственно политической, но и социальной, экономической, этнической, религиозной и других сфер и сторон жизни общества. Согласно гипотезе российских исследователей В. Якимец и Л. Никовской, в контексте анализа социальных конфликтов в условиях трансформации общества, более адекватной является категория сложносоставного конфликта [9; с. 77-90]. Собственно, суть современного социального конфликта заключается в том, что он может активизировать одновременно процесс расширения и обеспечения прав и таким образом увеличить жизненные шансы, под которыми Дарендорф понимает сумму благоприятных возможностей, которые предоставляет общество и государству гражданину [10].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Понятно, что политические конфликты возникают не только в странах, которые находятся на стадии становления и развития демократических институтов, но и в государствах, давно признанных демократическими, в том числе и в тех, которые являются «столбами мировой демократии». Однако анализ украинской политической реальности, которая характеризуется повышенным динамизмом социальной сферы, обострением политико-властных отношений, осложнением процесса демократических преобразований, свидетельствует о том, что более важной и актуальной является проблема возникновения и протекания политических конфликтов в процессе демократизации общества.

В таких условиях социально-политический конфликт как неотъемлемый элемент политического процесса может разворачиваться в трех взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, конфликт, который возникает в социуме и влияет на «появление и развитие конфликтов в сфере политики»; во-вторых, конфликт в сфере политики, который имеет «сугубо политическую природу», но влияет на социум и предопределяет повышение социальной конфликтности; в-третьих, «конфликт между социумом и политикой», то есть, между гражданами, которые делегируют государству часть своего суверенитета, и теми органами государственной власти и отдельными политиками, которые реализуют государственно-властные полномочия [11].

В понимании А. Глуховой, «политический конфликт — это теоретическая и практическая борьба субъектов политики: доверенных лиц больших социальных групп, мобилизованных с помощью номинации за власть с целью модификации трансформировать или сохранить социальный порядок. Условием реализации этой цели является обладание объективным капиталом (финансы, право, репрессивный аппарат и т. п.)» [12; с. 24]. В таком измерении политический конфликт связывается не с насилием, а рассматривается как средство модернизации общества, которое предусматривает мобилизацию людей на принципах общих интересов.

Вообще, по мнению Д. Белла, «демократия по своей природе конфликтна». Более того, говоря словами А. Пшеворского, «демократия — лишь система урегулирования конфликтов, которая обходится без убийств; это система, в которой есть расхождения, конфликты, победители и побежденные. Только в авторитарных системах не бывает конфликтов» [13; с. 28]. А. де Токвиль по этому поводу отмечает, что демократические институты стимулируют «страстное желание равенства, не имея возможности удовлетворить его в полной мере» [14; с. 183]. Причиной этого является процесс становления современного постиндустриального общества, в котором к политике привлекается огромное количество претендентов и происходит умножение количества интересов и политизированных собраний. По словам Д. Белла, «тради-

ционные социальные конфликты просто сместились из одной сферы в другую... борьба традиционных классов в сфере экономики, где люди добывали сравнительные преимущества в статусе, привилегиях и влиянии, в настоящее время переместилась в область политики. Именно этот процесс происходил в последние годы, и он будет длиться в будущем» [15; с. 503]. Д. Белл в четкой форме впервые дал понять, что конфликты будущего будут основаны не столько на противоречии материальных интересов полярных общественных классов, сколько на несравнимости этосов отдельных социальных групп, этосов профессионализма и себялюбия, этосов традиционного рационализма и экспрессивизма, который приходит ему на смену [16; с. 503]. К тому же, современные политические конфликты демонстрируют растянутость во времени и неопределенность результатов, в частности, наблюдается так называемый парадокс асимметрии, то есть несостоятельность сильного противника одержать победу над более слабым. Поэтому все чаще конфликтующие силы отдают предпочтение консенсусным решениям по поводу возникающих проблем. Таким образом, как справедливо отмечают Р. Фишер и В. Юри, «в наше время все чаще приходится обращаться к переговорам: ведь конфликт является, образно говоря, индустрией, которая развивается. Каждый человек хочет участвовать в принятии решения, которое его задевает; все меньше людей соглашаются с навязанными кем-то решениями. Люди с разными интересами используют переговоры с целью урегулировать свои расхождения» [17; с. 18]. Естественно, что люди желают иметь возможность влиять на решения, которые влияют на их жизнь, а путем переговоров достигается постепенный консенсус, и, как правило, происходит урегулирование конфликта без ощутимых потерь для обеих сторон.

Однако трансформационные процессы, по мнению ряда исследователей, характеризуются противоречием между конфликтом и консенсусом [18; с. 345].

Известно, что демократия является институализированной системой для возникновения и решения всевозможных конфликтов, которые появляются при распределении дефицитных ресурсов, - власти, социального статуса, материальных ресурсов и т. п. Для этого необходимы жестко фиксированные правила игры и стабильность политической конкуренции, которая достигается на этой основе. Фактически, это означает достижение так называемого процедурного консенсуса, то есть согласия относительно демократических процедур, основанных на общеприемлемом осознании соразмерности и справедливости институциональных правил. Вместе с тем, на уровне конкретной политики и политических программ никакого долговременного согласия быть не может, в рядах политической элиты должен сложиться крепкий консенсус по этому поводу. На уровне программ или

Оксана МАЗУР

политического курса именно конфликты являются необходимым условием демократии.

В развитых демократиях политический консенсус является не только залогом устойчивого развития внутренней экономики и добрососедских связей с партнерскими странами, он также обеспечивает развитие культурного многообразия на базе общих ценностей солидарности, ненасилия и терпимости. Как считает С. Хантингтон, «отличия между демократией и диктатурой меньше, чем отличия между теми странами, в которых существует консенсус, единство, законность, организация, эффективность, стабильность, и теми странами, в политике которых отсутствуют эти черты» [19; с.14].

Однако интересы в демократическом государстве могут быть реализованы только с помощью институтов. Если же институциональная конфигурация политического режима является неадекватной политической действительности, то интересы не воспринимаются ни как эффективные ни как справедливые, и конфликт усложняется, перемещается с уровня политической деятельности на уровень политической системы. В этом случае политические институты начинают оспариваться и становятся объектом борьбы интересов. Эта борьба значительно обостряется в том случае, когда институты отдают преимущество какой-то одной политической или социальной группе за счет других и выразительно прослеживаются эффекты создаваемого ими перераспределения. Политические силы, которые выигрывают от существующих институциональных моделей, пытаются стабилизировать институты, тогда как силы, которые проигрывают от этого, стремятся к изменению этих моделей с помощью создания коалиций и усиления стратегий борьбы. Опыт украинского демократического строительства подтверждает данные аргументы такими событиями как борьба за место Президента в 2010 году и конституционная реформа 2011 года; бурная и неоднозначная деятельность парламента Украины пятого, шестого и седьмого созывов, где происходили политические противостояния, причинами которых были нежелание достичь консенсуса и личное неприятие противника.

Для того чтобы заставить основные политические силы в процессе или в результате трансформации реализовывать свои интересы в рамках демократии, а не за их пределами, нужны, как считает российская исследовательница А. В. Глухова, так называемые «институциональные гарантии», которые исключают возникновение двух видов конфликтных ситуаций [20; с. 118]. Во-первых, нельзя допускать того, чтобы только одна политическая сила доминировала в формировании политических институтов и определяла результаты их деятельности. Во-вторых, необходимо помешать установлению крепкого господства только одного политического института в рамках режима. Только в том случае, если оба этих условия выполняются одновременно, отмечает

исследовательница, акторы, преследующие собственные интересы, будут придерживаться установленных правил. Эти условия особенно важны для многосоставных обществ, где существуют явные религиозные, культурные, языковые, этнические, или социально-экономические расколы и где особенно важно избегать долговременного доминирования одной политической группировки во вред меньшинствам, так как это может снизить кредит доверия к политическим институтам в целом.

В исследовании «Политический конфликт как механизм постсоциалистических трансформаций (Восточноевропейский опыт и проблемы России)» А. В. Глухова предлагает определенный набор институциональных ограничений, которые могут предотвратить доминирование единственной политической силы, а именно: пропорциональная система представительства с низким барьером, которая предоставляет возможность даже небольшим по численности социальным сообществам быть представленными в парламенте; многопартийность, возникновению которой способствует приведенная избирательная система; роль парламентской оппозиции с ее возможностью вынесения вотума недоверия; эффективная исполнительная власть, которая наделена незначительными законодательными полномочиями [21; с. 118-119].

Стратегией, которая должна предотвратить господство единственного политического института, является четкое разделение ветвей власти, которое реализуется с помощью создания двухпалатного парламента, федерального уклада государства, системы местного самоуправления, соответствующего судопроизводства, в частности в отрасли конституционного права.

Вместе с тем даже этих многочисленных институциональных пределов все же может быть недостаточно для нормального политического соперничества, если нет консенсусно-ориентированного поведения политических элит, которое должно нейтрализовать центробежные и дезинтегрирующие силы в плюралистическом обществе. Если не существует такого консенсуса, то институциональные пределы в действительности являются, по словам Дж. Сартори, «суматохой вокруг власти», и способствуют лишь обострению политических конфликтов, по принципу конфликтов «с нулевой суммой», а не их полноценному урегулированию. В этом смысле важными являются замечания А. Гальчинского о том, что «общественные противоречия — это не угроза демократии. Это скорее инструменты демократии. Угрозу могут повлечь лишь такие конфликты и противоречия, при которых стороны, абсолютизируя свою позицию, обнаруживают несостоятельность к компромиссу. Должны обязательно подняться именно к такому пониманию демократического процесса, при котором сочетание консенсуса с конфликтом является органическим и даже необходимым» [22; с. 127].

Стабильные политические системы, как правило,

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

демонстрируют реальную действенность консенсусных механизмов решения политических конфликтов, тогда как переходные политические системы отличаются отсутствием таких механизмов, и такая ситуация превращает позитивный потенциал политических конфликтов в разрушительный. Как замечает В. Литвин, «конфликт превращается из средства общественно-политического развития в мину замедленного действия, которая может легко уничтожить все и всех, - не говоря уже о том, что такие конфликты практически полностью делают невозможными любые конструктивные реформационные действия» [23].

Для переходных обществ, в которых модернизация политических систем вызывает возникновение конкурентного взаимодействия двух или более сторон в процессе артикулирования и отстаивания собственных интересов, прав и полномочий, характерным является повышенный уровень политической конфликтности. Здесь уместным будет обратиться к теории «регулируемого конфликта» Р. Дарендорфа, согласно которой реализация демократических ценностей, принципов свободы, толерантности, плюрализма, гражданских прав и свобод возможна лишь в условиях регулируемого конфликта, такого, которому присущи признаки сбалансированности и консенсуальности. Иными словами, «лишь регулируемые политические конфликты способны выполнять для

государства и общества определенную позитивную роль, невзирая на те возможные материальные, политические, социальные или моральные убытки, какие они обычно несут с собой. Сущность заключается в выявлении реальных общественных противоречий, более четком осознании общественных интересов и содействии изменениям в обществе и политике» [24].

Следовательно, эффективность и работоспособность демократического политического режима зависит от возможности ведущих политических институтов и актеров определять и соблюдать общие правила и приемы политической борьбы. Политические конфликты, которые сопровождают процесс воплощения в жизнь демократических ценностей и свобод, должны происходить в определенном политико-правовом пространстве, которое обеспечивает противников средствами и гарантиями относительно отстаивания собственных интересов. Как уместно замечает П. Рикер, «демократия не является политическим режимом без каких-либо конфликтов, а таким режимом, где конфликты открыты. Устранить конфликт... является химерной идеей. В обществе, которое все более усложняется, конфликты не уменьшаются ни по своему количеству, ни по своей сложности. Существенным при этом является то, чтобы они могли быть выражены публично и чтобы существовали правила их обсуждения» [25; с. 175].

Литература:

1. Фельдман Д. Конфликты в мире политики. Конфликтология: Хрестоматия. Составитель: Н. И. Леонов. - Москва: Московский психолого-социальный институт. - Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. - 304 с.
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. Ральф Дарендорф, пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. - Москва: "Российская политическая энциклопедия", РОССПЭН, 2002. - 208 с.
3. Політологічний енциклопедичний словник. Упорядник В. П. Горбатенко, За ред. Ю. С. Шемшученка, В. Д. Бабкіна, В. П. Горбатенко, 2-е вид. - Киев: Генеза, 2004. - 736 с.
4. Аптер Д. Э. Введение в политический анализ. Дэвид Аптер. Социология политики. Реферативный сборник. Под ред. Т. В. Андриановой. - Москва, 1981, с. 41-67.
5. Пшеворский А. Переходы к демократии. Путь: Межд. филос. журнал, 1993, № 3, с. 25-46.
6. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. Под общей редакцией В. И. Жукова, Б. И. Краснова. - Москва: МГСУ, Изд-во "Союз", 1997. - 992 с.
7. Шевель И. П. Ральф Дарендорф о социальных конфликтах. Шевель И. П., Казаков В. С. - [http://visnyk-prsp.kpi.ua/uk/2010-3/10%20-%203\(7\)%20-%206.pdf](http://visnyk-prsp.kpi.ua/uk/2010-3/10%20-%203(7)%20-%206.pdf).
8. Козер Л. Завершение конфликта. Льюис Козер, Козер Л. Функции социального конфликта. Пер. с англ. О. А. Назаровой. - Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000, с. 187-197.
9. Якимец, В. Н. Сложносоставные конфликты атрибут постсоциалистической трансформации. Текст. - В. Н. Якимец, Л. И. Никовская. Социс. (Москва, Российская Федерация), 2005, №8, с. 77-90.
10. Шевель И. П. Ральф Дарендорф о социальных конфликтах. Шевель И. П., Казаков В. С. - [http://visnyk-prsp.kpi.ua/uk/2010-3/10%20-%203\(7\)%20-%206.pdf](http://visnyk-prsp.kpi.ua/uk/2010-3/10%20-%203(7)%20-%206.pdf).
11. Литвин В. Сучасна Україна у дзеркалі суспільно-політичних конфліктів. Володимир Литвин. Урядовий кур'єр, 23.11.2002. - http://lib.rada.gov.ua/LibRada/static/LIBRARY/vistupi/litvin/uradk_02_11_23.html.
12. Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика: Теоретико-методологический анализ. А. В. Глухова. - Москва: Эдиториал УРСС, 2000. - 280 с.
13. Пшеворский А. Переходы к демократии. Путь: Межд. филос. Журнал, 1993, № 3, с. 25-46.
14. Tocqueville A. Democracy in America. - New York, 1966. с. 183.
15. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Дэниел Белл. Изд. 2-ое, испр. и доп. - Москва: Academia, 2004, CLXX. -788 с.
16. Там же.
17. Путь к согласию, или Переговоры без поражения: пер. с англ. Р. Фишер, У. Юр, Отв. ред. В. А. Кременюк. - Москва: Наука, 1990. - 157 с.
18. Рюб Ф. В. Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы. Ф. В. Рюб, Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. - Санкт-Петербург, - Москва, - Берлин, 2003. Т.1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. - 510 с.
19. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven. - London, 1968, с. 1-4.
20. Глухова А. В. Политический конфликт как механизм постсоциалистических трансформаций (Восточноевропейский опыт и проблемы России). А. В. Глухова. Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика, 2007, №3, с. 114-124. - <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-konflikt-kak-mehanizm->

Оксана МАЗУР

postsotsialisticheskikh-transformatsiy-vostochnoevropeyskiy-opyt-i-problemy-rossii.

21. Там же, с. 118-119.

22. Гальчинський А. Помаранчева революція і нова влада. - Київ: Либідь, 2005. - 368 с.

23. Литвин В. Сучасна Україна у дзеркалі суспільно-

політичних конфліктів. Володимир Литвин. Урядовий кур'єр. 23.11.2002. - http://lib.rada.gov.ua/LibRada/static/LIBRARY/vistupi/litvin/uradk_02_11_23.html.

24. Там же.

25. Рікер П. Навколо політики. Поль Рікер. Пер. з фр. - Київ, 1995. - 334 с.

Summary

The range of problems of political conflicts, level of their intensity and effectiveness is investigational in the article, because in a modern political process for that transformation and modernization tendencies are characteristic, the political opposing differs in the high degree of prevalence and sharpness. Depending on that, what facilities and methods various interests and requirements are expressed and accord in a political sphere, it is possible, in our view, to define the level of democratic character and efficiency of the political mode.

From here irrefutable actuality of address to the range of problems of political conflicts and specific of their development and settlement. In addition, research of this theme allows to get an exact enough criterion for the estimation of democratic character and efficiency of the political mode.

Keywords: Political conflicts, modern political process, political sphere, political mode.

Руслан ШЕВЧЕНКО,
доктор истории, главный специалист Ассоциации
«Мемориал»

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ: ЭТАП БЕСПЛОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ (1994-2013)

Сразу после подписания соглашения о прекращении огня (12 мая 1994 г.) Россия предложила разместить в Карабахе международные миротворческие силы. Азербайджан с этим согласился, однако Турция выступила против, ссылаясь на то, что в плане не упомянуты Шуша и Лачин. Против выступили и США. В результате, на заседании Минской группы 7-8 июля и 17 октября 1994 г. российский план был окончательно отвергнут. Тем временем Армения подписала 23 августа 1994 г. с представителями армян Карабаха договор о единой валюте, что вызвало дипломатический протест МИД Азербайджана армянским коллегам [3; с. 210, 222]. В октябре 1994 г. Азербайджан посетил Генеральный Секретарь ООН Б.Гали, который тоже отверг план России, но поддержал идею введения в регион многосторонних сил. Он озвучил 4 основных принципа, на которых основывается отношение ООН к этому конфликту: территориальная целостность Азербайджана, неприкосновенность границ, недопустимость применения силы для захвата территорий, скорый и безусловный вывод войск со всех оккупированных территорий. Он пообещал добиваться исполнения прежних резолюций ООН по Карабаху, поддержать миротворческую деятельность Минской группы, сыграть посредническую роль между установлением мира и безопасности и недопустимостью повтора военных инициатив [3; с. 210-211].

5-6 декабря 1994 г. в Будапеште состоялся саммит глав государств – участниц СБСЕ, где нагорно-карабахский вопрос был включен отдельным пунктом в повестку дня. Президент Азербайджана Г.Алиев заявил, что для его страны неоспоримыми и необсуждаемыми являются неприкосновенность границ, территориальная целостность, вывод армянских войск со всех захваченных территорий и возвращение беженцев на свои исконные земли. В резолюции по итогам саммита указывалось, что в Карабах должен быть направлен многонациональный контингент миротворцев, поэтому необходимо учредить институт сопредседателей на Минской конференции, обеспечить длительность прекращения

огня, организовать интенсивные встречи для подписания политического договора по завершении вооруженного противостояния. По окончании встречи Россия стала сопредседателем Минской группы, но многонациональный контингент миротворцев в регион введен не был [3; с. 211].

После саммита Минская группа работала над тремя проблемами: укрепление режима прекращения огня, продолжение процесса переговоров для заключения большого политического договора и решение гуманитарных проблем. В 1995 г. на переговорах в Москве с участием Армении, Азербайджана и армянской и азербайджанской общин Карабаха, а также на встречах Минской группы выдвигались вопросы вывода армянских войск из Шуши, Лачина и Геранбоя, но Армения отвергала эти предложения, и встречи терпели крах [3; с. 211-212].

2-3 декабря 1996 г. на саммите ОБСЕ в Лиссабоне Президент Азербайджана Г.Алиев разъяснил составные части возможного компромисса: признание территориальной целостности Азербайджана, обеспечение безопасности всему населению Нагорного Карабаха в составе Азербайджана. Однако пункт о территориальной целостности Азербайджана был отвергнут Арменией на саммите, и тогда Азербайджан, в свою очередь, отклонил весь документ. По предложению США, поддержанному Азербайджаном, председатель ОБСЕ Ф.Котти сделал заявление по урегулированию конфликта, в котором подтверждалась территориальная целостность Азербайджана, обязательство Азербайджана дать Карабаху самый высокий юридический статус в своем составе, обеспечить региону и его жителям безопасность, которая будет соответствовать обязательствам всех участников урегулирования. Протесты Армении не были приняты во внимание, и заявление Ф.Котти было включено в документы саммита [3; с. 212].

В начале 1997 г. был учрежден институт тройного сопредседательства (Россия, Франция, США, ранее председателями были Италия, Швеция, Россия и Финляндия). 1-5 апреля 1997 г. состоялись последние переговоры в рамках Минской группы, на

Руслан ШЕВЧЕНКО

которых Азербайджан выдвинул вопрос освобождения Шуши и Лачина. Армения и армянская община Карабаха связала этот вопрос с проблемой его статуса, что противоречило мандату Минской группы, и встреча провалилась [3; с. 213]. После этой встречи сопредседатели стали совершать визиты в регион, во время которых выдвигали сторонам предложения по урегулированию. Так, 1 июня 1997 г. сопредседатели предложили проект Соглашения об урегулировании нагорно-карабахского конфликта, который включал в себя самостоятельные соглашения о прекращении вооруженного конфликта, соглашение сторон по спорным вопросам, сбор всех проблем и аспектов в одном пакете с последующим осуществлением всех действий, а также о статусе Нагорного Карабаха. Однако Армения эти предложения отвергла, вследствие чего переговоры по этому проекту также провалились [2; с. 125; 3; с. 213].

Новые предложения были представлены посредниками 19-23 сентября 1997 г. в ходе нового визита в регион. Они заключались в освобождении 6 оккупированных районов Азербайджана, развертывании операции ОБСЕ по поддержанию мира, возвращению населения на освобождаемые территории и восстановление основных коммуникаций в зоне конфликта. Затем предполагалось решить проблемы, связанные с Лачином и Шушой, а также принять основные принципы урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Как следствие, если бы это удалось осуществить, должна была состояться Минская конференция ОБСЕ для всеобъемлющего урегулирования конфликта. 10 октября 1997 г. президенты Азербайджана и Армении подтвердили, что предложения сопредседателей являются обнадеживающей основой для возобновления переговоров в рамках Минской группы. Однако вскоре тогдашний Президент Армении Л. Тер-Петросян, подвергшийся ожесточенной критике оппозиции за эти «предательские уступки» вынужден был в феврале 1998 г. подать в отставку. А его преемник (с марта 1998 г.) Р. Кочарян, исходящий из того, что Нагорный Карабах является «исторической армянской территорией и ее присоединение к Армении является актом восстановления исторической справедливости, отозвал во время нового визита сопредседателей в регион, согласие с их предложениями, данное предшественником [2; с. 125-126; 3; с. 71].

9 ноября 1998 г. посредники выдвинули новые предложения, основанные на концепции «общего государства». Они предусматривали превращение Нагорного Карабаха в государственное и территориальное образование в форме республики, с образованием общего государства с Азербайджаном в его международном признанных границах. Азербайджан отклонил эти предложения, так как они нарушали его суверенитет и территориальную целостность, а также противоречили Лиссабонским принципам. После этого переговоры зашли в тупик. Президент Азер-

байджана Г. Алиев был вынужден обратиться с письмом к Президентам США Б. Клинтону и Франции – Ж. Шираку с просьбой быть тверже в отстаивании лиссабонских принципов. В том же 1998 г. Г. Алиеву удалось добиться, чтобы Нагорный Карабах был выведен за рамки переговорного процесса [3; с. 214, 321]. В 1999-2001 гг. состоялись несколько встреч Президентов Азербайджана и Армении, в том числе 26-27 января 2000 г. и 4-6 марта 2001 г. в Париже (последняя – с участием Ж. Ширака), но также безрезультатно.

Стамбульский саммит ОБСЕ (18-19 ноября 1999 г.) дал в своем итоговом документе положительную оценку действиям сопредседателей Минской группы, выразив удовлетворение участвовавшим диалогом между лидерами Азербайджана и Армении и призвал к его продолжению в рамках Минской группы. В документе также подчеркивалось, что ОБСЕ и Минская группа готовы содействовать дальнейшему продвижению мирного процесса и его будущей реализации [2; с. 126-127]. 3 апреля 2000 г. Президенты Армении и Азербайджана встретились в Ки-Весте (США), обсудив там вопрос обмена территориями. Армения выдвинула неприемлемые предложения, Г. Алиев напомнил, что Армения первая выдвинула территориальные претензии Азербайджану, поддерживала террористов в Карабахе, начала там военную агрессию и провела этническую чистку. Это его заявление было распространено среди членов ОБСЕ в качестве документа Совета Безопасности ООН. 9 апреля 2000 г. оба Президента встретились отдельно друг от друга с Президентом США Д. Бушем и 10 апреля положительно оценили свою Ки-Вестскую встречу. Представители Минской группы предложили провести и встречу спецпредставителей Президентов сторон, но такая встреча в Праге (29-30 июля 2000 г.) оказалась безрезультатной [2; с. 127; 3; с. 215].

Совет Министров ОБСЕ на своем заседании в Бухаресте 3-4 декабря 2001 г. также отметил важность мирного диалога и призвал стороны продолжать усилия по скорейшему урегулированию конфликта на основе норм и принципов международного права, а также рассмотреть вопрос о дополнительных мерах доверия, включая освобождение военнопленных. В марте 2002 г. сопредседатели Минской группы провели еще один визит в регион и предложили в дальнейшем вести переговоры на уровне личных представителей Президентов обеих стран, что было принято Азербайджаном и Арменией. Такие встречи состоялись 13-15 мая и 29-30 июля 2002 г. в Штирине (близ Праги) и 15 ноября 2002 г. в Вене [2; с. 127].

На заседании Совета Министров ОБСЕ 6-7 декабря 2002 г. в Порто была выражена озабоченность неурегулированностью нагорно-карабахского конфликта, несмотря на участвовавшие контакты представителей сторон. ОБСЕ вновь призвало Азербайджан и Армению как можно скорее прийти к соглашению в отношении Нагорного Карабаха и

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ: ЭТАП БЕСПЛОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ (1994-2013)

рассмотреть вопрос о дополнительных мерах по укреплению взаимного доверия. В этой связи приветствовались встречи Президентов Армении и Азербайджана и их спецпредставителей. Делегация Азербайджана выступила в связи с этим решением с интерпретирующим заявлением.

Тема армяно-азербайджанского конфликта прозвучала и в выступлении Председателя Совета Министров ОБСЕ в Маастрихте (1-2 декабря 2003 г.), в котором была выражена обеспокоенность неудачными попытками урегулировать конфликт и призыв удвоить усилия для его скорейшего разрешения. Делегация Азербайджана также выступила здесь с соответствующим заявлением [2; с. 127-128].

С 2004 г. начались и прямые переговоры министров иностранных дел Азербайджана и Армении в рамках «пражского процесса». На заседании Совета Министров ОБСЕ 6-7 декабря 2004 г. в Софии было принято заявление по нагорно-карабахскому конфликту, где приветствовались встречи президентов обеих стран, несмотря на то, что они не пришли к согласию по основной теме переговоров. Так как армянская сторона выступила с комментариями по поводу этого заявления, МИД Азербайджана пояснил, что сопредседатели указали только общие контуры обсуждающихся отдельных принципов мирного урегулирования, но само урегулирование на данном этапе невозможно ввиду продолжающейся военной оккупации Нагорного Карабаха и этнической чистки. По мнению внешнеполитического ведомства Азербайджана, определение статуса Нагорного Карабаха станет возможным, после освобождения оккупированных территорий, демилитаризации зоны конфликта и надлежащих международных гарантий безопасности для жителей региона, которые пожелают вернуться в места своего постоянного проживания. Азербайджан обязался предоставить Карабаху самый высокий статус автономии в рамках Азербайджанской Республики и на основе ее Конституции. Однако было подчеркнуто, что территориальная целостность Азербайджана не является и не может являться предметом переговоров [2; с. 128].

Тогда же, 23 ноября 2004 г. по настоянию Азербайджана, началось обсуждение положения на оккупированных территориях Азербайджана. Минская группа направила туда миссию для проведения соответствующего расследования, принятую 28 января 2005 г. новым Президентом Азербайджана И. Алиевым, вручившим гостям документы по данному вопросу. 30 января-5 февраля 2005 г. миссия обследовала оккупированные районы и достоверно выявила примерно 15-16000 перемещенных туда Арменией лиц. Соответствующий доклад был представлен 17 марта 2005 г. на заседании Постоянного Совета ОБСЕ в Вене. Затем положение на этих азербайджанских территориях вновь обсуждалось на Генеральной ассамблее ООН 20 сентября 2005 г., 7 сентября 2006 г. и 14 марта 2008 г., предло-

женные Азербайджаном документы и проект резолюции по вопросу были приняты, а 30 марта 2009 г. Генеральный секретарь ООН вновь подчеркнул факт оккупации азербайджанских земель в своем докладе [3; с. 223-226].

В ноябре 2005 г. ПАСЕ принял резолюцию №1416 «О конфликте в нагорно-карабахском регионе, решением которого занимается Минская конференция ОБСЕ. В резолюции подтверждалось, что независимость и выход какой-либо региональной территории из состава государства возможен лишь в результате законного и мирного процесса, на основе демократической поддержки жителей этой территории, а не вследствие вооруженного конфликта, ведущего к изгнанию по признаку этнической принадлежности и фактической аннексии такой территории другим государством. В тексте также отмечалось, что оккупация иностранной территории любым государством-членом представляет собой серьезное нарушение обязательств этого государства как члена Совета Европы, подтвердив право перемещенных лиц на безопасное и достойное возвращение в свои дома [1; с. 24].

Однако и эта открытая поддержка позиции Азербайджана со стороны ПАСЕ не повлияла на позицию Армении. 10-11 февраля 2006 г. в замке Рамбуэе состоялась еще одна встреча лидеров Азербайджана и Армении, окончившаяся безрезультатно. 22 июня 2006 г. сопредседатели Минской группы ОБСЕ представили основные принципы последнего на то время варианта урегулирования карабахской проблемы. От прежних его отличали несколько элементов – проведение референдума на территории Нагорного Карабаха и «особый подход» к районам Лачин и Кельбаджар, откуда тоже следовало вывести армянские войска, разминирование, проведение восстановительных работ, отказ от применения силы и угрозы ею и т. д. К концу 2007 г. эти принципы были доработаны и представлены Минской группой 29 ноября 2007 г. в виде т.н. «Мадридских принципов» на заседании Совета министров иностранных дел стран-членов ОБСЕ. В документе сторонам конфликта предлагалось дать гарантии по безопасности и размещению миротворческих сил, вывести вооруженные силы Армении и Карабаха из оккупированных территорий, с соблюдением особых условий по Кельбаджару и Лачину, возратить депортированное население в родные места, открыть все транспортные и торговые коммуникации, определить временный статус Карабаха на основе принципов территориальной целостности государства, референдума и права нации (народа) на самоопределение» [3; с. 86, 216-217].

После парламентских и президентских выборов в Армении в 2007-2008 гг. взгляды Еревана на карабахскую проблему несколько изменились. Новый президент С. Саргсян и поддерживающая его правящая коалиция (Республиканская партия, Партии «Прцветающая Армения» и «Страна Законности»)

Руслан ШЕВЧЕНКО

поддержали курс на ведение переговоров в рамках Минской группы. Главной целью Армении при этом является обеспечение «самоопределения народа Нагорного Карабаха», восстановление его статуса как стороны переговорного процесса и обеспечение постоянной сухопутной связи с Арменией. Мнение армянской оппозиции (Армянский национальный конгресс во главе с экс-президентом Л. Тер-Петросяном) отличается в данном случае от позиции правящей коалиции лишь в том, что АНК предлагает вынести на референдум в Армении и Карабахе окончательное соглашение по урегулированию карабахского конфликта [3; с. 71-72].

Тем временем ряд международных организаций продолжали высказывать поддержку позиции Азербайджана. Решительное осуждение позиции Армении и требование вывести все армянские силы со всех оккупированных территорий Азербайджана, а также обеспечение нормальных условий для жизни армянской и азербайджанской общин Карабаха содержалось в резолюции Генеральной ассамблеи ООН A/RES/62/243 «Положение на оккупированных территориях Азербайджана», принятой в марте 2008 г. [1; с. 24-25] Бухарестский саммит НАТО 2-4 апреля 2008 г. поддержал суверенитет и территориальную целостность Азербайджана. Но состоявшиеся в том же году две встречи Президентов двух стран и 5 встреч их министров иностранных дел потерпели неудачу [3; с. 217]. Осенью 2008 г. Россия предложила Азербайджану и Армении принять трехсторонний документ (подписантами должны были стать Армения, Азербайджан и Россия), закрепляющий намерения Баку и Еревана обеспечить политическое урегулирование конфликта. 2 ноября 2008 г. в подмосковной резиденции Президента РФ Д.Медведева замке Майендорф была подписана декларация этих 3 стран по Нагорному Карабаху. Этот документ стал первым с 1994 г., под которым поставили подписи лидеры обеих конфликтующих сторон – Азербайджана и Армении. Обе стороны согласились, что достижение мирного урегулирования должно сопровождаться юридически обязывающими международными гарантиями всех его аспектов и этапов, признали значение посреднической роли Минской группы. Они также договорились продолжить работу, в том числе в ходе дальнейших контактов на высшем уровне, над согласованием политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта [3; с. 54-55, 217-218].

Майендорфская декларация способствовала некоторому оживлению армяно-азербайджанских переговоров в этом направлении (Президенты обеих стран в 2009 г. встретились 6 раз, министры иностранных дел-3 раза) 29 июня 2009 г. состоялся даже визит Д.Медведева в Баку, в ходе которого Президент Азербайджана И.Алиев, напомнив принципы урегулирования конфликта и отметив, что сторонам «удалось сделать еще несколько шагов вперед», высказал надежду на то, что его разрешение вступает в заклю-

чительную фазу и «надежды на его урегулирование, наверное, больше, чем было несколько лет назад». Д.Медведев поддержал коллегу, заявив, что «участники переговоров готовы к тому, чтобы постепенно снимать расхождения, которые существуют в позициях по отдельным вопросам, и двигаться вперед» [3; с. 55-56, 218].

На волне некоторых успехов урегулирования Мадридские принципы были подвергнуты некоторому изменению, и в конце 2009 г. появился их уточненный вариант. В нем говорится о возвращении территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана, наделении Нагорного Карабаха промежуточным статусом, обеспечении гарантий безопасности и самоуправления, открытии коридора между Арменией и Нагорным Карабахом, определении в будущем окончательного правового статуса Нагорного Карабаха на основе юридически обязательного волеизъявления, обеспечении права всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места их прежнего проживания, а также о международных гарантиях безопасности и проведении операции по поддержанию мира [4].

Положительную оценку у специалистов получило о совместное заявление глав МИДа России, Франции, первого заместителя Госсекретаря США, а также министров иностранных дел Азербайджана и Армении 1 декабря 2009 г., где также отмечалась позитивная динамика переговорного процесса, которая способствовала более интенсивному диалогу между сторонами и продвижению к завершению согласования основных принципов мирного урегулирования конфликта, предложенных в Мадриде 29 ноября 2007 г. На основании всего этого международные эксперты в ходе «круглого стола» в Баку выразили надежду, что определенные результаты последуют и в 2010 г [3; с. 56-57].

Однако дальнейшие события показали, что до этих результатов все еще очень далеко. Азербайджан продолжал основываться на своей твердой позиции о том, что часть его территории находится под оккупацией и что азербайджанское население было подвергнуто чистке и вынуждено было бежать из региона (Президент Азербайджана И.Алиев 3 сентября 2010 г.), а Армения в Стратегии национальной безопасности от 7 февраля 2007 г исходит из того, что любое окончательное соглашение или окончательный документ должны получить одобрение карабахской стороны, чтобы закрепить «необратимую реальность фактического существования». НКР. В соответствии с ее положениями С. Саргсян уже 22 ноября 2009 г. на встрече с И.Алиевым в Мюнхене вновь попытался обсуждать уже ранее согласованные вопросы [3; с. 58-59, 218]. В январе 2010 г. в Сочи сторонам были предложены российские формулировки положений проекта Основных принципов урегулирования. Но С. Саргсян после некоторых раздумий не стал визировать этот документ и даже стал угрожать Москве сменой

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ: ЭТАП БЕСПЛОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ (1994-2013)

геополитической ориентации. Тогда Президент России Д.Медведев попытался уговорить в Петербурге уже И.Алиева подписать их, с учетом некоторых требований армян, выходящих за рамки последнего варианта Мадридских принципов. И тоже безрезультатно [3; с. 154-155]. Как показала встреча 17 июля 2010 г. в рамках Совета министров иностранных дел в Алма-Ате встреча глав МИД России, Франции, Армении, Азербайджана и зам. госсекретаря США, позиции сторон остались диаметрально противоположными, и совещание не дало результатов [3; с. 60]. Больше того, именно в июне-сентябре 2010 г. последовала волна нарушения перемирия на линии соприкосновения сторон, причем с большим числом жертв [3; с. 60, 88].

Можно выделить только два положительных события этих месяцев. Это резолюция Европарламента №2009/2216 (INI) «О необходимости стратегии ЕС на Южном Кавказе» от 20 мая 2010 г., повторившая требование вывода армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджана, развертывания международных сил в целях обеспечения необходимых гарантий безопасности в переходный период для населения Нагорного Карабаха. В ней также отмечалось, что временный статус Карабаха может являться промежуточным решением до определения окончательного статуса и установления рамок для мирного сосуществования и сотрудничества армянской и азербайджанской общин в регионе [1; с. 25].

Вторым таким событием стало Московское заявление Президентов США, России и Франции по карабахскому вопросу (26 июня 2010 г.), подтвердившее итоги встречи в Л'Аквиле (10 июля 2009 г.). Оно не только подтверждало готовность помочь Азербайджану и Армении в завершении согласования ими Основных принципов урегулирования конфликта, но и фиксировало порядок действий при его разрешении: возвращение территорий вокруг Карабаха, промежуточный статус для самого Карабаха с гарантиями безопасности и самоуправления, формирование коридора, связывающего Армению с Карабахом и определение окончательного правового статуса региона путем волеизъявления его жителей, с правом возвращения всех перемещенных и беженцев в прежние места своего постоянного проживания в Карабахе [3; с. 89-90].

В ходе встречи 27 октября 2010 г. в Астрахани между Президентами Азербайджана, Армении и России было принято совместное заявление, в котором подчеркивалось, что урегулирование конфликта политико-дипломатическими средствами требует дальнейших усилий по укреплению режима прекращения огня и мер доверия в военной области. В связи с этим стороны договорились безотлагательно провести обмен военнопленными и возвращение тел погибших при содействии сопредседателей Минской группы ОБСЕ и Международного Комитета Красного Креста [3; с. 73]. Однако далее дело не двинулось. Армения всячески сопротивлялась созданию подкомитета ПАСЕ по Карабаху [5].

В течение 2011-2013 гг. состоялся еще ряд встреч Президентов и министров иностранных дел Азербайджана и Армении, а также посещений Армении и Азербайджана представителями Минской группы. Так, на встрече Президентов 5 марта 2011 г. помимо тезиса о решении всех проблем сугубо мирными средствами говорилось и о том, что все возможные вооруженные инциденты должны были теперь расследоваться под эгидой сопредседателей Минской группы при участии спецпредставителя Председателя ОБСЕ [5]. В октябре 2011 г. Азербайджан вновь заявил о намерении поставить на обсуждение Совета Безопасности ООН карабахский вопрос [6]. На встрече Президентов двух стран 23 января 2012 г. в Красной Поляне с участием Президента России Д.Медведева обе стороны заявили о необходимости отойти от максималистских подходов и обсудили весь комплекс вопросов, пока остававшихся несогласованными [7]. Однако в остальной позиции сторон остались неизменными, что подтвердила встреча сопредседателей Минской группы ОБСЕ Роберта Браттке (США), Игоря Попова (Россия) и Жака Фора (Франция) 18 июня 2012 г. в Париже с министрами иностранных дел Армении и Азербайджана Эдвардом Налбандяном и Эльмаром Мамедъяровым [8]. Однако в сентябре того же года в Парламент Армении уже был внесен проект о признании независимости Нагорного Карабаха, что резко обострило ситуацию вокруг Карабаха [9]. В конце концов, вероятно, под сильным внешним давлением, Армения выразила готовность в июне 2013 г. подписать 6 принципов, регулирующих карабахское урегулирование [10].

Резюмируя сказанное, следует отметить, что период 1994-2013 гг. в истории армяно-азербайджанского конфликта четко делится на несколько этапов. К первому из них мы относим 1994-1998 гг. Это время, когда активность проявляла т.н. Минская группа, занимавшаяся решением вопросов укрепления режима прекращения огня, продолжения процесса переговоров для заключения большого политического договора и решения гуманитарных проблем. В это время на саммите ОБСЕ в 1996 г. было впервые ясно подтверждено право Азербайджана на территориальную целостность с предоставлением Нагорному Карабаху самых широких полномочий в своем составе. В 1997 г. Азербайджан даже добился признания Л.Тер-Петросяном согласия на возобновление переговоров на основе принципиально новых тезисов: освобождении 6 оккупированных районов Азербайджана, развертывании операции ОБСЕ по поддержанию мира, возвращению населения на освобождаемые территории и восстановление основных коммуникаций в зоне конфликта. Затем предполагалось решить проблемы, связанные с Лачином и Шушой и принципами разрешения нагорно-карабахского конфликта.

В ходе второго этапа, начавшегося в 1998 г. с прихода к власти в Армении Р.Кочаряна и резкого ужесточения позиции армянской стороны, что свело

Руслан ШЕВЧЕНКО

на нет достигнутые было договоренности, несколько изменяется расстановка сил среди международных структур, вовлеченных в решение конфликта. После провалившейся попытки Минской группы предложить Азербайджану заведомо порочную идею «общего государства» ее роль вплоть до 2002-2003 гг. резко снижается, хотя ей и удалось добиться более частых контактов представителей Армении и Азербайджана, и ее место занимает ОБСЕ, ежегодно обсуждавшая нагорно-карабахский вопрос на своих сессиях и периодически выражавшая неудовлетворенность ходом его разрешения.

Начало третьего этапа урегулирования нагорно-карабахской проблемы мы датируем примерно началом 2005 г., когда вопрос о положении на оккупированных территориях Азербайджана был обсужден в ОБСЕ, с резким осуждением позиции Армении, и в том же году – на сессии Генеральной ассамблеи ООН. С этого момента, как можно констатировать, все более частыми делаются решения различных международных организаций, осуждающих Армению за ее захват азербайджанских территорий. Т.н.Мадридские принципы (ноябрь 2007 г.) уже более чем недвусмысленно требовали вывода вооруженных сил Армении и Карабаха, возврата депортированных, определение статуса Карабаха (позже к этому добавилось уточнение, что оно должно происходить в ходе всенародного референдума после

выполнения вышеперечисленных условий). В то же время, несмотря на подписание Майендорфской декларации (2008 г.), обязывавшей стороны при достижении урегулирования обеспечить этот процесс необходимыми международными гарантиями и работать над согласованием политического урегулирования конфликта, других международных деклараций и заявлений (Мускоксское заявление, Декларация Европарламента, относящиеся к 2010 г.), а также некоторое оживление армяно-азербайджанских конфликтов, в том числе на высшем уровне, армянская сторона попыталась отказаться даже от достигнутых договоренностей. В результате разрешение конфликта осталось замороженным.

Наконец, четвертый этап урегулирования конфликта – примерно с октября 2010 г. по наши дни. Этот период мы можем охарактеризовать как годы многочисленных контактов лидеров Азербайджана и Армении и их министров иностранных дел, с некоторым снижением активности международных посредников и наблюдателей. Пожалуй, единственной серьезной подвижкой стали соглашения об обмене военнопленными и о разрешении конфликта сугубо мирными средствами. Однако в остальном каких-либо реальных сдвигов в деле разрешения нагорно-карабахской проблемы пока не наблюдается. Разрешение его, судя по всему, все так же остается делом будущего. Насколько далеко, покажет время.

Литература:

1. Армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт и приднестровский конфликт: современное состояние и перспективы урегулирования. Материалы международной научно-практической конференции. Кишинэу, 1 июня 2012 г. - Кишинэу, 2012.
2. Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество. - Баку, 2008.
3. Гасымлы Д. Агрессия Армении против Азербайджана. Дипломатические усилия по решению армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта (1987-2009). - Сб. ст. от Майендорфа до Астаны: принципиальные аспекты армяно-азербайджанского нагорно-карабахского

конфликта. Под ред. Г. М. Алексеева. - Москва: ООО Типография «КЕМ», 2010.

4. <http://www.memo.ru/d/14001.html>.
5. <http://ria.ru/world/20110113/321133188.html>.
6. <http://ria.ru/world/20111026/471415225.html>.
7. <http://ria.ru/world/20120123/546940254.html>.
8. <http://www.russian.rfi.fr/kavkaz/20120618-armyano-azerbaidzhanskie-peregovory-v-parizhe-vzaimnye-pretenzii-prodolzhayutsya>.
9. <http://ria.ru/world/20120904/742920387.html>.
10. <http://www.newsazerbaijan.ru/karabakh/20130523/298891817.html>.

Summary

The establishment of a fragile truce between the parties in May 1994 allowed to begin negotiations of Azerbaijan and Armenia on the occupied Azerbaijani territories last, with the participation of international organizations. However, they did not give any "breakthrough" results because the parties' positions on almost all issues were mutually exclusive, and they managed to pull together only minor problems. In addition, the situation in the conflict zone, all these years, constantly kept on the edge of an explosion, and then there are small skirmishes and clashes parties who at any moment can turn into a real war.

Keywords: Territories, international organizations, the parties, conflict zone.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология».

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан - новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 24

Подписанно в печать: 10.09.2013

Формат 60×84 1/8

Объем 5,6 п. л.

Заказ № 184

Тираж 500

"Print-Caro" SRL, 2013
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653